UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00306620 6

Digitized by the Internet Archive
in 2010 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/literaturnyedebi01maks

366
172
507
A

Изданіе книжнаго магазина „НАША ЖИЗНЬ“.
Спб., Литейный, 32. Телеф. 68—14.

Maksimov, Vladislav Evgen'evich.

Владиславъ Максимовъ.

Literaturnye debiaty N. A. Nekraso

Литературные дебюты Н. А. Некрасова.

Выпускъ 1-й.

СОДЕРЖАНІЕ:

1. Къ вопросу о томъ, отжилъ ли Некрасовъ.
2. Юношескія стихотворенія Некрасова: критическій анализъ сборника „Мечты и Звуки“.
3. Драматическіе опыты Некрасова: водевили, комедія и драма.
4. Приложенія: текстъ нѣкоторыхъ, частью нигдѣ не напечатанныхъ, юношескихъ произведеній Некрасова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПО-ЛИТ. „ЭНЕРГІЯ“. ЗАГОР. 17.
1908.

MAR 30 1973
UNIVERSITY OF TORONTO

PG
3337
N4Z6665
vyp. 1.

Предисловіе.

Настоящей работой имѣется въ виду восполнить одинъ изъ многочисленныхъ пробѣловъ критической литературы о Некрасовѣ—отсутствіе подробнаго анализа литературныхъ дебютовъ покойнаго поэта. Занимаясь изслѣдованіемъ этихъ послѣднихъ, авторъ исходилъ изъ убѣжденія, что критической литературѣ о произведеніяхъ „музы мести и печали“ пора вступить на путь изученія творчества Некрасова въ извѣстной исторической перспективѣ, такъ какъ только при этомъ условіи возможно вполнѣ объективное къ нему отношеніе.

Въ первомъ выпускѣ труда о литературныхъ дебютахъ Некрасова, изданіе котораго пріурочено къ исполняющемуся 27 декабря 1907 г. тридцатилѣтію со дня смерти поэта, разсматривается сборникъ юношескихъ стихотвореній Некрасова—„Мечты и Звуки“ и его драматическіе опыты.

Въ послѣдующемъ выпускѣ авторъ надѣется освѣтить вопросъ о критическихъ рецензіяхъ и беллетристическихъ произведеніяхъ Некрасова.

Къ вопросу о томъ, отжилъ ли Некрасовъ

(Вмѣсто введенія).

Вопросъ о томъ,—отжилъ ли Некрасовъ,—находится въ тѣсной связи съ другимъ вопросомъ: какова поэтическая цѣнность его произведеній? Отрицая присутствіе „истинной“ поэзіи въ стихахъ Некрасова, мы тѣмъ самымъ почти предрѣшаемъ первый изъ поставленныхъ вопросовъ въ отрицательномъ смыслѣ, такъ какъ лишенныя поэтическаго дара стихотворенія, хотя и могутъ быть временно популярными, но долго „жить“ не могутъ. И наоборотъ, литературное достояніе истиннаго таланта отживаетъ свой вѣкъ очень медленно и почти всегда заключаетъ въ себѣ хотя бы крупицы чего-то совсѣмъ нетлѣннаго.

Такимъ образомъ рѣшить вопросъ,—отжилъ или не отжилъ Некрасовъ,—поставленный совершенно одиноко, едва ли возможно.

Уже самая постановка этого вопроса вызываетъ другой—о поэтической цѣнности его произведеній, на которомъ и надо остановиться прежде всего. Однимъ изъ способовъ пріобрѣсти болѣе или менѣе объективный критерій при рѣшеніи этого послѣдняго можетъ служить ознакомленіе съ той критической литературой, которая существуетъ о поэзіи Некрасова. Само собой разумѣется, что такое ознакомленіе не должно быть библіографическимъ, а должно касаться отзывовъ болѣе или менѣе типичныхъ.

Приступая [1]) къ оцѣнкѣ литературной дѣятельности Карамзина, В. Г. Бѣлинскій останавливается, между прочимъ на отношеніи къ этому писателю русской критики. „Вотъ имя,—говоритъ онъ—за которое было дано столько кровавыхъ битвъ, произошло столько отчаянныхъ схватокъ, переломлено столько копій!.. Кто изъ читающихъ строки сіи не былъ свидѣтелемъ этихъ литературныхъ побоищъ, не слышалъ этого оглушающаго рева похвалъ, преувеличенныхъ и безсмысленныхъ, этихъ порицаній, частью справедливыхъ, частью нелѣпыхъ?

И теперь, на могилѣ незабвеннаго мужа, развѣ уже рѣшена побѣда, развѣ восторжествовала та или другая сторона? Увы, еще нѣтъ!“

Если бы эти строки были написаны какихъ-нибудь 10—15 лѣтъ тому назадъ другимъ литературнымъ критикомъ и отнесены не къ Карамзину, а къ Н. А. Некрасову, то едва ли такого рода отзывъ показался бы особенно преувеличеннымъ. Общеизвѣстенъ фактъ критической разноголосицы относительно Карамзина; однако и поэзія Некрасова вызывала, да пожалуй, и теперь вызываетъ не мало споровъ.

Въ самомъ дѣлѣ, еще при жизни поэта русская критика въ оцѣнкѣ его произведеній раздѣлилась на два противоположныхъ лагеря.

Мало замѣтное въ 40-хъ и 50-хъ годахъ, это раздѣленіе весьма ощутительно начинаетъ сказываться въ въ 60-хъ и дѣлается уже очень рѣзкимъ въ 70-хъ.

Если въ 60-хъ годахъ противъ некрасовской поэзіи выступали только анонимные критики [2]) „Отеч. Записокъ“ да малоизвѣстные г.г. Загуляевъ и Н. Соловьевъ изъ непопулярнаго „Всемірнаго труда“, [3]) то въ 70-хъ годахъ противъ „музы мести и печали“ откры-

---

[1]) См. „Литературныя мечтанія“.
[2]) „Отеч. Зап.“ 1861 г. № 12.
[3]) „Всемірный трудъ“ 1868 г. №№ 2 и 4.

вается цѣлая кампанія. Такъ, Н. Страховъ печатаетъ [1]) въ „Зарѣ“ статью, въ которой говоритъ, что ни одна страница стиховъ Некрасова не обходится безъ пошлостей и фальшивыхъ нотъ.

Еще большую настойчивость въ развѣнчиваніи Некрасова выказываетъ г. Авсѣенко, [2]) который въ 60-хъ годахъ нѣсколько разъ брался за этотъ неблагодарный трудъ. По его мнѣнію, за свою двадцатипятилѣтнюю поэтическую дѣятельность Некрасовъ только и занимался, что „облекалъ въ стихи маленькія мысли, высказываемыя свободно-мыслящими департаментскими чиновниками, не слишкомъ бойкими фельетонистами и совершенно темными литераторами, попавшими умирать въ Обуховскую больницу“. Этотъ взглядъ, высказанный первый разъ въ сравнительно небольшой статьѣ, подробно развивается авторомъ въ длинномъ очеркѣ съ выразительнымъ заглавіемъ: „Поэзія журнальныхъ мотивовъ“.

Нападенія Авсѣенки находили себѣ отголосокъ на страницахъ „С. Петербургскихъ Вѣдомостей“ [3]) и, главнымъ образомъ, все того же „Русскаго міра“, въ статьяхъ [4]) Вс. С—ва.

Это отрицательное отношеніе къ Некрасову было поддержано отчасти и Тургеневымъ, заявившимъ, что „въ бѣлыми нитками сшитыхъ, всякими пряностями приправленныхъ, мучительно высиженныхъ измышленіяхъ „скорбной“ музы, поэзіи-то и нѣтъ на грошъ“.

Наряду съ этимъ отрицательнымъ взглядомъ на произведенія Некрасова, конечно, существовалъ и положительный, выразителями котораго являлись Вс. Крестовскій, Зайцевъ, Ор. Миллеръ, Буренинъ, А. Суворинъ и даже Ап. Григорьевъ. Разноголосица критики, наблюдаемая при жизни Некрасова, и неумѣренность напа-

---

[1]) „Заря“ 1870 г. № 9.

[2]) „Русскій міръ“ 1872 № 122, 1873 №№ 46, 49 „Русскій Вѣстникъ“ 1873 г. № 6, 1874 № 7.

[3]) „СПБ. Вѣд.“ 1876 №№ 31, 86.

[4]) „Русскій міръ“ 1876 №№ 36, 95

докъ на него не должны особенно удивлять насъ, такъ какъ Некрасовъ, будучи редакторомъ „Современника“, а потомъ и „Отечественныхъ Записокъ“, представлялъ слишкомъ опредѣленную величину въ общественномъ смыслѣ, чтобы вызывать къ себѣ спокойное и безпристрастное отношеніе.

Напрасно стали бы мы ожидать такого отношенія и въ журнальной литературѣ, вызванной кончиной Некрасова. Въ то время, какъ г. Скабичевскій склонялся [1]) къ мысли, что права была молодежь, поставившая Некрасова выше Пушкина и Лермонтова, г. Е. Марковъ на страницахъ „Голоса“ [2]) называлъ Некрасова не болѣе, какъ поэтомъ „заказныхъ“ темъ.

Та же двойственнность сказалась и десятью годами позднѣе, въ дни перваго юбилея поэта. Немногимъ раньше статей Южакова [3]) и Арсеньева [4]), изъ которыхъ первый основной мотивъ некрасовской поэзіи— ея отрицательную вѣру—называлъ синтезомъ вѣрующаго идеализма Пушкина и скептической вѣры Лермонтова, а второй доказывалъ ошибочность аргументаціи тѣхъ, кто не признавалъ въ стихахъ Некрасова истинной поэзіи, появляется въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ [5]) статья П. Полевого, всѣ обличительные мотивы некрасовской поэзіи считающаго не болѣе, какъ „моднымъ направленіемъ“, избраннымъ изъ желанія удовлетворить вкусу большинства.

Подобная же разноголосица въ оцѣнкѣ поэзіи Некрасова наблюдается и въ 90-тыхъ годахъ. Правда, въ это время положительный взглядъ на нее, преобладавшій и раньше, еще болѣе распространяется, но тѣмъ не менѣе наличность отрицательнаго отношенія не подлежитъ сомнѣнію, доказательствомъ его можетъ служить

---

[1]) „Биржевыя Вѣд.“ 1878 г № 27.
1878 г. №№ 42, 46, 47, 54, 88 и 89.
[3]) „Сѣв. Вѣстникъ“ 1889 № 5.
[4]) Критическіе этюды о русской литературѣ т. II. Спб. 1888 г.
[5]) „Историч. Вѣстн.“ 1887 г. № 1.

статья г. Краснова[1]) „Поэзія прозы“, въ которой авторъ высказываетъ убѣжденіе, что гражданскіе мотивы поэзіи Некрасова теперь уже не привлекаютъ читателей.

Такимъ образомъ, изучая критическую литературу о Некрасовѣ до конца XIX вѣка приходится констатировать факты въ высшей степени разнорѣчивой оцѣнки его поэзіи.

Послѣдній двадцатипятилѣтній юбилей, къ сожалѣнію, не вполнѣ устранилъ эту разноголосицу, хотя вопросъ о томъ, „отжилъ ли Некрасовъ“, былъ поставленъ ребромъ, благодаря анкетѣ, организованной редакціей московской газеты „Новости дня“. На анкету „Новостей Дня“ отозвались наиболѣе извѣстные изъ современныхъ писателей, и отзывы ихъ представляютъ такой интересъ, что на нихъ не лишнее остановиться нѣсколько подробнѣе. Начнемъ, если не съ отрицательныхъ, (строго говоря, такихъ „отзывовъ“ не было), то, по крайней мѣрѣ, со скептическихъ отзывовъ о поэзіи Некрасова.

Незаурядный драматургъ С. Найденовъ, признавая, что Некрасова „нельзя не любить“, такъ какъ „это поэтъ съ большимъ темпераментомъ“, который „умѣетъ сильно потрясти душу“, сознается, что въ послѣднее время не читаетъ его стиховъ, хотя еще и не отжившихъ, но отживающихъ свое время. Некрасовъ—„не первоклассный поэтъ“—такъ заканчиваетъ свой отзывъ г. Найденовъ.

Нѣкоторымъ скептицизмомъ вѣетъ также отъ отзыва Леонида Андреева. „Я вообще не люблю стиховъ,—пишетъ г. Андреевъ,—мнѣ трудно ихъ читать, и оттого всѣ свои сужденія о поэтахъ я долженъ высказывать съ большою осторожностью и недовѣріемъ къ себѣ“. Далѣе авторъ отзыва оговаривается, что о Некрасовѣ онъ можетъ судить лишь по впечатлѣніямъ юности, такъ какъ въ послѣдніе годы его не перечитывалъ; на впе-

---

[1]) „Недѣля“ 1898 г. № 4.

чатлѣнія же своей юности г. Андреевъ отказывается положиться, такъ какъ они создались „быть можетъ, подъ давленіемъ тѣхъ смутныхъ и особенно сильныхъ въ своей неопредѣленности слуховъ о личности поэта, которые циркулировали тогда уже въ обществѣ". Позднѣе г. Андреевъ узналъ истинную цѣну этихъ слуховъ и понялъ ихъ жестокую несправедливость, но избавиться отъ тяжелаго и смутнаго недовѣрія къ гражданской искренности Некрасова, къ своему собственному сожалѣнію, уже не могъ. Не гражданскія стихотворенія Некрасова несравненно болѣе нравятся Андрееву, который заключаетъ свой отзывъ словами: „въ настоящее время Некрасовъ, какъ мнѣ кажется, уважаемъ болѣе, чѣмъ когда-нибудь, и менѣе, чѣмъ когда-нибудь, читаемъ". Такимъ образомъ, въ глазахъ Л. Андреева поэтическая цѣнность большей части произведеній Некрасова далеко не безспорная величина.

Повидимому, это неопредѣленное отношеніе, съ долей нѣкотораго скептицизма, не чуждо и Максиму Горькому, который, хотя и принялъ участіе въ анкетѣ, однако, съ первыхъ же словъ заявилъ, что отказывается отвѣтить на вопросъ, поэтъ ли Некрасовъ, такъ какъ считаетъ самое понятіе „поэтъ" недостаточно опредѣленнымъ. Нотка скептическаго отношенія къ поэзіи Некрасова звучитъ весьма ощутительно въ этомъ отзывѣ, такъ какъ почитатель поэта не сталъ бы задумываться надъ поставленнымъ вопросомъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не отмѣтить, что если, съ одной стороны, въ сужденіяхъ гг. Андрева и Горькаго и чувствуется нѣкоторый скептицизмъ, то съ другой стороны, они далеки отъ прямого отрицанія Некрасова, какъ поэта. Однако, и вполнѣ отрицательный взглядъ на него все еще встрѣчаетъ своихъ послѣдователей. Однимъ изъ послѣднихъ является Л. Н. Толстой, который незадолго до юбилея въ предисловіи къ роману фонъ-Поленца „Крестьянинъ", повторяя свое старое

сужденіе, заявилъ, что онъ отрицаетъ у Некрасова всякій поэтическій даръ.

Это рѣзкое отрицательное воззрѣніе проникло и въ юбилейную литературу. Въ одномъ случайномъ изданіи [1]) г. Евлаховъ, признавая лишь историческое значеніе стихотвореній Некрасова, находитъ, что, съ появленіемъ въ Россіи новыхъ общественныхъ и литературныхъ теченій, непроходимая пропасть легла между нами и поэтомъ. „Если бы Некрасовъ былъ настоящимъ художникомъ,—пишетъ г. Евлаховъ,—то всѣ эти причины не повліяли бы на умаленіе реальной цѣнности его поэзіи, по крайней мѣрѣ въ такой степени. Но несомнѣнно Некрасовъ не былъ художникомъ въ истинномъ значеніи слова...

Поэтъ мыслитъ не происшествіями, не фактами, а образами, которыхъ у Некрасова почти нѣтъ". Далѣе авторъ цитируемой статьи указываетъ на одинокое положеніе Некрасова въ русской литературѣ, такъ какъ у него „не было предшественниковъ, какъ не было и послѣдователей. Темы, которыя онъ разрабатывалъ въ своихъ стихотвореніяхъ, ни до него, ни послѣ—никогда не занимали русскихъ поэтовъ" (sic!!).

Указанныя проявленія скептицизма и чистаго отрицанія потонули въ томъ взрывѣ всеобщаго сочувствія, а часто даже и энтузіазма, которыми отозвались на „некрасовскіе дни" русское общество и литература. Говоря до сего времени по преимуществу объ отношеніи къ Некрасову русской критики, приходится съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ остановиться предъ юбилейной литературой. Передъ нами до 150 всевозможныхъ повременныхъ изданій: какъ провинціальныхъ, такъ и столичныхъ, какъ умѣренно—безразличнаго, такъ и боевого прогрессивнаго направленія. Какъ разобраться въ этой массѣ статей? Какъ провести грань между соб-

---

[1]) „Наша Газета" 1903. № 1.

ственно „критическими“ статьями и публицистическими проявленіями общественнаго мнѣнія. Критическіе отдѣлы, руководимые заправскими критиками, существуютъ только, да и то не во всѣхъ, столичныхъ изданіяхъ. Если статьи этихъ послѣднихъ составляютъ „критику“ въ строгомъ смыслѣ, то вправѣ ли мы назвать этимъ же именемъ многочисленныя статьи провинціальной прессы, статьи, въ которыхъ, къ тому же, выражается только извѣстное отношеніе къ поэзіи Некрасова, и совсѣмъ нѣтъ критическаго разбора? Опредѣленный и точный отвѣтъ на подобные вопросы едва ли возможенъ. При разрѣшеніи ихъ приходится руководствоваться соображеніями довольно таки условнаго характера. Съ наибольшей вѣроятностью, думается, можно утверждать, что присяжная критика сосредоточилась вокругъ толстыхъ журналовъ въ то время, какъ критика болѣе диллетантская и, слѣдовательно, болѣе чуткая въ отраженіи общественнаго мнѣнія, группируется, преимущественно, вокругъ газетной прессы. Это не всегда вѣрно для прессы столичной и почти несомнѣнно для прессы провинціальной. Опираясь на эти, повторяемъ, довольно таки условныя [1]) соображенія, прослѣдимъ отношеніе къ Некрасову въ дни его 25-лѣтняго юбилея сначала журнальной критики, а затѣмъ газетной публицистики, какъ выразительницы общественнаго мнѣнія страны.

Среди журнальныхъ статей выдѣляется статья [2]) П. Ф. Гриневича „Муза мести и печали“. Не внося новыхъ точекъ зрѣнія въ пониманіе поэзіи Некрасова,— авторъ тщательно и подробно останавливается на вліяніяхъ (матери и Бѣлинскаго), опредѣлившихъ направленіе его творчества, и на постепенномъ развитіи

---

[1]) Насколько эти соображенія условны, читатель увидитъ изъ того, что вмѣстѣ съ журнальными статьями намъ придется, въ качествѣ чисто критическихъ, разсмотрѣть и нѣкоторыя газетныя, напр., Розанова и Энгельгардта.

[2]) „Русск. Богат.“ 1902 г. №№ 11, 12.

основныхъ мотивовъ этого послѣдняго. Огромное поэтическое дарованіе Некрасова, по мнѣнію Гриневича, не подлежитъ никакому сомнѣнію, и „музѣ мести и печали“ предстоитъ широкое и свѣтлое будущее. Вѣритъ въ долговѣчность стиховъ Некрасова и признаетъ ихъ поэтическія достоинства и г. Кранихфельдъ [1]), который, какъ на одну изъ главныхъ причинъ общественнаго значенія Некрасова, указываетъ на созданный имъ цѣлый культъ героевъ, добивающихся путемъ жертвъ и борьбы лучшаго будущаго. Интересно мнѣніе [3]) о Некрасовѣ Бальмонта, талантливѣйшаго изъ нашихъ „новыхъ“ поэтовъ. Неотразимая обида, ощущеніе клеймящихъ орудій, заложенныя безчеловѣчнымъ общественнымъ порядкомъ,—вотъ ключъ къ поэзіи Некрасова, которому г. Бальмонтъ отводитъ равноправное мѣсто въ ряду семи великихъ русскихъ поэтовъ XIX вѣка (Пушкинъ, Лермонтовъ, Тютчевъ, Фетъ, Кольцовъ, Баратынскій). „Некрасовъ“,—заключаетъ Бальмонтъ свою статью,—„первый, посмѣвшій создать музыку диссонансовъ и живопись уродства, онъ многослитный возгласъ боли и негодованія. Мы съ дѣтства узнаемъ чрезъ него, что есть тюрьмы и больницы, чердаки и подвалы; онъ до сихъ поръ говоритъ намъ, что вотъ въ эту самую минуту, когда мы здѣсь дышимъ, есть люди, которые задыхаются“.

М. Филипповъ въ своей, по преимуществу біографической статьѣ [3]), не только высоко ставитъ поэзію Некрасова и признаетъ ея великое значеніе въ русской литературѣ, но, ссылаясь на успѣхъ переводовъ Некрасова заграницей, констатируетъ и „нѣкоторое міровое значеніе его произведеній“, такъ какъ страдающіе, униженные и оскорбленные есть вездѣ.

Та же тенденція къ расширенію литературнаго зна-

---

[1]) „Міръ Божій“, 1902 г. № 12.
[2]) „Новый путь“ 1903 г. № 3.
[3]) „Научное обозрѣніе“ №№ 1, 2, 1903 г.

ченія Некрасова замѣтна въ статьѣ В. Мірскаго [1]) котораго не удовлетворяетъ названіе, постоянно прилагаемое къ Некрасову—„поэтъ гражданинъ". По его мнѣнію, оно далеко не покрываетъ собой содержанія всѣхъ его произведеній. Понятіе труда, несомнѣнно, обширнѣе понятія „гражданственности". Некрасовъ имѣетъ неотъемлемое право на титулъ поэта труда, такъ какъ онъ воспѣвалъ его печали и радости, его гордость и униженія, его права и желанія, его враговъ и друзей.

Въ противоположность М. Филиппову, г-нъ Ашешовъ [2]), не отрицая поэтическихъ достоинствъ произведеній Некрасова, нѣсколько суживаетъ значеніе его поэзіи. Преобладающій мотивъ послѣдней—романтизмъ народной скорби. Теперь прошло время неопредѣленной скорби о неопредѣленномъ народѣ, который болѣе не нуждается въ альтруистической опекѣ интеллигенціи и поэтому поэзію Некрасова не можетъ уже удовлетворить молодого поколѣнія. Тѣмъ не менѣе, имя Некрасова—этого рыцаря духа—останется незабвеннымъ. По мнѣнію г. Щеголева, [3]) имя Некрасова—является также лишь „дорогимъ воспоминаніемъ". Источникъ его поэзіи — ненависть къ унижающимъ, но не любовь къ униженнымъ. Поэтому-то Некрасова отрицаютъ такіе писатели, какъ Л. Толстой и И. Тургеневъ, которые основу искусства видятъ въ любви.

Въ заключеніе нельзя не упомянуть о двухъ газетныхъ статьяхъ, вносящихъ, несмотря на свои сравнительно небольшіе размѣры, нѣчто новое въ критическую оцѣнку некрасовской поэзіи. Это, во-первыхъ, статья г. Розанова [4]), въ которой онъ, указывая на совершенный Некрасовымъ синтезъ русскаго интелли-

---

[1]) „Журналъ для всѣхъ" № 12, 1902 г.
[2]) „Образованіе" 1902 г. № 12.
[3]) „Историч.-Вѣстникъ" 1902 г. № 12.
[4]) „Нов. Время" 1902 г. 24 дек.

гента и русскаго крестьянина, развиваетъ эту мысль слѣдующимъ образомъ: „легко, свободно, невыразимо могуче Некрасовъ, какъ бы захвативъ пригоршнями двѣ волны, деревенско-мужицкую и школьно-интеллигентскую, плеснулъ ихъ другъ на друга, къ взаимному оплодотворенію, къ живому союзу въ любви и помощи. Никто столько какъ онъ не сдѣлалъ, что сельская учительница стала другомъ деревни, ея же другомъ сталъ земскій врачъ...“ Съ другой стороны, М. Энгельгардтъ [1]) останавливается на объясненіи громаднаго вліянія Некрасовской поэзіи, главную причину котораго онъ видитъ въ „художественномъ совершенствѣ его произведеній“, понимая это совершенство въ окончательномъ освобожденіи поэзіи отъ условныхъ требованій внѣшней красивости, которое Некрасовъ довелъ до конца.

Вотъ и всѣ наиболѣе интересныя критическія статьи о Некрасовѣ. Для полноты нашего перечня укажемъ еще на сочувственныя статьи Бобрищева-Пушкина [2]) и Морозова [3]). Спѣшимъ оговориться, что чисто біографическія работы, какъ журнальныя, такъ и газетныя, оставлены нами въ сторонѣ, несмотря на то, что среди нихъ есть не мало весьма интересныхъ [4]).

---

[1]) „Новости“ 1902 г. 22 дек.

[2]) „Всемірный Вѣстникъ“ № 1, 1903 г.

[3]) „Литературное Обозрѣніе“ № 11, 1902 г.

[4]) Таковы: статья Антоновича („Жур. для всѣхъ“, 1903 г. № 2), въ которой послѣдній отказывается отъ обвиненій Некрасова въ намѣренномъ либеральничаньѣ въ угоду вѣяніямъ времени (см. брошюру Антоновича и Жуковскаго: „Матеріалы для характеристики русской литературы“. Спб. 1869 г.); статья Гутьяра („Русская Старина“ 1903 г. № 1), повторяющая нападки Тургенева и на поэзію и на личную жизнь Некрасова (см. отповѣдь „Міра Божьяго“ 1903 г. № 2); письма Н. А. Некрасова къ разнымъ лицамъ, главнымъ образомъ, по поводу денежныхъ отношеній къ Огаревой („Русская Мысль“ 1902 г. № 12); метрическая запись о бракѣ родителей поэта, устанавливающая вѣроисповѣданіе матери поэта („Кіевская Старина“ 1903 г. № 1). Изъ газетныхъ статей біографическаго характера нельзя не отмѣтить воспоминаній Писарева („Новости“ 25 дек.), Вейнберга („Новости“ 21 дек.), Плещеева („Бирж. Вѣд.“, 23 дек.), Засодимскаго („Новости“ 23 дек.), воспоминаній крестьянъ о поэтѣ и его родителяхъ („Сѣверный

Переходя къ характеристикѣ общественнаго отношенія къ Некрасову, выразившагося въ публицистическихъ замѣткахъ газетъ, нельзя не выдѣлить особо отзывовъ дѣятелей литературы и искусства, присланныхъ въ отвѣтъ на вышеупомянутую анкету „Новостей Дня". Лица, приславшія свои отзывы, не безъ основанія, могутъ быть причислены къ руководителямъ общественнаго мнѣнія. И покойный А. Чеховъ, и Боборыкинъ, и Златовратскій, и Минскій, и Брюсовъ, и Бунинъ, и Рѣпинъ, и Волынскій настолько популярны даже среди широкихъ слоевъ интеллигенціи, что ихъ мнѣнія должны быть поставлены впереди. Всѣ перечисленныя лица на вопросъ, отжилъ ли Некрасовъ, отвѣтили отрицательно, признавая его вмѣстѣ съ тѣмъ истиннымъ и крупнымъ поэтомъ. Не останавливаясь на теплыхъ и сочувственныхъ отзывахъ Чехова, Минскаго и Боборыкина, отмѣтимъ, что двое изъ опрашиваемыхъ Бунинъ и Златовратскій подчеркнули свое удивленіе по поводу категорическаго отрицанія поэзіи Некрасова Л. Толстымъ. „Взгляды гр. Л. Н. Толстого—писалъ по этому поводу Златовратскій—идутъ вразрѣзъ тѣмъ положеніямъ, какія онъ выставилъ въ своемъ спеціальномъ трактатѣ объ искусствѣ, гдѣ цѣлью поэзіи онъ признаетъ возвышеніе души человѣческой. Вся поэзія Некрасова отмѣчена именно этимъ стремленіемъ къ облагораживанію души и къ пробужденію добрыхъ чувствъ въ читателѣ". О другомъ отрицателѣ Некрасова—И. С. Тургеневѣ вспомнилъ Валерій Брюсовъ. Этотъ послѣдній, въ противоположность Тургеневу, видитъ въ стихахъ Некрасова печать истиннаго

Край" 1902 г. 27 дек., „Петербургскіе Вѣд." 1902 г. 28 дек.), рисующихъ личность поэта въ крайне симпатичномъ свѣтѣ. Помимо этихъ біографическихъ статей и замѣтокъ нельзя не указать на опубликованіе нѣкоторыхъ до сего времени неизвѣстныхъ произведеній Некрасова или же отрывковъ изъ нихъ (см. Литературный Архивъ Картавова, октябрь 1902 г. и „Литературный Вѣстникъ", книга I, за 1903 г.).

дарованія, ставитъ ему въ заслугу, что даже послѣ Пушкина и Лермонтова, онъ сумѣлъ найти свой собственный путь, и вмѣстѣ съ тѣмъ сопоставляетъ некрасовскія картины сѣвернаго города съ лучшими страницами описаній Бодлера. Единственная причина, что поэзія Некрасова до сихъ поръ не оцѣнена по достоинству, заключается, по словамъ Брюссова, въ его „гражданскомъ служеніи“, сдѣлавшимъ изъ его стиховъ предметъ партійныхъ споровъ.

Наиболѣе обширные изъ приведенныхъ отзывовъ—отзывы Рѣпина и Волынскаго—являются въ то же время едва ли не самыми интересными. Маститый художникъ такъ опредѣляетъ значеніе Некрасова: „Поэтъ истинно русскій, у него зычный голосъ, мѣткій языкъ и живой, здравый умъ съ сарказмомъ ко всякой несправедливости. Правда—девизъ этого рыцаря печальнаго образа... Сколько бы ни иронизировали эстеты, скептически гримасничая надъ поэзіей Некрасова, воспитательное значеніе поэта гражданина велико и вѣчно... Общество всегда будетъ съ великимъ почетомъ относиться къ своему могучему поэту“.

А. А. Волынскій, на нашъ взглядъ, ярче, чѣмъ многія изъ предшествовавшихъ критиковъ, характеризуетъ Некрасова: „Некрасовъ—огромный поэтическій талантъ, который долженъ быть поставленъ рядомъ съ лучшими поэтическими именами русской литературы. Стихъ его ярокъ и звученъ—можно сказать, не гармонически, а дисгармонически звученъ, и въ этой именно дисгармоничной звучности его поэзіи чувствуется что-то не только сильное, но и трагическое.

Въ стихахъ его вылился какой-то покаянный вопль русской интеллигенціи, сознавшей свою историческую виновность предъ русскимъ народомъ. Въ самомъ темпераментѣ Некрасова, вулканическомъ, полномъ противорѣчій, слышится широкій барскій разгулъ, возрос-

шій и развернувшійся на крѣпостнической почвѣ. Тѣмъ болѣе подкупаютъ въ немъ эти его поэтическія самообличенія, столь же искреннія, столь же вдохновенныя, какъ и порывы его необузданнаго темперамента. Онъ пѣлъ о крестьянскомъ горѣ, набросалъ множество великолѣпныхъ художественныхъ образовъ изъ міра крестьянской нужды и крестьянской темноты, далъ почувствовать, что подъ гнетомъ нужды и темноты шевелятся еще не развернувшіяся богатырскія силы. Иногда поэзія Некрасова поднимаетъ въ читателѣ потребность историческаго реванша въ пользу многострадальнаго народа и эта потребность является не только дѣломъ опредѣленнаго историческаго момента, а вѣчнымъ настроеніемъ всякой интеллигенціи по отношенію ко всякому народу".

Такимъ образомъ по вопросу о томъ, „отжилъ ли Некрасовъ? каково его поэтическое значеніе?",—мнѣнія, большинства корифеевъ современной русской литературы и искусства оказались единодушными. Еще большее единодушіе въ этомъ отношеніи проявило русское общество, какъ устами провинціальной и столичной прессы, такъ и восторженными чествованіями памяти поэта.

Насколько великъ былъ этотъ энтузіазмъ легко убѣдиться, прослѣдивъ отношеніе прессы къ старому вопросу о возможности сопоставленія Некрасова съ Пушкинымъ и Лермонтовымъ. Читатели, конечно, помнятъ споръ, завязавшійся у могилы поэта, кто выше Некрасовъ или же Пушкинъ и Лермонтовъ. Долгое время многими присяжными критиками признавалась смѣшной даже самая постановка вопроса „Некрасовъ и Пушкинъ: какое же тутъ можетъ быть сопоставленіе?!"

Въ юбилейныхъ статьяхъ, посвященныхъ памяти пѣвца „музы мести и печали", также указывалось на нѣкоторую неправильность такого сопоставленія, но уже въ виду совершенно иныхъ соображеній. Такъ, г-нъ Розановъ въ цитированной уже нами статьѣ „25-лѣтіе

кончины Некрасова", прямо говоритъ: „Положеніе Некрасова среди Пушкина, Лермонтова и Гоголя неумѣстно. Это люди вовсе разныхъ категорій, разныхъ призваній, разной исторической роли. Сравнивать ихъ также странно, какъ спрашивать, что лучше желѣзная дорога или Жанна д'Аркъ... Не „выше" и не „ниже", а совершенно, въ сторонѣ. Кто выше Аннибалъ или Сократъ, Суворовъ или Сергій Радонежскій? Что за вопросы? И кому ихъ разрѣшеніе нужно?"

Будемъ имѣть въ виду, что это мнѣніе излагаетъ человѣкъ по своей литературной дѣятельности и взглядамъ рѣзко, въ сущности, отличающійся отъ представителей того гражданскаго направленія, апостоломъ котораго является Некрасовъ.

Сотрудникъ провинціальной газеты „Каспій" [1]) г-нъ Львовъ, оставаясь на той же точкѣ зрѣнія, выражается нѣсколько категоричнѣе. Указывая, что сравненіе Пушкина и Лермонтова съ Некрасовымъ дѣло въ корнѣ неправильное, какъ неправильно сравнивать художника пейзажиста съ баталистомъ или жанристомъ, онъ говоритъ: „Всякій великій поэтъ рождаетъ школу. И у насъ—русскихъ двѣ такихъ школы: пушкинская и некрасовская... Рано или поздно имя Некрасова будетъ любимѣйшимъ именемъ русскаго народа, ибо для него не одинъ нашъ поэтъ не сдѣлалъ столько, сколько Некрасовъ".

Г-нъ Батюшковъ на страницахъ „Петербургскихъ Вѣдомостей" [2]) спрашиваетъ: „Почему за Пушкинымъ и Лермонтовымъ непосредственно стоитъ Некрасовъ, который не только не былъ заслоненъ никѣмъ изъ послѣдующихъ поэтовъ, но не имѣлъ себѣ равнаго даже въ ряду далеко недюжинныхъ поэтовъ послѣ пушкинской эпохи?"

---

[1]) 1902 г. 30 дек.
[2]) 1902 г. 15 дек.

М. Энгельгардтъ въ „Новостяхъ“ ставитъ вопросъ еще прямѣе: „Кто представители русской поэзіи? Пушкинъ, Лермонтовъ, Некрасовъ: такъ, навѣрное, отвѣтитъ даже врагъ некрасовской поэзіи, если предложить ему этотъ вопросъ неожиданно, врасплохъ. Вычеркните Некрасова—пробѣлъ огромный, зіяющій: это ужъ будетъ не та русская литература, которую мы знаемъ, характеръ ея измѣнился“.

Въ „Пермскомъ краѣ“ [1]) оттѣняется даже нѣкоторое преимущество Некрасова надъ Пушкинымъ и Лермонтовымъ, которые „несмотря на ихъ порой сочувственное отношеніе къ народу, не могли подняться до служенія этому народу, они до конца остались только эстетиками и художниками. Ни воспитаніе, ни среда не могла сдѣлать ихъ народными писателями, защитниками народныхъ интересовъ, для этого они слишкомъ удалились отъ него, между ними и народомъ лежала глубокая пропасть и тайники народнаго горя остались навсегда закрытыми для нихъ“.

Насколько сильно проявлялось иной разъ это панегиристическое отношеніе къ Некрасову видно изъ того, что авторовъ нѣкоторыхъ статей не удовлетворило наименованіе его поэтическаго дара—талантомъ. Такъ, „Владимірская Газета“ [2]) признала за Некрасовымъ право на имя поэта-генія. Того же мнѣнія придерживается и „Литературное Обозрѣніе“ [3]), которое находитъ, что, кромѣ геніевъ, принадлежащихъ всему человѣчеству, существуютъ поэты-геніи, принадлежащіе только своей странѣ. Таковы Гейне—Германія, Бернсъ—Англія, Беранже—Франція. Таковъ же и Некрасовъ.

Послѣ этихъ фактическихъ ссылокъ нѣтъ надобности останавливаться на отзывахъ другихъ повремен-

---

[1]) 1902 г. 25 дек.
[2]) 1902 г. 28 дек.
[3]) 1902 г. № 11. Статья И. Морозова.

ныхъ изданій. Повсюду, особенно въ провинціальной прессѣ, господствуетъ то же хвалебное, иногда даже неумѣренно хвалебное настроеніе. Эпитеты „незабвенный“, „геніальный“, „великій“ неразрывно соединяются съ именемъ Некрасова. Все это, какъ нельзя лучше свидѣтельствуетъ, что въ огромной массѣ русскаго общества не возникаетъ еще и вопроса о томъ, устарѣлъ ли Некрасовъ. Имъ, очевидно, по прежнему увлекаются и зачитываются.

Резюмируя вышеизложенное, нельзя не обратить вниманія на странность создавшагося положенія вещей: Толстой признаетъ Некрасова лишеннымъ всякаго поэтическаго дара, Горькій отказывается рѣшить вопросъ, „поэтъ ли онъ“, а русское общество въ массѣ своей устами печати находитъ, что онъ чуть ли не равенъ такимъ безспорнымъ поэтамъ, каковы Пушкинъ и Лермонтовъ, или, во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ непосредственно за ними. Это странное на первый взглядъ противорѣчіе, какъ намъ кажется, просто объясняется характеромъ міровоззрѣнія упомянутыхъ писателей. Въ самомъ дѣлѣ, Толстой—на что̀ уже неоднократно указывалось русской критикой—стоитъ въ оппозиціи къ передовому умственному теченію шестидесятыхъ годовъ и относится несочувственно къ боевымъ идеаламъ шестидесятниковъ, до сихъ поръ еще не потерявшихъ цѣну въ нашемъ обществѣ. Некрасовъ же, являющійся по преимуществу пѣвцомъ этихъ идеаловъ, естественно, не можетъ пользоваться особымъ расположеніемъ „великаго писателя земли русской“.

Что касается отзыва Максима Горькаго, не содержащаго прямого отрицанія Некрасовской поэзіи, то его, быть можетъ, слѣдуетъ объяснить психологически. Некрасовъ отъ начала до конца своей литературной дѣятельности оставался настоящимъ русскимъ интеллигентомъ со всѣми его достоинствами и недостатками. Отрицательное же отношеніе Горькаго къ русской

интеллигенціи общеизвѣстно, точно такъ же, какъ общеизвѣстно тяготѣніе этого писателя къ „рабочей“ массѣ и ея идеаламъ. Некрасовъ—интеллигентъ и народникъ, долженъ былъ остаться чуждымъ отрицателю интеллигенціи и поэту марксизма.

Однако, не въ однихъ только газетныхъ статьяхъ выразилось отношеніе русскаго общества къ „печальнику народнаго горя“. Чествованіе его памяти приняло всероссійскій и чисто общественный характеръ. Совершенно правъ г. Венгеровъ, утверждая, [1]) что это чествованіе невозможно и сравнить съ недавнимъ сухимъ, какъ будто бы обязательнымъ, празднованіемъ юбилея Жуковскаго, поэта очень симпатичнаго и заслуженнаго предъ русскою литературою, которому когда-то самъ Николай Алексѣевичъ съ благоговѣйнымъ трепетомъ вручилъ для просмотра тетрадочку своихъ юношескихъ стихотворныхъ опытовъ, и съ вялымъ юбилеемъ художественнаго родоначальника новой русской литературы—Гоголя. Причины этого явленія заключаются, разумѣется, въ томъ, что Жуковскій, „плѣнительная сладость“ стиховъ котораго, хотя еще и не исчезла совершенно, много уже отошелъ въ прошлое и стушевался предъ „завистливою далью вѣковъ“, Гоголь же представляетъ слишкомъ безспорное достояніе, чтобы его юбилей могъ вызвать особое волненіе. Некрасовъ, наоборотъ, такъ близокъ къ намъ и современной дѣйствительности съ ея „безднами насилія и зла“, имѣлъ такое множество личныхъ и литературныхъ отрицателей, голоса которыхъ, какъ мы видѣли, слышатся и въ наше время, что относиться къ его памяти безразлично нѣтъ возможности. И двадцатипятилѣтній юбилей поэта подтвердилъ это даже со стороны внѣшнихъ проявленій общественнаго вниманія къ памяти Некрасова. По справедливому замѣчанію г-на

---

[1]) „Вѣстникъ и библіотека самообразованія“ 1903 г. № 1.

Венгерова (тамъ же), не было такого медвѣжьяго уголка, гдѣ бы такъ или иначе не было отмѣчено 27-ое декабря, не было той маленькой провинціальной газеты, которая бы не постаралась дать спеціально „Некрасовскій нумеръ“.

Изъ провинціальныхъ городовъ наибольшую торжественность и интересъ имѣло чествованіе поэта въ „пріемной родинѣ“ его—Ярославлѣ. Особая юбилейная комиссія въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ работала здѣсь надъ выработкой программы празднованія. Послѣднее продолжалось три дня и ознаменовалось: торжественнымъ общимъ собраніемъ членовъ общества содѣйствія народному образованію—главнаго организатора юбилея—съ чтеніемъ, посвященныхъ памяти поэта, рефератовъ и хоровымъ исполненіемъ спеціально написанной мѣстнымъ композиторомъ кантаты; открытіемъ „Некрасовской“ выставки, заключавшей въ себѣ предметы, касающіеся жизни и творчества поэта; чтеніемъ о Некрасовѣ, иллюстрированнымъ свѣтовыми картинами въ городской аудиторіи; устройствомъ литературно-музыкально вокальнаго утра на сценѣ мѣстнаго театра и т. д.

Вотъ отзывъ участника этихъ торжествъ, рисующій настроеніе собравшейся на нихъ простонародной публики: „Надо было видѣть ту жадность, съ которой ловила аудиторія вѣщія слова своего поэта, надо было видѣть эти разгорѣвшіяся лица, эти глаза неотступно, напряженно слѣдившіе за каждымъ движеніемъ лектора, надо, повторяемъ, было видѣть все это, чтобы судить, какое хорошее дѣло совершалось у насъ въ этотъ вечеръ, когда передъ изумительно чуткой, воспріимчивой толпой читали чуть ли не въ первый разъ прогремѣвшій жгучій, бичующій стихъ великаго пѣвца-народолюбца“.

Подобныя торжества были устроены также во многихъ уѣздныхъ городахъ Ярославской губерніи.

Съ меньшимъ блескомъ, но съ такой же сердечностью,

помянули двадцати-пятилѣтіе смерти поэта, Кіевъ, Саратовъ и друг. провинціальные города. Что касается Петербурга, то хотя торжество здѣсь и не представляло съ внѣшней стороны ничего выдающагося, тѣмъ не менѣе прошло оно съ большимъ одушевленіемъ и выразило общее теплое и задушевное отношеніе къ личности поэта, любовь и преклоненіе предъ его талантомъ. Литературный фондъ вечеромъ 27-го декабря устроилъ въ честь Некрасова особый вечеръ. Обширный залъ Тенишевскаго училища былъ переполненъ публикой, отзывчиво встрѣчавшей многочисленныхъ участниковъ чествованія. Среди послѣднихъ, назовемъ Вейнберга, Венгерова, Гриневскую, Арсеньева, Потѣхина, Чюмину, Баранцевича, Савину, Михайловскаго и др. Нѣсколько запоздала съ чествованіемъ памяти поэта Москва. Лишь 23-го февраля 1903 г. въ залѣ Московскаго университета состоялось публичное засѣданіе Общества любителей россійской словесности, съ рѣчами Вейнберга, Златовратскаго, Сакулина и др. И здѣсь залъ заполняла все та же сочувствующая, жадно ловившая каждое слово лекторовъ, толпа.

Отголосокъ Некрасовскихъ торжествъ проникъ и заграницу. Русская колонія въ Берлинѣ устроила цѣлое празднество съ рефератами, пѣніемъ и декламаціей, „чтобы почтить Некрасова, великаго и славнаго поэта всероссійскаго, что такъ глубоко, искренно любилъ простой народъ, воспѣлъ его страданія въ своихъ стихахъ плѣнительныхъ,... что мощно, точно молотомъ разилъ пороки общества: развратъ, обманъ, насиліе и тунеядство праздное, и лѣнь и пьянство горькое, и лесть, и роскошь крайнюю, и крѣпостное дѣтище—жестокій деспотизмъ“.

Все это съ достаточно полной убѣдительностью свидѣтельствуетъ о томъ, что Некрасовъ по прежнему остается однимъ изъ любимѣйшихъ поэтовъ русскаго общества. Говоримъ „попрежнему“, такъ какъ

кому же не извѣстны факты по истинѣ трогательной связи между поэтомъ и его читателями, обнаружившіеся хотя бы во время болѣзни Некрасова, когда онъ буквально былъ заваленъ письмами и телеграммами, справляющимися о состояніи его здоровья, которыя получались со всѣхъ концовъ Россіи. Да и ранѣе, даже враждебная Некрасову критика должна была сознаваться въ необычайной популярности „не поэта“ Некрасова.

„Гласъ народа—гласъ Божій“, говоритъ старинная поговорка. Не утверждая, что она всегда вѣрна и безошибочна, трудно отрицать, что многолѣтнее общественное сочувствіе литературной дѣятельности писателя служитъ важнымъ аргументомъ художественной цѣнности его произведеній и вмѣстѣ съ тѣмъ въ значительной степени устраняетъ вопросъ о томъ, отжилъ ли этотъ литературный дѣятель или нѣтъ. Примѣняя сказанное къ Некрасову, нельзя не сознаться, что проявлявшееся къ нему до сего времени общественное сочувствіе, въ связи съ признаніемъ истинности и искренности его поэтическаго дарованія огромнымъ большинствомъ представителей русской критики, дѣлаютъ самую постановку вопроса объ его устарѣлости преждевременной.—Но,—скажутъ намъ,—если поэзія Некрасова еще не отжила, то она отживетъ свой вѣкъ въ ближайшемъ будущемъ? За будущее, разумѣется, поручиться трудно, но съ другой стороны, нельзя отказать въ убѣдительности соображеніямъ г. Мірскаго, [1]) который говоритъ, что „пока живы условія, возмущавшія гуманную душу поэта, голодъ и холодъ, безпріютная нищета, лицемѣріе и развратъ культурныхъ классовъ, денной разбой спекулянтовъ и биржевиковъ; тупое самодовольство людей, соблюдающихъ одну формальную мертвую правду—весь этотъ разнузданный дикій шабашъ вокругъ золотаго тельца:—и пока далѣе,

---

[1]) „Журналъ для всѣхъ“ 1902 г. № 12 стр. 1504.

не умерло то, что радовало Некрасова: природа средней Россіи, бодрый увѣренный въ себѣ трудъ человѣка, героическіе порывы, нравственная чуткость,—до той поры не умретъ и его поэзія...“

Не вдаваясь въ дальнѣйшее разсмотрѣніе этого вопроса, при рѣшеніи котораго все-таки трудно избѣгнуть нѣкоторой доли субъективизма, попытаемся подвести итоги тому, что сдѣлала русская критика въ теченіи 30 лѣтъ, прошедшихъ со дня смерти поэта, для изученія его поэзіи и тѣсно связанной съ нею личности поэта. Несмотря на то, что критическая литература о Некрасовѣ огромна, далеко еще не всѣ вопросы связанные съ поэтическимъ достояніемъ „музы мести и печали“ можно считать разработанными. Хотя едва ли не всякій писавшій о Некрасовѣ критикъ высказывался о немъ съ полною категоричностью, но уже самая поразительная разноголосица этихъ сужденій указываетъ на бѣдность для нихъ объективныхъ обоснованій. Это явленіе объясняется отчасти тѣмъ, что изученіе поэзіи Некрасова до самаго послѣдняго времени ограничивалось тѣмъ матеріаломъ, который дается печатными изданіями его сочиненій. Но между тѣмъ этотъ матеріалъ, само собой разумѣется, представляющій наибольшую цѣнность изъ того, что написалъ Некрасовъ, все таки неразрывными нитями связанъ съ его предшествующей литературной дѣятельностью. Изученіе этой послѣдней, думается, поможетъ прослѣдить эволюцію некрасовскаго творчества и, сообщивъ на него историческій взглядъ, создастъ почву для объективнаго къ нему отношенія. Конечно, это только одна сторона вопроса. Причины, препятствующія объективной оцѣнкѣ произведеній поэта, весьма разнообразны, и на устраненіе многихъ изъ нихъ, напримѣръ, той общественной атмосферы, которая понынѣ вызываетъ въ извѣстныхъ кругахъ нетерпимое отношеніе къ музѣ мести и печали, по крайней мѣрѣ въ ближайшемъ будущемъ, надѣяться трудно. Точно

также нѣтъ надежды на скорое опубликованіе матеріаловъ, которые могли бы пролить свѣтъ на нѣкоторыя темныя стороны біографіи Некрасова. Все это такъ, но кое-что для объективнаго изученія его произведеній, хотя бы самаго ранняго періода, сдѣлать возможно. Нѣкоторые пути въ этомъ направленіи указываются въ интересной книгѣ [1]) покойнаго Ал. Ник. Пыпина, который приводитъ крайне интересные матеріалы, касающіеся отношеній Некрасова къ Тургеневу и его друзьямъ. Книга Пыпина изобилуетъ очень цѣнными справками и историко литературнаго и біографическаго характера. Однако, въ ней сообщается матеріалъ, относящійся, по преимуществу, къ тому времени, когда съ покупкой „Современника", Некрасовъ сталъ выбиваться на истинную дорогу. Литературная же дѣятельность его начала 40-хъ годовъ почти не затронута въ книгѣ Пыпина, какъ она почти не затронута и въ предшествующей критической литературѣ.

Настоящимъ изслѣдованіемъ и имѣется въ виду, хотя бы отчасти восполнить указанный пробѣлъ. Авторъ не скрываетъ отъ себя возможности многочисленныхъ промаховъ, но тѣмъ не менѣе питаетъ надежду, что его работа будетъ полезна, хотя бы какъ починъ въ дѣлѣ изученія литературныхъ дебютовъ Некрасова. На необходимость такого изученія указывалъ и г-нъ Гриневичъ въ своей юбилейной статьѣ, выражая пожеланіе, чтобы нашелся наконецъ изслѣдователь, который бы взялъ на себя трудъ внимательно просмотрѣть груду юношескихъ писаній Некрасова.

---

[1]) „Н. А. Некрасовъ". СПБ. 1905 г.

ЮНОШЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ Н. А. НЕКРАСОВА.

ГЛАВА I.

Критическое разслѣдованіе юношескихъ произведеній писателя или поэта, должно преслѣдовать, главнымъ образомъ, двѣ цѣли: *прежде всего* выяснить юношеское міровоззрѣніе начинающаго писателя, поскольку оно отражается въ его первыхъ опытахъ, *а затѣмъ* опредѣлить отношеніе этихъ послѣднихъ къ его послѣдующему творчеству. Вопросъ о томъ, какое значеніе можетъ имѣть изученіе юношескаго творчества въ духѣ этихъ двухъ цѣлей, разрѣшается съ полной очевидностью. Въ самомъ дѣлѣ, не будучи въ состояніи представить себѣ духовный обликъ поэта „на зарѣ туманной юности", не зная разницы между болѣе ранними и болѣе поздними его произведеніями, мы часто оказываемся не въ силахъ уловить постепенное развитіе его таланта, постигнуть эволюцію его взглядовъ и настроеній, безъ чего во многихъ случаяхъ невозможно полное пониманіе духа произведеній писателя въ эпоху наибольшаго развитія его творческихъ способностей. Это, разумѣется, не значитъ, что подобную работу со всею ея тщательностью необходимо продѣлывать по отношенію къ юношескимъ произведеніямъ всѣхъ маломальски извѣстныхъ литературныхъ дѣятелей. Здѣсь приходится сообразоваться не только со степенью литературнаго и общественнаго значенія даннаго автора, но и съ характеромъ его индивидуальности, съ тѣмъ положеніемъ, въ которомъ находится изученіе его біографіи и наконецъ, съ самымъ матеріаломъ, заключающимся въ его первоначальномъ творчествѣ. Нерѣдко

индивидуальность писателя бываетъ настолько своеобразна, что до извѣстнаго возраста онъ и не думаетъ о литературной дѣятельности, но, взявшись за нее подъ вліяніемъ или внѣшнихъ условій жизни или внутренняго перелома въ міровоззрѣніи, сразу создаетъ высоко совершенныя произведенія, которыя никоимъ образомъ не могутъ быть разсматриваемы, какъ юношескія. Въ другихъ случаяхъ, біографическій матеріалъ, касающійся писателя настолько разработанъ, его юношеское міровоззрѣніе настолько опредѣлено, скажемъ, мемуарами современниковъ, его перепиской съ друзьями и т. д., что изученіе его первыхъ опытовъ, какъ бы интересны они не были, ничего не прибавитъ къ выводамъ, уже имѣющимся въ распоряженіи критика. Наконецъ, изслѣдователю часто приходится наталкиваться на такія юношескія произведенія прославившихся впослѣдствіи авторовъ, которыя возникли исключительно путемъ рабскаго подражанія чьимъ бы то ни было образцамъ и даже въ слабой степени не отразили духовнаго міра своихъ творцовъ. При самомъ добросовѣстномъ отношеніи, къ дѣлу извлечь что-нибудь существенное изъ опытовъ такого рода изслѣдователь не въ состояніи. Отсюда очевидно, что значеніе критическаго разсмотрѣнія юношескихъ произведеній—величина въ высокой степени непостоянная. Иной разъ изученіе первыхъ опытовъ писателя—чрезвычайно важно, въ другихъ случаяхъ, оно имѣетъ лишь второстепенное значеніе, въ третьихъ, къ нему вовсе не стоитъ и приступать.

Имѣя въ виду критическое обслѣдованіе юношескихъ стихотвореній Н. А. Некрасова, мы находимся въ сравнительно благопріятныхъ условіяхъ, и вправѣ ожидать отъ нашей работы болѣе или менѣе существенныхъ результатовъ. Прежде всего литературное и общественное значеніе „печальника народнаго горя"—неоспоримо (можно пререкаться въ опредѣленіи степени и размѣровъ этого значенія, но отрицать его, полагаемъ,

невозможно), затѣмъ біографія его, какъ въ годы, предшествовавшіе его переѣзду въ Петербургъ, такъ и въ первое время пребыванія тамъ, представляется совершенно неразработанной, той „tabula rasa“, для заполненія которой предстоитъ поработать еще не одному изслѣдователю, и наконецъ, юношескія произведенія его даютъ, если и не слишкомъ обширный, то все-жъ довольно интересный матеріалъ. Помимо всего этого изученіе юношескаго творчества будущаго автора „Русскихъ женщинъ“ и „Кому на Руси жить хорошо“ пріобрѣтаетъ чисто специфическій интересъ. Н. А. Некрасова, какъ мы видѣли, весьма часто упрекали, да и теперь еще упрекаютъ въ напускномъ „народолюбіи“ и намѣренномъ либеральничаньѣ въ угоду теченіямъ времени. Противъ этихъ упрековъ въ распоряженіи объективнаго критика имѣется не мало весьма существенныхъ возраженій. Однако, не послѣднее мѣсто между ними займетъ ссылка на первые опыты некрасовской музы, если бы только удалось доказать даже не единство міровоззрѣнія, а только общность хотя бы нѣкоторыхъ мотивовъ въ его юношескихъ и позднѣйшихъ стихотвореніяхъ. Рѣшеніе этого вопроса, само собой разумѣется, можетъ быть лишь однимъ изъ конечныхъ выводовъ нашей работы. Что касается практическаго выполненія послѣдней, то оно обусловливается не только самостоятельнымъ изслѣдованіемъ поставленныхъ выше вопросовъ, но и разборомъ существующихъ на этотъ предметъ взглядовъ русскихъ критиковъ.

Обзоръ критическихъ воззрѣній на юношеское творчество Некрасова, въ интересахъ систематизаціи, долженъ составить первую главу нашего очерка. Однако, прежде чѣмъ перейти къ нему непосредственно, намъ предстоитъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній, о времени появленія въ печати, и о судьбѣ первыхъ опытовъ Николая Алексѣевича.

Стихотворныя попытки Некрасова начались очень

рано, чуть ли не съ семилѣтняго возраста. До насъ дошли даже его дѣтскія вирши, обращенныя къ матери, которая явилась позднѣе вдохновительницей значительной части его послѣдующаго творчества. Извѣстно также, что рано обнаружившіеся поэтическіе задатки мальчика навлекли на него гнѣвъ гимназическаго начальства и вызвали даже исключеніе его изъ ярославской гимназіи—событіе, роковымъ образомъ повліявшее на дальнѣйшую судьбу поэта.

Творчество юнаго автора въ провинціи было, по всей вѣроятности, довольно интенсивнымъ, такъ какъ по свидѣтельству Анны Алексѣевны Буткевичъ—сестры Некрасова, онъ привезъ съ собою въ столицу толстую тетрадь дѣтскихъ и отроческихъ стихотвореній. Что касается времени переѣзда Некрасова въ Петербургъ, то вопросъ этотъ все еще остается невыясненнымъ. Въ біографіяхъ поэта мы находимъ три версіи. Самъ поэтъ въ разговорѣ со знакомыми указывалъ на годъ смерти Пушкина (1837 г.), какъ на время своего появленія въ столицѣ. Сестра Некрасова вполнѣ опредѣленно называла 1838 годъ, опредѣляя даже день пріѣзда Некрасова—20-е іюля. Въ короткомъ жизнеописаніи, приложенномъ къ одному изъ первыхъ изданій [1]) некрасовскихъ стихотвореній и написанномъ со словъ поэта, указанъ 1839 годъ. Большинствомъ новѣйшихъ біографовъ принята дата А. Буткевичъ. Дѣйствительно, нѣкоторыя основанія въ пользу такого рѣшенія вопроса безспорно существуютъ. Некрасовъ, указывая два года 1837 и 1839, очевидно, уже позабылъ время своего пріѣзда въ Петербургъ и не будучи въ состояніи дать точной даты, давалъ лишь приблизительныя указанія. Дата же сестры поэта подкупаетъ своею опредѣленностью. Съ другой стороны, появленіе въ 1838 году въ

---

[1]) „Русская библіотека", изд. Стасюлевича, вып. VII, Н. А. Некрасовъ.

сентябрьской книжкѣ, распространеннаго въ тѣ времена журнала „Сынъ Отечества“ стихотворенія Некрасова „Мысль“, опровергаетъ ссылку на 1839 г., какъ на годъ его пріѣзда въ Петербургъ. Это стихотвореніе, подписанное полною фамиліею автора, редакція сочла нужнымъ снабдить такимъ довольно оригинальнымъ примѣчаніемъ: „Первый опытъ юнаго, 16-ти лѣтняго поэта“. Фактъ появленія въ печати „Мысли“, какъ и слѣдовало ожидать, очень обрадовалъ ея молодого автора. Прямое указаніе на это мы встрѣчаемъ въ одномъ изъ многочисленныхъ прозаическихъ разсказовъ Некрасова: „Помѣщикъ двадцати трехъ душъ“ [1]). Авторъ разсказа, между прочимъ, вспоминаетъ о „нелѣпомъ восторгѣ“, который заставлялъ его бѣгать высунувши языкъ, когда онъ увидѣлъ въ „Сынѣ Отечества“ первое свое стихотвореніе. Вышеприведенное примѣчаніе наталкиваетъ насъ, между прочимъ, на интересный вопросъ о возрастѣ поэта въ моментъ появленія его первыхъ опытовъ. Редакція, повидимому, нѣсколько ошибалась, называя автора „Мысли“ 16-лѣтнимъ юношей, такъ какъ Некрасовъ, родившійся 22 Ноября 1821 года, въ сентябрѣ 1838 г. считалъ себѣ уже не 16, а почти 17 лѣтъ. Съ другой стороны, нельзя забывать и того обстоятельства, что разсматриваемое стихотвореніе могло быть написано нѣсколько ранѣе его помѣщенія на страницахъ журнала.

Послѣ „Мысли“, въ „Сынѣ Отечества“, въ „Литературномъ прибавленіи“ къ „Русскому Инвалиду“ и въ „Литературной Газетѣ за 1839 г. появляется еще нѣсколько стихотвореній Некрасова. Это стихотворенія: „Человѣкъ“ (С. О. № 6), „Безнадежность“, посвященное Н. В. С. (ibid), „Смерти“ (ibid. № 7), „Изгнанникъ“, посвященное Н. Ѳ. Фермору (ibid. № 9), „Моя Судьба“

---

[1]) „Литературная Газэта“ 1843 г., № 12.

(Лит. приб. т. I стр. 250), „Два мгновенія“ (ibid. стр. 239), „Рукоять“ (ibid. стр. 531).

Возможно, что, кромѣ перечисленныхъ, Некрасовъ печаталъ и другія стихотворенія, которыхъ мы не нашли, просматривая №№ петербургскихъ журналовъ за 1838, 1839 гг., однако число ихъ по всей вѣроятности не было особенно значительнымъ. Тѣмъ не менѣе, присоединивъ къ нимъ еще нѣсколько „пьесъ“, не появлявшихся еще въ періодической печати, 18-лѣтній поэтъ имѣлъ уже въ своемъ распоряженіи стихотворный матеріалъ, достаточный для составленія небольшого сборника, объ изданіи котораго онъ сталъ мечтать, вѣроятно, одновременно съ появленіемъ въ журналахъ своихъ первыхъ стихотвореній. Знакомство съ Григоріемъ Францовичемъ Бенецкимъ,—наставникомъ наблюдателемъ Пажескаго Корпуса и преподавателемъ Дворянскаго полка—не мало способствовало осуществленію этой мечты Некрасова. Бенецкій предложилъ поэту продать по билетамъ еще до выхода книги въ свѣтъ значительное число ея экземпляровъ. Уполномочивъ на это Бенецкаго, Некрасовъ переходилъ Рубиконъ, такъ какъ уже не имѣлъ нравственнаго права отказаться отъ изданія. А колебанія, повидимому, одолѣвали его все сильнѣй и сильнѣй. Онъ рѣшилъ просить совѣта у Жуковскаго. Послѣдній, хотя и похвалилъ одно изъ стихотвореній сборника, хотя и констатировалъ талантъ автора, однако, издавать книгу не совѣтовалъ. Исполнить этого совѣта Некрасовъ уже не могъ, такъ какъ часть билетовъ уже была продана Бенецкимъ, а полученныя деньги прожиты. Лѣтомъ 1839 г. сборникъ былъ представленъ въ Цензурный Комитетъ, 25 іюля получилъ санкцію извѣстнаго цензора Фрейганга и въ началѣ 1840 г. вышелъ въ свѣтъ, подъ названіемъ „Мечты и Звуки“. Напечатанный на плохенькой сѣрой бумагѣ, въ типографіи Егора Алипанова, сборникъ этотъ заключалъ въ себѣ 44 стихотворенія,

составляющія въ общей сложности 102 страницы текста.

Съ выходомъ въ свѣтъ этой книжки начинается критическая литература о Некрасовѣ.

Къ сожалѣнію, матеріалъ, подлежащій нашему разсмотрѣнію, во многихъ отношеніяхъ представляется недостаточнымъ и малоинтереснымъ. Строго говоря, настоящая критика о „Мечтахъ и Звукахъ“ только что начинаетъ возникать; лишь въ послѣдніе годы появилось нѣсколько статей, представляющихъ нѣкоторый интересъ для изслѣдованія юношескихъ писаній Некрасова. Что же касается 60-хъ и 70-хъ годовъ,—эпохи наибольшей популярности Некрасова—то о „Мечтахъ и Звукахъ“, какъ это не странно на первый взглядъ, не имѣется иныхъ упоминаній, кромѣ упоминаній чисто полемическаго свойства. Въ 40-хъ же и 50-хъ годахъ, непосредственно слѣдовавшихъ за изданіемъ книги, нѣсколько краткихъ журнальныхъ рецензій—составляютъ единственный критическій матеріалъ о первыхъ поэтическихъ опытахъ Некрасова.

Такъ, въ 1840 году о „Мечтахъ и Звукахъ“ появились отзывы въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“, Ѳ. Менцова (ч. XXV отд. VI), въ „Современникѣ“, повидимому, Плетнева, (т. XVIII, № 2), въ „Сѣверной Пчелѣ“ Н. С. (№ 59), въ „Русскомъ Инвалидѣ“ Л. Бранда (№ 130), въ „Библіотекѣ для чтенія“ Полевого (т. XXXVIII отд. VI, стр. 30), въ „Литературной Газетѣ“ Межовича (№ 16) и „Отечественныхъ Запискахъ“ В. Бѣлинскаго (т. IX № 3, отд. VI). Изъ этихъ 7 отзывовъ, пять первыхъ слѣдуетъ признать болѣе или менѣе благопріятными для юнаго поэта, чего нельзя сказать о послѣднихъ двухъ.

Ѳ. Менцовъ, заявивъ въ началѣ своей рецензіи, что сборникъ „Мечты и Звуки“ принадлежитъ перу очень молодого поэта, едва ли достигшаго еще двадцатилѣтняго возраста, и поэтому долженъ разсматри-

ваться критикой „не столько строгимъ окомъ“, какъ произведенія авторовъ, или снискавшихъ себѣ уже нѣкоторую извѣстность, или немолодыхъ по возрасту,— усматривалъ въ юношескихъ стихотвореніяхъ Некрасова слѣды несомнѣннаго дарованія и даже называлъ его талантъ „прекраснымъ“ и въ общемъ довольно „самостоятельнымъ“ (—мы говоримъ „въ общемъ“, такъ какъ въ отдѣльныхъ стихотвореніяхъ, по мнѣнію критика, сказалось вліяніе Бенедиктова и Подолинскаго). Затѣмъ онъ предрекалъ поэту завидную извѣстность и почетное мѣсто въ отечественной литературѣ, если только онъ будетъ стараться образовать и развить свои дарованія изученіемъ твореній первоклассныхъ поэтовъ и теорій изящнаго. Таковъ отзывъ Менцова. Крайне интересно то обстоятельство, что и другія благопріятныя Некрасову рецензіи въ своей оцѣнкѣ сборника „Мечты и Звуки“ подчеркиваютъ молодость автора, какъ фактъ, обусловливающій извѣстную ихъ снисходительность. Такъ, критикъ „Сѣверной Пчелы“ (Н. С.) настаиваетъ на необходимости при оцѣнкѣ юношескихъ произведеній примѣнять совершенно иной методъ, чѣмъ при разсмотрѣніи сочиненій извѣстныхъ писателей. Въ послѣднемъ случаѣ даже суровый приговоръ „не повредитъ будущему развитію таланта, пользующагося авторитетомъ“, тогда какъ въ первомъ онъ можетъ убить молодое дарованіе въ зародышѣ. „И такъ—говоритъ рецензентъ—снисходительность одно изъ главныхъ условій критики, если передъ нею еще первые опыты юношескаго пера, особенно, когда въ авторѣ замѣтно дарованіе, которое впослѣдствіи можетъ болѣе развернуться“.

Разсматривая подъ этимъ угломъ зрѣнія „Мечты и Звуки“ Н. С. приходитъ къ выводамъ совершенно аналогичнымъ съ заключеніями Менцова.

Третья благопріятная для Некрасова рецензія появилась въ „Русскомъ Инвалидѣ“. И здѣсь въ основу снисходительнаго отношенія критика къ начинающему

автору легло сознаніе его молодости. „Мы слышали—говоритъ рецензентъ,—что это первые опыты юнаго, очень юнаго поэта. *Если такъ*, то стихотворенія его болѣе нежели удачны. Кто въ семнадцать лѣтъ *можетъ* писать такіе прекрасные стихи, тотъ въ двадцать пять *долженъ* сдѣлаться поэтомъ въ высокомъ смыслѣ этого слова“.

Авторъ рецензіи былъ, повидимому, хорошо освѣдомленъ не только о лѣтахъ, но и о матеріальномъ положеніи Некрасова, такъ какъ преобладаніе грустныхъ мотивовъ въ его сборникѣ объяснялъ тѣмъ, что молодой поэтъ „рано встрѣтилъ суровость земныхъ испытаній и горькихъ лишеній, рано брошенъ въ міръ нужды и утраты всего, что дѣлаетъ прекрасными воспоминанія дѣтства: попеченія кровныхъ друзей, небо родины, счастливые беззаботные дни отрочества“. Переходя къ оцѣнкѣ поэтическихъ достоинствъ сборника, рецензентъ желаетъ автору соблюдать въ его опытахъ большую „опредѣленность“ и помнить, что пищу для своей поэтической мечты можно найти не только въ области фантастическихъ представленій, но и здѣсь на землѣ.

Краткая рецензія „Современника“, приписываемая Плетневу, отмѣчала разнообразіе содержанія сборника „Мечты и Звуки“ и чувствующуюся въ каждомъ стихотвореніи работу „мыслящаго ума или воображенія“ и указывала Некрасову на нѣкоторыя техническія погрѣшности его произведеній. Еще большей лаконичностью отличалась рецензія Полевого въ „Библіотекѣ для чтенія“. Вотъ она: „Въ Мечтахъ и Звукахъ“, звуки лучше нежели мечты. Стихи въ самомъ дѣлѣ хороши; мѣстами даже проглядываетъ чувство и вообще видно, что г-нъ Н. Н. имѣетъ талантъ, который заслуживаетъ одобренія“. Въ доказательство Полевой цитировалъ цѣликомъ стихотвореніе „Смерти“. Этимъ отзывомъ и исчерпываются рецензіи, благопріятныя „Мечтамъ и Звукамъ“.

Критики „Отечественныхъ Записокъ“ и „Литературной Газеты“ отнеслись несравненно суровѣе къ начинающему поэту. Первый изъ нихъ началъ свой короткій отзывъ замѣчаніемъ, о томъ, что для автора, лишеннаго художественныхъ способностей, проза благодарнѣе стиховъ: въ ней умъ, остроуміе и наблюдательность могутъ до нѣкоторой степени замѣнить чувство и воображеніе, тогда какъ въ стихахъ эти качества, при отсутствіи истиннаго дарованія, являются скорѣе пороками, чѣмъ достоинствами и возбуждаютъ больше досады, чѣмъ удовольствія, ибо „стихи рѣшительно не терпятъ посредственности“. Души и чувства недостаточно для того, чтобы быть поэтомъ, надо еще обладать творческой фантазіей, — способностью „внѣ себя осуществлять внутренній міръ своихъ ощущеній и идей, и выводить во внѣ внутреннія видѣнія своего духа“. Нѣтъ этой способности—писать стихи непроизводительная трата времени, такъ какъ въ творчествѣ автора, лишеннаго творческой фантазіи, встрѣчаются почти исключительно „знакомыя и истертыя чувствованьица, общія мѣста, гладкіе стишки“, дающія работу рецензентамъ, но не представляющіе ни малѣйшаго интереса для публики. „Вотъ мысли“ — такъ заканчивалъ свой отзывъ В. Г. Бѣлинскій—„на которыя навели насъ „Мечты и Звуки“ Н. Н.“.

Не менѣе суровой была рецензія „Литературной Газеты“. Авторъ ея относилъ „Мечты и Звуки“ къ числу тѣхъ стихотворныхъ сборниковъ, въ которыхъ съ наружной стороны все чинно и гладко, но которые при чтеніи не оставляютъ иныхъ впечатлѣній, кромѣ пустоты, безотчетности и неопредѣленности. „Ничто васъ не взволновало, ни одинъ стихъ не запалъ въ душу такой, который обвился бы вокругъ вашего сердца, ни одно стихотвореніе такое, которое запечатлѣлось бы живо въ душѣ вашей“. Особенность поэтовъ, подобныхъ автору сборника „Мечты и Звуки“ заклю-

чается въ томъ, что они „суть *ничто* до тѣхъ поръ, пока не издадутъ полнаго собранія своихъ сочиненій“, послѣ чего они становятся *ничто*“.

Не ограничиваясь этимъ уничтожающимъ приговоромъ, критикъ издѣвался надъ авторомъ, говоря, что его стихи безъ ущерба для ихъ смысла можно читать и сверху внизъ и снизу вверхъ и что писать такіе стихи легче, чѣмъ читать корректуру, а также дѣлалъ намеки, впрочемъ, совершенно бездоказательные, на заимствованіе у другихъ поэтовъ.

Таковы были отзывы, встрѣтившіе первый сборникъ некрасовскихъ стихотвореній. Ихъ основной недостатокъ заключается, по нашему мнѣнію, въ нѣкоторомъ игнорированіи содержанія разсматриваемой книги. Никто изъ рецензентовъ въ сущности не далъ себѣ труда охарактеризовать настроеніе и лейбъ-мотивы сборника „Мечты и Звуки“. Въ двухъ послѣднихъ рецензіяхъ, это является болѣе или менѣе понятнымъ и объяснимымъ; разъ отъ книги отдаетъ „нестерпимой посредственностью“, разъ она не болѣе, какъ „ничто“, то и приводить ее содержаніе въ сущности незачѣмъ. Гораздо менѣе понятна небрежность Полевого, Плетнева, Менцова, Брандта и Н. С., которые не потрудились сообщить своимъ читателямъ, что же далъ обществу „прекрасный талантъ“ „юнаго поэта“. Изложи они болѣе или менѣе подробно содержаніе книжки Некрасова, она быть можетъ имѣла бы нѣсколько иную судьбу. А въ дѣйствительности участь ея была довольно плачевна. Изданіе тщательно скупалось и уничтожалось молодымъ поэтомъ. Это героическое „самоистребленіе“ коренится, само собой разумѣется, въ томъ впечатлѣніи, которое произвели на Некрасова приведенныя рецензіи. Благопріятныя книгѣ отзывы не могли особенно подбодрить самолюбиваго и ожесточеннаго жизнью юношу уже потому, что они были или лаконичны до nec plus ultra, какъ отзывы Плет-

нева и Полевого, или весьма и весьма условны. Условность этихъ похвалъ, говорившихъ „ты молодъ, тебѣ всего 18 лѣтъ, поэтому тебя нельзя не поощрить“, могла даже нѣсколько раздражать автора. Извѣстна психологическая черта, въ силу которой очень молодые люди страстно желаютъ вырости, сдѣлаться „большими“ и терпѣть не могутъ напоминаній о своей незрѣлости. При такихъ условіяхъ естественно предположить, что отзывы, благопріятныя „Мечтамъ и Звукамъ“, едва ли могли удовлетворить самолюбіе молодого поэта. Съ другой стороны, относительность похвалъ должна была выступить передъ нимъ тѣмъ рѣзче, что въ рецензіяхъ Бѣлинскаго и „Литературной Газеты“ вполнѣ категорически, уже безъ всякихъ оговорокъ и смягченій, сборникъ признавался никуда не годнымъ литературнымъ балластомъ. Впечатлѣніе, произведеное суровымъ приговоромъ Виссаріона Григорьевича, усугублялось всеобщей и заслуженной извѣстностью критика, популярность котораго не мало увеличили, напечатанныя въ VIII томѣ „Отечественныхъ Записокъ“, т. е. непосредственно передъ рецензіей о „Мечтахъ и Звукахъ“, великолѣпныя критическія статьи о „Горѣ отъ Ума“ и „Героѣ нашего времени“. Однако удары, нанесенные авторскому самолюбію молодого Некрасова, не ограничились рѣзкими отзывами двухъ періодическихъ изданій. Поэту пришлось быть свидѣтелемъ публичнаго осмѣянія, которому подверглись его „Мечты и Звуки“ со стороны молодого университетскаго профессора А. В. Никитенко. Послѣдній, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ Николай Глушицкій со словъ своего покойнаго брата Андрея—земляка и близкаго пріятеля Некрасова, очень хорошо зная, что въ числѣ его слушателей находится авторъ сборника, жестоко и безпощадно поострилъ и поглумился надъ начинающимъ поэтомъ, въ стихахъ котораго не было-де „ни признака таланта, ни толку, ни ладу, а лишь одна вода, да дубовые стихи

и одно пустое рифмоплетство“ [1]). Насколько сильно подѣйствовалъ на Некрасова столь суровый приговоръ, произнесенный къ тому же его любимымъ профессоромъ, можно видѣть изъ того, что онъ, по словамъ Г. Глушицкаго, тотчасъ распрощался съ аудиторіей А. В. Никитенко, а потомъ вскорѣ и вовсе покинулъ университетъ.

Такимъ образомъ отзывы рецензентовъ, среди которыхъ находился такой знаменитый критикъ, какъ В. Бѣлинскій, и приговоръ извѣстнаго профессора, должны были очень разочаровать Некрасова въ его первомъ литературномъ дѣтищѣ. Вниманіе публики—единственное, что можетъ въ глазахъ начинающихъ авторовъ ослабить и смягчить суровость критическихъ сужденій—ни въ чемъ не проявилось въ отношеніи книги „Мечты и Звуки“, и сборникъ, розданный на комиссію въ разные магазины, не нашелъ себѣ покупателей. Всѣ эти неудачи и щелчки, слѣдовавшіе быстро одинъ за другимъ, какъ бы гипнотизировали юнаго поэта въ мысли, что его стихотворные опыты никуда не годятся и чѣмъ скорѣе забудутъ о нихъ критика и литература, тѣмъ будетъ для него лучше: Некрасовъ начинаетъ бродить по букинистамъ, скупая и уничтожая экземпляры своей злосчастной книги. Однимъ изъ наиболѣе важныхъ послѣдствій провала книжки „Мечты и Звуки“—слѣдуетъ признать поворотъ [2]) въ поэтическихъ попыткахъ Некрасова: отъ мотивовъ романтическихъ, составлявшихъ содержаніе разсматриваемаго сборника, онъ перешелъ къ прозѣ, къ водевилямъ и къ мотивамъ сатирическимъ, весьма рѣзко проявившимся въ его новомъ сборникѣ „Статейки въ стихахъ безъ картинокъ“. Эти сатирическіе мотивы, къ кото-

---

[1]) См. „Петербургскій Листокъ“ 1875 г. письмо Н. Глушицкаго.

[2]) Спѣшимъ оговориться, что этотъ поворотъ совершался до нѣкоторой степени постепенно. Такъ въ журналахъ за 1840 г., уже послѣ выхода сборника Некрасова, мы встрѣчаемъ нѣсколько чисто лирическихъ стихотвореній его, вродѣ „Офелія“, „Слеза разлуки“ и „Мелодія“.

рымъ поэтъ имѣлъ склонность уже въ очень молодые годы—на что указываетъ отчасти его исключеніе изъ 5-го класса ярославской гимназіи за сатиру на начальство,—не мало помогли ему постигнуть свое истинное призваніе и составили замѣтный аккордъ въ позднѣйшемъ творчествѣ „музы мести и печали". Другимъ непосредственнымъ результатомъ провала сборника „Мечты и Звуки" было продолжительное пребываніе его въ „чертѣ неотразимаго забвенія". Удивительно ли, что не только въ 40 и 50 гг., но въ 60 и 70 гг. эпоху наибольшей популярности Некрасова, критика почти не вспоминала о немъ, если самъ авторъ считалъ свой сборникъ слабой и подражательной вещью, ссылаясь на безпощадный отзывъ Бѣлинскаго. Мало по малу возобладало мнѣніе, распространенное и теперь, что „Мечты и Звуки" представляютъ собой грѣхъ молодости, о которомъ благожелательнымъ Некрасову критикамъ и вспоминать не стоитъ. Въ руку такого, далеко не правильнаго отношенія къ „Мечтамъ и Звукамъ", сыграли явно-тенденціозныя упоминанія о нихъ нѣкоторыхъ писателей и журналистовъ реакціоннаго лагеря, имѣвшія цѣлью показать читающей публикѣ, что позднѣйшее направленіе некрасовской поэзіи явилось слѣдствіемъ „расчетливаго обмана" [1]), и никоимъ образомъ не можетъ быть согласовано съ его первыми литературными попытками. Въ качествѣ характернаго образчика подобныхъ упоминаній не лишнее будетъ привести одно мѣсто изъ повѣсти Лѣскова „Загадочный человѣкъ", напечатанной въ 1871 году. Разсказывая весьма неправдоподобную исторію о томъ, какъ герой повѣсти Артуръ Бенни разочаровался въ русской про-

[1]) См. стих. В. Соловьева:

„Восторгъ души расчетливымъ обманомъ
И рѣчью рабскою живой языкъ боговъ
Святыню музъ—шумящимъ балаганомъ
Онъ замѣнилъ—и обманулъ глупцовъ".

грессивной партіи, наиболѣе видные представители которой,—Г. З. Елисѣевъ и Н. Г. Чернышевскій—яко-бы искали (?!) сотрудничества при изданіяхъ Каткова,—Лѣсковъ между прочимъ говоритъ слѣдующее: „Но что уже совсѣмъ срѣзало Бенни, такъ это нѣкоторыя стихотворенія столь извѣстнаго поэта Николая Алексѣевича Некрасова. Я говорю о тщательно изъятой Некрасовымъ изъ продажи книжечкѣ, носящей заглавіе „Мечты и Звуки". Я уберегъ у себя эту рѣдкость нынѣшняго времени, и Бенни переварить не могъ этой книги и негодовалъ за стихи, впрочемъ, еще не особенно несогласные съ позднѣйшими мечтами и звуками г. Некрасова. Таково, напримѣръ, тамъ стихотвореніе, въ которомъ г. Некрасовъ внушалъ, что

„Отъ жажды знанья плодъ не сладокъ!
О, не кичись, средь гордыхъ думъ,
Толпой безсмысленныхъ догадокъ,
Мудрецъ: *безъ Бога прахъ твой умъ!*"

Поэтъ, совѣтуя „мудрецу" не упорствовать и не изнурять себя науками, пѣлъ:

„Не жди, не мучься, не грѣши:
Съ мольбой возьмись за трудъ по силѣ
Путь къ знаньямъ вѣрой освяти
И съ этимъ факеломъ къ могилѣ,
Всего отгадчицѣ, гряди".

Поучая „мудреца" идти этою дорогою, г. Некрасовъ былъ строгъ и сурово наказывалъ „мудрецу" даже не любить людей, которые думали бы иначе идти къ „отгадчицѣ".

И разлюби родного сына
За отступленье отъ Творца!"

По стопамъ Лѣскова пошелъ нѣкій г-нъ Звонковъ, который въ статьѣ „На могилу Некрасова" („Гражданинъ" № 4. 1877 г.), наилучшимъ способомъ почтить покойнаго призналъ цитированіе уже не отдѣльныхъ строкъ, какъ это сдѣлалъ Лѣсковъ, а всей пьесы „Истинная Мудрость" (см. „Мечты и Звуки"). „Мы

вѣримъ—добавлялъ остроумный авторъ—„что она будетъ по сердцу читателямъ „Гражданина“ и они не станутъ судить нѣкоторыя слабыя мѣста ея ради другихъ истинно поэтическихъ. Мы надѣемся, что и наша молодежь внимательно выслушаетъ, какимъ былъ и что думалъ юноша Некрасовъ!.“

Тенденціозность приведенныхъ упоминаній не подлежитъ никакому сомнѣнію: и г. Лѣсковъ и г. Звонковъ задавались, очевидно, тождественною цѣлью подчеркнуть противорѣчіе между юношескими стихотвореніями Н—ва и его позднѣйшей литературной и журнальной дѣятельностью и тѣмъ самымъ дать ясный намекъ на неискренность послѣдней.

Несомнѣнно, что подобные отзывы, хотя и не могли произвести сильнаго впечатлѣнія въ силу своей односторонности, однако оставляли послѣ себя въ широкихъ кругахъ читающей публикѣ какой-то непріятный осадокъ, который способствовалъ возникновенію нѣкотораго предубѣжденія противъ юношескихъ опытовъ Некрасова. Это предубѣжденіе заставило г-на Скабичевскаго въ его интересной статьѣ [1]) о Некрасовѣ назвать „Мечты и Звуки“ книгою „вполнѣ дѣтскаго характера“, полною „несвязныхъ и безсодержательныхъ виршей“, въ которыхъ „нѣтъ ни малѣйшаго проблеска позднѣйшаго некрасовскаго таланта“.

Не освободившимся отъ этого же предубѣжденія является и авторъ вполнѣ интересной и серьезной статьи о юношескихъ стихотвореніяхъ Некрасова—С. А. Венгеровъ (см. ст. Венгерова „Н. А. Некрасовъ“ въ № 10 „Недѣли“ за 1878 годъ). Молодого еще тогда критика, вѣроятно, глубоко возмутили вышеприведенныя мнѣнія о напускномъ „народолюбіи“ музы мести и печали. Такъ какъ мнѣнія эти отчасти основывались на разборѣ книги „Мечты и Звуки“, то Венге-

[1]) см. Сочиненія Скабичевскаго.

ровъ совершенно справедливо разсудилъ, что для опроверженія ихъ и ему необходимо изслѣдовать первые поэтическіе опыты Некрасова. Мысль сама по себѣ глубоко вѣрная, но для осуществленія ея критикъ избралъ, къ сожалѣнію, едва ли вѣрный путь. Крикамъ: „творчество Некрасова юноши діаметрально противоположно творчеству Некрасову взрослаго, поэтому послѣдній неискрененъ“—онъ противопоставилъ утвержденіе, что поэтическія настроенія Некрасова юноши являются напускными и возникли, какъ продуктъ чужихъ вліяній, а Некрасовъ взрослый сумѣлъ освободиться отъ послѣднихъ и вывести свой талантъ на истинную дорогу. По мнѣнію г-на Венгерова, вліяніе матери и домашней обстановки вообще не могли сдѣлать Некрасова ни романтикомъ, ни идеалистомъ, и если онъ является таковымъ въ сборникѣ своихъ первыхъ опытовъ, то фактъ этотъ надо всецѣло отнести на долю постороннихъ воздѣйствій. Свой взглядъ критикъ подкрѣпляетъ недостаточно точнымъ, по нашему мнѣнію, утвержденіемъ, что „стихи писаны въ Петербургѣ, значитъ навѣяны петербургскою жизнью“. Это „значитъ“ слѣдовало бы доказать. Гораздо вѣроятнѣе, что два мѣсяца пребыванія Некрасова въ столицѣ не могли истребить въ его душѣ впечатлѣній 17-лѣтней жизни въ провинціи, оторвать отъ воспоминаній дѣтства и дать достаточно матеріала для поэтическаго вдохновенія. Исходя изъ неточныхъ основаній, г. Венгеровъ приходитъ къ заключенію, что самое интересное въ „Мечтахъ и Звукахъ“ „это то, что они *никакой стадіи* не составляютъ въ развитіи таланта поэта. Некрасовъ авторъ книжки „Мечты и Звуки“ и Некрасовъ позднѣйшій это небо и земля, два полюса, которыхъ нѣтъ рѣшительно никакой физической возможности слить въ одномъ авторскомъ образѣ“. Подтвержденіе для своего взгляда г. Венгеровъ пытается найти также и въ самыхъ стихотвореніяхъ сборника, изъ которыхъ

дѣлаетъ многочисленныя выписки. Здѣсь предвзятая мысль критика сказывается уже ярче. Сосредоточивъ свое вниманіе, главнымъ образомъ, на балладахъ, которыхъ въ сборникѣ не болѣе 3—4, г. Венгеровъ ни слова не упоминаетъ о наиболѣе зрѣлыхъ и осмысленныхъ стихотвореніяхъ, повидимому, потому, что ихъ содержаніе значительно противорѣчитъ его взгляду. Изложенное мнѣніе, высказанное почти 30 лѣтъ тому назадъ, почтенный критикъ повторилъ въ тѣхъ же выраженіяхъ въ своей сравнительно недавней статьѣ о Некрасовѣ (Энцикл. Слов. Брокгауза и Ефрона полутомъ 40. 1897 г.). Сороковой полутомъ Энцикл. Словаря, гдѣ помѣщена эта статья, вышелъ черезъ пять лѣтъ послѣ брошюры Барро „Забытое“ (1892), авторъ которой, если не съ достаточной полнотою развилъ совершенно противоположный взглядъ на „Мечты и Звуки“, то во всякомъ случаѣ доказалъ, что разсматривать ихъ, какъ продуктъ только постороннихъ воздѣйствій—совершенно неправильно.

Переходимъ теперь къ только что упомянутому критическому очерку М. Барро, представляющему, по нашему мнѣнію, первый болѣе или менѣе объективный разборъ сборника „Мечты и Звуки“. Въ немъ, на протяженіи 24 небольшихъ страницъ, г-нъ Барро пытается не только охарактеризовать юношескія произведенія Некрасова со *стороны ихъ* содержанія, но и указать ихъ связь съ позднѣйшими поэтическими настроеніями „музы мести и печали“. Отмѣтивъ прежде всего отсутствіе въ „Мечтахъ и Звукахъ“ прямой подражательности, такъ какъ нельзя же назвать этимъ именемъ обнаружившееся въ сборникѣ тяготѣніе Некрасова къ поэтическому міровоззрѣнію Жуковскаго, критикъ указываетъ на эволюцію настроеній юнаго поэта, которая привела мало-по-малу къ тому, что мечтательный юноша, „бывшій больше духомъ чѣмъ, человѣкомъ“ (см. стих. „Изгнанникъ“), превращается въ разочарован-

наго земною жизнью человѣка и изливаетъ свое горячее негодованіе противъ недуговъ и пороковъ міра (см. стих. „Мысль“, „Землятресеніе“ и др.). Съ этимъ переломомъ въ настроеніи „въ поэзію Некрасова вливается—говоритъ критикъ— неизсякающая, уже сатирическая, обличительная черта“.

Итакъ, по мнѣнію Барро, обличительное настроеніе, уже проникавшее въ нѣкоторыя стихотворенія сборника съ достаточной степенью ясности указываетъ на связь этихъ стихотвореній съ послѣдующими пѣснями некрасовской музы. Дальнѣйшими доказательствами этой связи могутъ служить: упоминаніе о матери и ея вліяніи въ стих. „Красавицѣ“, являющемся первымъ абрисомъ болѣе совершенныхъ произведеній Некрасова на ту же тему и двойственность настроеній поэта (см. стих. „Изгнанникъ“, „Разговоръ“), не покидавшая его и впослѣдствіи (см. „Рыцарь на часъ“). Этимъ же das doppelte ich, а никакъ не отзывами рецензентовъ, г. Барро пытается объяснить отрицательное отношеніе Некрасова къ своимъ первымъ опытамъ. Вотъ въ сущности все содержаніе брошюры „Забытое“. Крупнѣйшимъ ея недостаткомъ—является необснованность, выставленныхъ авторомъ, въ иныхъ случаяхъ даже совершенно справедливыхъ положеній. Такъ напр., г-нъ Барро почти ничѣмъ не подкрѣпляетъ своей мысли о преобладаніи романтическаго настроенія въ сборникѣ, вопроса же о степени оригинальности его касается только вскользь, переломъ въ міровоззрѣніи поэта намѣчаетъ лишь слегка, въ общихъ чертахъ и т. д.

Нѣсколько иной характеръ имѣетъ разборъ интересующаго насъ сборника, сдѣланный на страницахъ „Русскаго Богатства“ П. Ф. Гриневичемъ (ноябрь 1902 г.). Этотъ разборъ занимаетъ первые десять страницъ длинной статьи „Муза мести и печали“, написанной ко дню 25-лѣтняго юбилея смерти Некрасова. Авторъ из-

ложивши, въ противность Барро, рецензіи сороковыхъ годовъ, опредѣлившія, по его мнѣнію, какъ дальнѣйшую судьбу юношескихъ опытовъ Некрасова, такъ и отношеніе къ нимъ самого поэта—замѣчаетъ, что критика нашихъ дней должна руководствоваться иной точкой зрѣнія, чѣмъ та, которой руководствовался напр. Бѣлинскій, такъ какъ для насъ „Мечты и Звуки",—первый опытъ поэта съ могучими поэтическими силами; поэтому крайне любопытно знать, нѣтъ ли въ этомъ опытѣ, хотя бы въ зачатачномъ видѣ, элементовъ того настроенія, которое такъ ярко сказалось въ позднѣйшей некрасовской поэзіи. Подходя къ вопросу исключительно съ этой точки зрѣнія, П. Гриневичъ разсматриваетъ, главнымъ образомъ, стихотворенія, написанныя Некрасовымъ уже послѣ перелома въ міровоззрѣніи, о которомъ говоритъ Барро. Разборъ этихъ стихотвореній („Поэту", „Жизнь", „Мысль" и др.) приводитъ критика къ заключенію, что „позднѣйшему, знаменитому Некрасову, кромѣ плохой формы—положительно ничего въ нихъ стыдиться: по альтруистически-повышенному настроенію своему „Мечты и Звуки" являются именно подготовительной „низшей стадіей" его творчества, отнюдь не звучащей въ немъ диссонансомъ". Къ недостаткамъ очерка Гриневича, который, не забудемъ, имѣетъ характеръ вступительной главы въ общей статьѣ о поэзіи Некрасова, и потому уже не можетъ претендовать на полноту и всесторонность, слѣдуетъ отнести игнорированіе романтическаго элемента въ сборникѣ, который въ сущности и создалъ отмѣченное критикомъ „альтруистически-повышенное настроеніе".

Разборъ юношескихъ стихотвореній Некрасова, принадлежащій П. Гриневичу, не былъ единственнымъ въ юбилейной литературѣ. Приватъ-доцентъ московскаго университета Сакулинъ въ январской книгѣ новаго журнала „Научное Слово" (1903 г.), задавшись цѣлью прослѣдить развитіе некрасовскаго творчества, въ свою

очередь, останавливается на „Мечтахъ и Звукахъ“. Его интересный отзывъ, къ сожалѣнію, много теряетъ отъ незнакомства автора съ самимъ сборникомъ. Отсутствіе экземпляра сборника „Мечты и Звуки“ въ библіотекѣ Румянцевскаго музея лишило г. Сакулина возможности ознакомиться со всѣми, вошедшими въ него стихотвореніями. Изъ числа послѣднихъ онъ знаетъ лишь тѣ, которыя цитировались въ статьяхъ С. А. Венгерова и Гриневича, [1]) и которыя ему удалось найти въ старыхъ журналахъ.

Оставляя въ сторонѣ немногочисленныя и не характерныя для сборника баллады, г-нъ Сакулинъ намѣчаетъ два переплетающихся теченія въ юношескомъ творчествѣ Некрасова, являющіяся отчасти результатомъ вліянія Жуковскаго и Лермонтова: во 1-хъ, мечтательный романтизмъ и во 2-хъ, скептицизмъ, напоенный ядомъ рефлексіи. Объясняя происхожденія этихъ теченій, независимо отъ литературныхъ направленій времени, критикъ ссылается на факты біографіи поэта. Если, съ одной стороны, вліяніе матери несомнѣнно заложило въ душу юноши сѣмена романтизма и идеализма, то съ другой, воспитавшій его крѣпостной режимъ и суровая школа жизни, пройденныя имъ въ Петербургѣ, „неизбѣжно должны были замутить ясность души юнаго идеалиста, поссорить его съ людьми и жизнью, придать пессимистическій оттѣнокъ его думамъ о мірѣ. Пусть поэтъ воспользовался условными формулами романтизма, пусть онъ подчинился даже вліянію Жуковскаго и Лермонтова, но въ юношескихъ стихахъ Некрасова прежде всего видна его собственная мятежная душа: мечтая, онъ тѣмъ не менѣе твердо стоитъ на землѣ; устремляя глаза къ небу, онъ чуткимъ ухомъ жадно ловитъ земные звуки, они трево-

---

[1]) Характерно то обстоятельство, что ни Сакулинъ, ни Гриневичъ совершенно незнакомы съ брошюрою Барро.

жать его и ставятъ передъ нимъ мучительный вопросъ о смыслѣ жизни".

Резюмируя приведенные взгляды представителей новѣйшей критики на юношескія стихотворенія Некрасова, нельзя не отмѣтить, что и г. Барро, и г. Гриневичъ, и г. Сакулинъ придерживаются почти одинаковаго и по существу своему совершенно правильнаго метода. Однако, ихъ статьи, какъ мы уже отчасти указывали, имѣютъ тотъ основной недостатокъ, что сообщаютъ читателю какъ бы конечные выводы и заключенія, къ которымъ пришли ихъ авторы путемъ изученія извѣстнаго матеріала: основаній же, послужившихъ имъ для такихъ выводовъ, касаются только между прочимъ. Отъ разборовъ Гриневича и Сакулина было бы несправедливо ждать чего-нибудь большаго уже потому, что они останавливаются на „Мечтахъ и Звукахъ" въ общихъ статьяхъ о Некрасовѣ и посвѣщаютъ имъ всего лишь нѣсколько страницъ, г. Барро же, какъ намъ кажется, могъ бы исчерпать вопросъ съ большой полнотой.

Такимъ образомъ, до настоящаго времени въ русской критической литературы нѣтъ всесторонняго и достаточно обоснованнаго разбора стихотвореній сборника „Мечты и Звуки". Это обстоятельство даетъ намъ право надѣяться, что наша попытка дать такой разборъ является болѣе или менѣе умѣстной и своевременной.

ГЛАВА II.

Первый вопросъ, который намъ предстоитъ рѣшить, приступая къ критическому разсмотрѣнію сборника „Мечты и Звуки“—это вопросъ о его романтическомъ направленіи. Говоря о литературномъ романтизмѣ вообще, нельзя не отмѣтить трудностей, неизбѣжныхъ при попыткахъ болѣе или менѣе точно опредѣлить это понятіе. Тѣ широкія и общія опредѣленія, которыя давались романтизму В. Г. Бѣлинскимъ и Ап. Григорьевымъ, въ настоящее время мало кого удовлетворяютъ. Что въ самомъ дѣлѣ даютъ намъ такія слова: „въ тѣснѣйшемъ и существеннѣйшемъ своемъ значеніи романтизмъ есть ничто иное, какъ внутренній міръ души человѣка, сокровенная жизнь его сердца“, или „романтическое въ искусствѣ и жизни . . . . есть то тревожное, то вѣчно недовольное настоящимъ, что живетъ въ груди человѣка и рвется на просторъ изъ груди и чему недовольно цѣлаго міра?“

Единственный выводъ, который можно извлечь изъ этихъ красивыхъ, но въ историко-литературномъ отношеніи малосодержательныхъ опредѣленій, заключается въ томъ, что романтизмъ мѣняетъ свой характеръ, сообразуясь съ общимъ ходомъ человѣческой культуры. Въ данное время чувство мыслящаго индивидуума проявляется въ одномъ стремленіи, черезъ сто лѣтъ оно будетъ направлено уже къ другому, такъ какъ духовное развитіе этого индивидуума сдѣлало шагъ впередъ, и его уже не удовлетворяетъ то, что удовлетворяло его предковъ. Съ этой точки зрѣнія, задатки

романтизма не трудно найти, какъ это сдѣлали Бѣлинскій и Ап. Григорьевъ, во всѣхъ періодахъ міровой литературы, начиная съ древнихъ миѳовъ Востока и кончая современностью. Но если это такъ, то и романтизмъ должно характеризовать не во всей совокупности его проявленій въ литературѣ даннаго народа, а въ проявленіяхъ его наиболѣе яркихъ, наблюдаемыхъ въ теченіе болѣе или менѣе короткаго періода времени. Эпохой расцвѣта романтизма въ Россіи считаются, какъ извѣстно, 20-ые, 30-ые годы и начало 40-хъ годовъ. За этотъ періодъ въ русской литературѣ обозначались оба направленія германскаго романтизма: появились романтики и типа Schöne Seelen и Kraftgeniens, разница между которыми такъ прекрасно выяснена акад. Веселовскимъ въ его классическомъ трудѣ о В. А. Жуковскомъ. Въ то время какъ первые являются мирными энтузіастами чувствительности, ограниченными стѣнками своего сердца, убаюкивающими себя до тихихъ восторговъ и слезъ анализомъ своихъ ощущеній, которыя за жизненной тщетой давали предчувствовать небо, — вторые представляютъ собой геніевъ мощи, съ ихъ призывомъ къ дѣятельному подвигу, къ борьбѣ. „Они, по словамъ А. Н. Веселовскаго, сознаютъ себя свободными отъ всѣхъ разсудочныхъ суевѣрій, которыя до тѣхъ поръ считались нормой жизни, изъ мѣщански растворенной условной культуры ихъ тянетъ къ природѣ, къ народу и его пѣснѣ, къ идеализированной народной старинѣ, въ просторъ всемірной поэзіи, къ обновленію литературныхъ формъ... Требованіе свободы чувствъ распространилось и на область нравственныхъ вопросовъ: ставятся новыя рѣшенія, потому что „геніямъ“ противенъ всякій догматизмъ, они жаждутъ просмотра, полны самозабвенія, хотятъ взять жизнь полностью и любить реально“. Подобная характеристика двухъ теченій романтизма даетъ Веселовскому возможность

признать, что между сентименталистами и романтиками типа Schöne Seelen нѣтъ принципіальной разницы. Съ этой точки зрѣнія, нетрудно объяснить чисто сантиментальныя ноты у „романтика“ Жуковскаго.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній о романтизмѣ вообще, перейдемъ къ изученію романтической струи въ юношескихъ стихотвореніяхъ Некрасова. Единственно возможный путь къ этому заключается въ подробномъ ознакомленіи съ основными мотивами сборника.

Въ числѣ послѣднихъ значительную группу составляютъ тѣ мотивы, въ которыхъ сказались вѣра въ загробную жизнь, неясные, полубезсознательные порывы въ высь—къ „эѳиру“, возвышенная плотоническая любовь къ „прекрасной дѣвѣ“,—однимъ словомъ, весь багажъ Schöne Seelen Жуковскаго. Такъ, одно изъ первыхъ стихотвореній сборника — „Встрѣча Душъ“ (см. приложеніе № 2) по идеѣ очень близко къ знаменитому „Теону и Эсхину“. Вотъ его содержаніе:

Отъ земли возносится „безпорочная душа юной дѣвы“, которая при жизни была разлучена съ „избранникомъ прекраснымъ“, и послѣ смерти не перестаетъ думать о немъ. Особенно ее смущаетъ вопросъ:

„Суждено ль соединеніе,
Тамъ ли онъ, иль на землѣ“.

По пути изъ міра „многогрѣшнаго“ въ „область свѣтлаго эѳира, въ слуги горнему царю“ эта душа встрѣчаетъ другую, въ которой узнаетъ душу своего избранника. Восторгъ ихъ безграниченъ.

„И въ блаженствѣ беззавѣтномъ
Души родственно слились,
И въ сіяньи огнецвѣтномъ
Выше, выше понеслись...
А вѣнцы надъ ихъ главами
Вдругъ сплелись въ одно кольцо,—
Словно въ знаменьи обѣта

Всемогущаго Творца,
Что для нихъ свиданье это
Не найдетъ себѣ конца.

Съ тѣмъ же въ сущности мотивомъ встрѣчаемся въ стихотв. „Изгнанникъ“ (приложеніе № 3). Юноша-поэтъ всецѣло отдается мечтамъ: ничто земное его не интересуетъ. Но „пробилъ часъ“—мечты разсѣиваются. Земная жизнь вступаетъ въ свои права. Поэтъ страдаетъ. Къ нему является „посланникъ Провидѣнья“ и говоритъ поэту:

„Ты осужденъ цѣной страданья
Купить въ странѣ очарованья
Рай недоступный на землѣ...
Надъ ложемъ слезъ, какъ вѣстникъ славы,
Взойдетъ предсмертная заря
И воспаришь ты величаво
Въ обитель горняго Царя,
Въ свою небесную отчизну“.

Съ тѣхъ поръ поэтъ, прикованный къ землѣ, не только безропотно, но и съ радостью переноситъ несчастья, въ надеждѣ получить награду на небесахъ.

Ту же идею выражаетъ стихотвореніе „Незабвенная“ (приложеніе № 1). Поэту въ минуту вдохновенья, явилась „чудной невидимкой“ прекрасная дѣва, пробудившая въ немъ страстную любовь. Онъ, однако, спрашиваетъ себя, что если это видѣніе только „сонъ волшебный“, „одна мечта“ и отвѣчаетъ на этотъ вопросъ такъ:

„Я и мечту лелѣять буду,
Любови къ ней не погашу,
Свиданья сладкую минуту
На память сердца запишу.
Солью мечтательное счастье
Съ моей существенной бѣдой,
И жизни мрачное ненастье
Пройду безтрепетной стопой.
И вѣрю—тамъ, *въ странѣ лазурной*,
Гдѣ радость и любовь вѣчна

Въ награду бѣдствій жизни бурной
Осуществится мнѣ она".

Нужно ли доказывать, что въ этихъ стихотвореніяхъ такъ и бьетъ чистѣйшій романтизмъ „чувствительника". Жуковскій, романтизмъ, все свое житейское міровоззрѣніе построившій на идеѣ небесной награды за земныя страданія. Этимъ же романтизмомъ объясняются такіе дѣтскія наивныя, но подкупающія своею искренностью строфы молодого поэта, какъ напр., въ стихотвореніи „Ночь":

Я не сплю, не сплю,—не спится
Сердце грустію томится,
Сердце плачетъ въ тишинѣ,
Сердце рвется къ вышинѣ,
Къ безмятежному эфиру,
Гдѣ, одѣтая въ порфиру,
Блещетъ яркая звѣзда.
Ахъ туда, туда, туда,
Къ этой звѣздочкѣ унылой,
Чародѣйственною силой,
Занеси меня мечта!

Передъ поэтомъ встаютъ сонмы очарованныхъ видѣній, и къ нимъ онъ обращается съ просьбой спуститься къ нему на минуту и унести его изъ „сферы жизни душной, въ міръ воздушный, въ міръ фантазіи святой". О томъ же онъ умоляетъ вѣтеръ.

Наконецъ, въ сборникѣ „Мечты и Звуки" мы находимъ свойственное нашимъ романтикамъ противоположеніе между матеріальнымъ и духовнымъ началами. Наиболѣе ярко это противоположеніе сказывается въ стих. „Разговоръ", въ которомъ описанъ споръ души съ тѣломъ.

Тѣло спрашиваетъ душу о причинѣ его грусти. Душа отвѣчаетъ: ты не въ силахъ понять мои страданья, унять которыя можетъ лишь смерть. Тѣло, привязанное къ земнымъ наслажденіямъ, не соглашается, однако, умирать. Душа упрекаетъ тѣло за преданность

чувственнымъ удовольствіямъ, а про себя говоритъ- „я на жизненномъ пиру незванный гость". Тѣло совѣтуетъ душѣ покориться его власти. Душа возражаетъ, указывая, что только тотъ истинно счастливъ, въ комъ душа владычествуетъ надъ тѣломъ: въ обратномъ же случаѣ—доля человѣка очень тяжела. Тѣло еще разъ уговариваетъ душу бросить свои мечты и быть съ нимъ заодно. Душа съ негодованіемъ отвергаетъ его совѣты и говоритъ, что духъ до гроба долженъ враждовать съ тѣломъ. Если даже послѣднее одолѣетъ, то, враждуя съ душой и испытывая упреки совѣсти, оно никогда не будетъ вполнѣ счастливо.

Говоря о юношескихъ стихотвореніяхъ этой группы, нельзя не отмѣтить того высокаго, свойственнаго всѣмъ романтикамъ, воззрѣнія на значеніе поэзіи, которое мы находимъ въ стихотвореніяхъ „Поэзія" и „Тотъ не поэтъ" (приложеніе № 4).

Въ первомъ изъ нихъ поэзія характеризуетъ себя такими словами:

„Я владѣю чуднымъ даромъ,
Много власти у меня;
Я взволную грудь пожаромъ
Брошу въ холодъ изъ огня...
Разорву покровы ночи,
Тьму вѣковъ разоблачу,
Проникать земныя очи
Въ міръ надзвѣздный научу...
Возложу вѣнецъ лавровый
На достойнаго жреца
Или въ мигъ запру въ оковы
Поносителя вѣнца...

Въ стих. „Тотъ не поэтъ" миссія поэта понимается еще болѣе возвышенно. Истинный поэтъ не долженъ быть слабымъ духомъ и склоняться передъ ударами судьбы, онъ не долженъ отдавать себя въ рабство чувствамъ и страстямъ...

Не поэтъ также и тотъ,

Кто у одра страдающаго брата
Не пролилъ слезъ, въ комъ состраданья нѣтъ,
Кто продаетъ себя толпѣ за злато...
Любви святой, высокой, благородной,
Кто не носилъ въ груди своей огня...
Кто не горѣлъ въ горнилѣ вдохновеній,
Кто ихъ искалъ въ кругу мірскихъ суетъ,
Съ кѣмъ не бесѣдовалъ въ часы ночные геній и т. д.

Къ романтическимъ стихотвореніямъ въ духѣ Жуковскаго слѣдуетъ отнести 4 фантастическія баллады: „Воронъ“ (приложеніе № 12), „Рыцарь“, „Пиръ Вѣдьмы“, „Водяной“ и сонетъ „Рукоять“, относящіеся къ слабѣйшимъ стихотвореніямъ сборника. Въ первой изъ нихъ изображается мрачный воронъ, который подговариваетъ благороднаго коня рыцаря Тебальда сбросить своего хозяина. Конь исполняетъ его совѣтъ: Тебальдъ гибнетъ, его возлюбленная Вероника также умираетъ на трупѣ своего милаго. Воронъ торжествуетъ и радуется обильной трапезѣ. Въ балладѣ „Рыцарь“ описывается свиданіе Роланда съ его умершей возлюбленной Заирой, которую онъ вызываетъ силой своего волшебнаго кольца. Въ „Водяномъ“ поэтъ разсказываетъ о любви юноши къ женѣ Водяного и гибели обоихъ любовниковъ въ волнахъ разгнѣванной рѣки. Въ „Пирѣ Вѣдьмы“ изображается шабашъ нечистой силы; это стихотвореніе интересно, между прочимъ, своимъ языкомъ, приближающемся къ народному. Вотъ напр., первые строфы его:

„Темно въ хатѣ, душно въ хатѣ;
Пляшутъ ложки на столѣ.
Скачетъ вѣдьма на ухватѣ,
Ѣдетъ чортъ на помелѣ.
Свѣтло въ хатѣ, чисто въ хатѣ;
Вышла баба изъ трубы,
Набрала воды въ ушатѣ,
Загадала на бобы“... и т. д.

Въ сонетѣ „Рукоять“, описывается эпизодъ изъ боевой жизни какого то „я“. Ударъ врага грозилъ ему смертью, но вѣрный другъ спасъ поэта цѣной своей жизни. Поэтъ успѣлъ унести съ поля битвы отрубленную руку друга, изъ которой сдѣлалъ рукоять для своего кинжала.

Эти стихотворенія безспорно слѣдуетъ отнести къ слабѣйшимъ въ сборникѣ. Неудачное содержаніе, неуклюжій языкъ—вотъ ихъ отличительныя черты. Возможно, что они навѣяны мрачными переводными балладами Жуковскаго.

Не многимъ лучше эротическія стихотворенія „Турчанка“, (приложеніе № 11) „Пѣсня Замы“, „Смуглянка“ и „Признаніе“. Въ нихъ, по обычаю поэтовъ того времени, Некрасовъ занимается описаніемъ „персей“, подобныхъ „волнамъ моря“, „кудрей, черныхъ, какъ геній суевѣрья“, ручекъ, ножекъ, локоновъ, стана, зажигающихъ „волканъ“ въ его груди, огненныхъ объятій, пылкихъ лобзаній и т. д. Справедливость, однако, требуетъ отмѣтить, что и баллады и эротическія стихотворенія во всей своей совокупности не составляютъ и четвертой части сборника и къ числу основныхъ его мотивовъ никоимъ образомъ отнесены быть не могутъ. Они, по всей вѣроятности, составляютъ низшую, подготовительную стадію юношескаго творчества Некрасова, и попали въ сборникъ лишь случайно.

Меланхолическій романтизмъ Жуковскаго, безспорно оказавшій свое вліяніе на юношеское міровоззрѣніе Некрасова, въ качествѣ существенной и неотъемлимой части заключалъ въ себѣ и религіозные мотивы. Это совмѣщеніе не только естественно, но и неизбѣжно. Было бы странно, если бы поэтъ, чуть ли не всѣ жизненныя явленія разсматривавшій съ точки зрѣнія ихъ значенія для будущей жизни, не поставилъ своего міровоззрѣнія въ связь съ элементами того самаго христіанства, которое въ историческомъ ходѣ своего

развитія имѣло не мало выдающихся мистиковъ, и даже теоретиковъ мистицизма. Не забудемъ, что основная идея мистицизма и христіанства въ концѣ концовъ тождественна: и истинный мистикъ и послѣдовательный христіанинъ живутъ, прежде всего, вѣрой въ безсмертіе души и связанное съ нимъ загробное существованіе. Поэтому то всякій романтикъ типа Жуковскаго необходимо долженъ отразить въ своихъ произведеніяхъ, независимо отъ мистическихъ, и религіозно-христіанскія идеи. Съ такими идеями мы встрѣчаемся съ перваго же стихотворенія сборника „Мечты и Звуки"—„Колизей".

Его содержаніе сводится къ слѣдующему. Полуразрушенное зданіе Колизея, разсказывая автору исторію своего былого величія, упоминаетъ о происходившихъ нѣкогда въ его стѣнахъ гоненіяхъ на христіанъ и говоритъ:

„Жалѣть ли прошедшаго съ гибельной славой?
Нѣтъ, странникъ, забыть я стараюсь его.
Взгляни, надо мною теперь величаво
Крестъ высится, Вѣры святой торжество.
Тамъ льется молитва, гдѣ страшная міру,
Носилась рѣчь злобы, какъ дикій буранъ,
Тамъ амбра куреній восходитъ къ эѳиру,
Гдѣ прежде дымилася кровь христіанъ.
О, я благодарно премудрому Богу!"

Несомнѣнно, что молодой поэтъ желалъ выразить въ этомъ стихотвореніи ту христіанскую идею, по которой божественный промыселъ неуклонно направляетъ человѣческую жизнь къ лучшему. На это указываетъ и конецъ стихотворенія, въ которомъ зданіе Колизея совѣтуетъ автору идти въ храмъ къ „предвѣчному" и пѣть тамъ „не жалобный гимнъ на судьбину", а, слѣдуя его примѣру, „благодарственный гимнъ небесамъ".

Въ „Колизеѣ", однако, не смотря на его чисто религіозное настроеніе, содержится косвенное указаніе на то, что періодъ дѣтской не разсуждающей и не

сомнѣвающейся вѣры уже миновалъ для автора. Характеръ такого именно указанія носитъ совѣтъ Колизея, не роптать на судьбу. Психологически совершенно ясно, что разъ уже человѣкъ заговорилъ о томъ, что не слѣдуетъ роптать, то онъ уже ропщетъ или по крайней мѣрѣ готовъ роптать, въ глубинѣ своего сердца. Однако, религіозное настроеніе слишкомъ сильно владѣло юношей Некрасовымъ, чтобы онъ легко поддался скептицизму, который, само собой разумѣется, лежитъ въ основѣ всякаго недовольства судьбой. Въ стихотвореніи „Истинная Мудрость", молодой поэтъ съ негодованіемъ оспариваетъ раціоналистическую точку зрѣнія.

„Не все постигнулъ умъ надменный,

—говоритъ онъ

Не все свѣтло для Мудреца.
Есть много таинъ во вселенной
Ключи которыхъ у Творца.
Отъ жаждъ знанья плодъ не сладокъ.
О, не кичись средь гордыхъ думъ,
Толпой безсмысленныхъ догадокъ,
Мудрецъ!—предъ Богомъ прахъ твой умъ.

Далѣе слѣдуетъ перечисленіе всего, чего мудрецъ не въ силахъ постигнуть: для него недоступны „тайны эфира", „судьба міра", познаніе самого себя, загробной жизни; онъ не знаетъ, что находится на „днѣ моря": ему непонятны „пути планетъ", „міровъ движенье", „буранъ", „утроба горъ, что родитъ злато", „тайна чаръ, во снѣ тебѣ дающихъ крылья", „ходъ судьбы" и т. д.

Перечисленіе это, очень любопытное, между прочимъ, какъ доказательство малой освѣдомленности автора въ опытныхъ наукахъ, воображавшаго, что „пути планетъ" „утроба горъ", „дно моря"—для всѣхъ такая же terra incognita, какъ для него,—приводитъ поэта къ такому обращенію къ злочастному мудрецу:

„Не вѣримъ мы твоимъ догадкамъ,
Ты жалкій скептикъ, ты не жрецъ.

Земнымъ умомъ измѣрить Бога,
Постигнуть тайны бытія,—
Нѣтъ это дерзко, это много,
Нѣтъ это доля не твоя". . . .
Благоговѣть предъ мистицизмомъ
И былъ и есть удѣлъ людей,
На что-жъ преступнымъ скептицизмомъ
Мрачишь ты блескъ души своей.
Оставь же тщетныя усилья,
Не жди, не мучься, не грѣши.
Съ мольбой возьмись за трудъ, по силѣ,
Путь къ знаньямъ вѣрой освѣти . . .
И разлюби родного сына
За отступленіе отъ Творца . . . .
Собою тварь на дѣло вѣка,
Творца достойную яви".

Протестъ противъ скептицизма не только яркій, но кричащій, злобный, негодующій. Такой протестъ можетъ появиться только тогда, когда протестующій опасается того, противъ чего онъ негодуетъ, не вѣритъ въ свои силы, въ способность выдержать борьбу.

Стихотвореніе „Смерти" (приложеніе № 6) дѣлаетъ для насъ несомнѣннымъ, что въ жизни молодого поэта бывали уже минуты, когда религіозное настроеніе и живая вѣра колебались подъ напоромъ все разлагающей рефлексіи и все отрицающаго скептицизма. Поэтъ не во всякое время готовъ встрѣтить смерть, какъ это подобаетъ истинному христіанину, и поэтому онъ обращается къ ней съ мольбой не приходить къ нему въ минуты волненій, увлеченія страстями, въ „часы раздумья, когда наводитъ демонъ зла, вливая въ сердце ядъ безумья, на нечестивыя дѣла". Пусть смерть посѣтитъ поэта въ то время, когда онъ предаваясь вдохновенью, забываетъ все земное.

„Когда я мыслью улетаю
Въ обитель къ горнему царю,
Когда пою, когда мечтаю,
Когда молитву говорю".

Въ такія минуты поэтъ чувствуетъ себя близкимъ къ небу, переходъ въ иной міръ не будетъ для него труднымъ.

Стихотвореніе „Сомнѣніе“ (приложеніе № 7) также служитъ подтвержденіемъ тѣхъ опасеній, которыя возбуждаютъ въ поэтѣ „часы раздумья“. Въ началѣ рисуется „роскошный жизни пиръ“, величіе и изящество божьяго міра, плѣняющіе юношу и зажигающіе въ немъ высокія мечты.

„Ты вспыхнулъ весь огнемъ полунебеснымъ
И вдохновленъ картиной красоты,
Постигъ Творца въ твореніи чудесномъ
Какъ праха сынъ, восторженнымъ челомъ.
Ты передъ нимъ во прахъ повергся долу
И до души проникнутъ божествомъ,
Послалъ мольбы къ Всевышняго престолу
Онъ, внемля имъ, благословилъ тебя“.

Все это блаженство можетъ быть уничтожено „мятежнымъ“ сомнѣніемъ, которому никогда не слѣдуетъ довѣрять своего сердца, ибо пригрѣтое разъ „съ тобой на вѣкъ останется оно“, осквернитъ все святое и даже „омрачитъ отрадный Вѣры свѣтъ“.

Тотъ же предостерегающій мотивъ звучитъ уже въ цитированномъ стихотвореніи „Изгнанникъ“. Посланникъ провидѣнія говоритъ, между прочимъ, изнемогающему подъ бременемъ житейскихъ невзгодъ поэту:

„Не довѣряй души сомнѣнью,
За горе жизни не кляни,
Молись святому Провидѣнью
И вѣру въ Господа храни.

Если, съ одной стороны, для вѣрующаго человѣка опасно сомнѣніе, то, съ другой, не меньше надо остерегаться недостойныхъ христіанина пороковъ. Въ стихотвореніи „Жизнь“ поэтъ обращается къ ней съ такими словами:

„Прекрасно, высоко твое предназначенье
Святой завѣтъ Того, Котораго велѣнье,

Премудро учредя порядокъ естества,
Изъ праха создало живыя существа;
Но низко и смѣшно межъ насъ употребленье
И недостойны мы подобья Божества.

Недостойны потому, что проводя жизнь въ земныхъ, чувственныхъ наслажденіяхъ, „изъ тихой вечери молитвъ и вдохновеній разгульной оргіей мы сдѣлали“ ее, а сами превратились изъ „рабовъ Христовыхъ“ въ „поклонниковъ грѣха“. Несмотря на то, что жизнь раскрываетъ предъ нами красоты искусства, пробуждаетъ въ насъ добрыя стремленія,—мы часто презираемъ и проклинаемъ ее, руководимые только себялюбіемъ.

„О сколько на тебя проклятій этихъ пало!
Чѣмъ не довольны мы, за что они—Богъ вѣсть.
Еще за нихъ насъ небо не карало:
Оно достойную приготовляетъ месть“.

Здѣсь уже заключается прямая угроза, зловѣщее предостереженіе.

Въ стихотвореніи „Землетрясеніе“ молодой поэтъ даетъ намъ картину божьей мести и связанныхъ съ нею послѣдствій. Въ немъ описывается „пышный градъ“, погрязшій въ порокахъ. Его развращенные обитатели не внемлютъ совѣтамъ „умолить Божій гнѣвъ“, а навлекаютъ на себя небесную кару: страшное землетрясеніе разрушаетъ ихъ жилища, уничтожаетъ ихъ земныя богатства. Тогда только грѣшное населеніе города поняло, „что это за ихъ преступленья достойная казнь“.

И вотъ передъ небомъ создателя, въ страхѣ
Упалъ непокорный народъ, и во прахѣ
Смирилися гордыя дѣти земли.
И тѣ, что доселѣ главою надменной
Безумно, отвергнувши Бога вселенной,
На градъ наказанье его навлекли,
И тѣ, что въ порокахъ однихъ утопали,
Забывъ и молитвы и совѣсти гласъ,
Что буйно, безумно грѣхомъ торговали,

И Бога Творца забывали не разъ—
Предъ нимъ всѣ смирялись, и пѣснь о прощеньи
Послали къ всевышнему Богу Царю.

Дѣло кончается къ общему благополучію: „милосердный“ прощаетъ грѣшниковъ, которые молятся и благодарятъ его за великую милость, не сожалѣя о своихъ разрушенныхъ жилищахъ.

Такимъ образомъ, въ цитированныхъ стихотвореніяхъ религіозное настроеніе автора проявляется очень ярко. Оно, однако, носитъ довольно своеобразный характеръ, такъ какъ порождающая его причина не та, которая наблюдается у другихъ романтиковъ. Молодой Некрасовъ далекъ отъ благоговѣйнаго созерцанія мистиковъ, онъ скорѣе подходитъ подъ типъ пророка-обличителя, не задумывающагося ради торжества своей идеи заявить о тщетѣ усилій человѣческаго разума и даже припугнуть сомнѣвающихся угрозой небеснаго гнѣва. Однимъ словомъ, въ основѣ его религіознаго настроенія, прежде всего, лежитъ борьба противъ всего того, что можетъ „омрачить отрадный вѣры свѣтъ“. Въ его стихотвореніяхъ чувствуется, что вѣра для поэта—это необходимое условіе всякаго истиннаго блаженства, въ иныхъ случаяхъ онъ даже какъ будто подчеркиваетъ обязательность этой вѣры. Такъ, напр., въ одномъ изъ своихъ стихотвореній онъ отказывается признать истиннымъ поэтомъ того человѣка „кто предъ грозой разгнѣваннаго Бога съ мольбой въ устахъ во прахъ не упадалъ“.

Однако религіозное настроеніе автора „Мечты и Звуки“ не всегда отличается столь мрачнымъ характеромъ, не всегда проникнуто духомъ борьбы и обличенія. Даже для изслѣдователя поверхностно ознакомившагося со сборникомъ юношескихъ произведеній Некрасова ясно, что въ душу поэта были заложены задатки той кроткой созерцательной религіозности, тихій

свѣтъ которой такъ нѣжно мерцаетъ въ лучшихъ стихотвореніяхъ Жуковскаго. Вотъ, напр., стихотвореніе „Часъ молитвы“ (приложеніе № 5). На разсвѣтѣ, при звонѣ колоколовъ, когда люди благоговѣйно молятся въ храмѣ „тогда— говоритъ поэтъ—и я съ душою умиленной межъ нихъ стою, и Богу гимнъ, колѣно-преклоненный, тогда пою“. При наступленіи вечера, подъ пѣсни голосистыхъ птичекъ, возносящихъ хвалу творцу, молитвенное настроеніе также не покидаетъ поэта. Однако, особенно сильно оно проявляется въ „грозный часъ кипучей непогоды“.

„Слова мои
Тогда солью я съ голосомъ природы
И, чуждъ земли,
Пошлю къ Творцу усердную молитву
И—внемля ей,
Онъ усмиритъ враждующую битву
Моихъ страстей“.

Иногда это же свободное отъ обличеній и борьбы со скептицизмомъ и порокомъ, религіозное настроеніе мелькаетъ въ описаніяхъ природы, кстати сказать, довольно рѣдкихъ въ „Мечтахъ и Звукахъ“. Такъ, въ стихотвореніи „Незабвенный вечеръ“ читаемъ: „луна—

„Казалась видимой короной
Главы незримаго творца;
Звѣздъ и созвѣздій легіоны,
Какъ отблескъ Божьяго лица,
Сіяли въ выспреннемъ эфирѣ.
Веселымъ пламенемъ горя,
Какъ бы любуясь миромъ въ мірѣ,
Привѣтъ небесъ ему даря“.

Въ стихотвореніи „Весна“, при описаніи пробуждающейся природы,—тотъ же мотивъ:

„Встрѣчаетъ шумно утро года
Пернатыхъ птицъ громовый хоръ.
Онѣ поютъ ей гимнъ привѣтный
Во славу Бога и Отца“.

Наконецъ, въ любопытномъ стихотвореніи „Горы“, въ которомъ Некрасовъ описываетъ никогда не видѣнный имъ Кавказъ, воспѣвается „святой восторгъ“ и удивленіе, охватывающіе душу поэта при созерцаніи грозныхъ высотъ, и высказывается пожеланіе, „чтобы заоблачныя горы ихъ (т. е. восторгъ и удивленіе) передали небесамъ“.

Присутствіе въ сборникѣ этихъ строфъ, преисполненныхъ, такъ сказать, непосредственнаго и безотносительнаго религіознаго чувства, нисколько не противорѣчитъ нашему предположенію о возникновеніи обличительно-воинствующихъ мотивовъ, какъ реакціи противъ овладѣвавшихъ иногда душою молодого поэта сомнѣній. Наоборотъ, онѣ скорѣе подтверждаютъ это предположеніе, ибо чѣмъ сильнѣй и непосредственнѣе вѣрилъ молодой Некрасовъ, тѣмъ больше онъ долженъ былъ возмущаться той струей отрицанія и рефлексіи, которая противъ его воли, какъ непрошенная гостья, мало по малу вливалась въ его душу.

Такимъ образомъ, въ религіозномъ настроеніи автора сборника „Мечты и Звуки“ намѣчается два теченія: одно бравурное — обличительное, другое мирное — съ созерцательнымъ оттѣнкомъ. Послѣднее несомнѣнно близко примыкаетъ къ тѣмъ меланхолически-мечтательнымъ стихотвореніямъ, которыя мы охарактеризовали выше, такъ какъ строго говоря къ области мистики, принадлежитъ всякое религіозное настроеніе постольку, поскольку оно является созерцательнымъ, поскольку оно отражаетъ „ясный, не меркнущій, тихій свѣтъ утренній“. Съ другой стороны, тамъ, гдѣ идетъ борьба, гдѣ гремитъ негодующее обличеніе, призывается карающая десница провидѣнія—тамъ уже нѣтъ мистики. Поэтому, характеризуя юношеское міровоззрѣніе Некрасова, на основаніи основныхъ мотивовъ въ его „Мечтахъ и Звукахъ“, мы вправѣ заключить, что оно эволюціонировало отъ меланхолической мечтательности

мистика-христіанина къ страстному обличенію желающаго вѣрить, но уже сомнѣвающагося человѣка. Указанная эволюція на этомъ не остановилась, она привела молодого поэта уже къ чисто пессимистическимъ нотамъ, невозможнымъ у романтика въ духѣ Жуковскаго. Этотъ переходъ совершился, по всей вѣроятности, подъ вліяніемъ жизненныхъ условій. По крайней мѣрѣ такое объясненіе предлагаетъ самъ поэтъ въ стихотвореніи „Земляку“ (приложеніе № 8), имѣющемъ значительный біографическій интересъ. Въ немъ авторъ разсказываетъ о томъ, какъ онъ покинулъ тихую и безмятежную родину и, увлекаемый жаждой славы и земныхъ наслажденій, отправился на чужбину. Однако, здѣсь молодому страннику недолго пришлось упиваться „очарованьями бытія“: его ожиданія и мечты оказались несбыточными.

Связывая свою судьбу съ судьбою нѣкоего земляка (не Андрея ли Глушицкаго?..), поэтъ говоритъ, что на чужбинѣ

„Узнали мы тоску страданья,
Мятежъ страстей, волненье думъ,
Узнали дружбу—безъ участья,
Привѣтъ и ласку безъ любви...
А радость, а надежда славы,
Любви и счастія даровъ.
Какъ осенью листы съ дубравы
Исчезло все среди снѣговъ“.

Что же осталось намъ отъ всѣхъ этихъ мечтаній—спрашиваетъ себя авторъ—и отвѣчаетъ: „опытъ и холодъ ранняго безстрастія“. Эти мрачныя ноты уже очень далеки отъ мечтательной грусти Жуковскаго, несравненно болѣе онѣ напоминаютъ безотрадный пессимизмъ Лермонтова. Подобный же характеръ носитъ первое изъ напечатанныхъ стихотвореній Некрасова „Мысль“ (приложеніе № 9), въ которомъ описывается „дряхлый міръ“—этотъ „обветшалый старецъ“, спящій подъ покровомъ ночи. Поэтъ высказываетъ

предположеніе, что можетъ быть у старика „зажжется ретивое“, распустится „зерно“ давно угасшей жизненной силы, заглохшія могилы повѣютъ на него новой жизнью, и онъ проснется, чтобы забыть утраченные годы и зажить юношей, какъ въ первые дни мірозданія. Наступаетъ утро и глазамъ поэта открывается міръ,—

„Такой же дряхлый, обветшалый,
Еще дряхлѣй безъ покрывала...

Эта картина приводитъ поэта въ негодованіе.

„Скрой безобразье наготы
Опять подъ мрачной ризой ночи,

обращается онъ къ міру:

Поддѣльнымъ блескомъ красоты
Ты не мои обманешь очи...

Тотъ же пессимизмъ чувствуется въ вышеупомянутомъ стихотвореніи „Жизнь“, гдѣ авторъ самыми мрачными красками рисуетъ пороки и преступленія человѣчества, мѣстами едва ли не подражая тѣмъ страстнымъ обвиненіямъ, которыя бросалъ въ лицо русскому обществу великій поэтъ въ своей „Думѣ“, напечатанной незадолго до выхода въ свѣтъ сборника „Мечты и Звуки“. Въ „Мысли“ и „Жизни“ пессимизмъ автора пріобрѣтаетъ общій характеръ, тогда какъ въ стихотвореніи „Земляку“ онъ не сходитъ съ субъективной почвы. На эту же почву онъ, повидимому, возвращается въ стих. „Безнадежность“ (приложеніе № 10). Здѣсь поэтъ описываетъ всѣ ужасы жизни безъ надеждъ, уподобляя ее „тропѣ безъ цѣли“ и „волѣ безъ силы“. Горе тому, кто живетъ подобною жизнью: онъ лишній на землѣ, смотритъ на все холодно и равнодушно, и на „грѣшномъ тѣлѣ“ носитъ „печать поборника Христа“. Еще болѣе субъективный характеръ носятъ, съ одной стороны, стихотвореніе „Обѣтъ“, въ которомъ авторъ проситъ любящую его

женщинѣ удалиться и не твердить о любви, такъ какъ онъ отвыкъ отъ ласковыхъ рѣчей и далъ обѣтъ чуждаться земныхъ друзей, а съ другой, стих. „Сердцу“. Здѣсь описывается разрывъ автора съ милой, разрывъ, отнимающій всякую возможность былого счастья. Стихотвореніе заканчивается обращеніемъ автора къ самому себѣ:

„Страдай—страданьямъ нѣтъ неволи—
Мнѣ суждено, постигнулъ я,
Однѣ трагическія роли
Играть на сценѣ бытія“.

Сравнивая эти стихотворенія со стих. „Пѣсня“, мы должны отмѣтить наростаніе пессимистическаго настроенія, ибо, начиная послѣднее стихотвореніе очень меланхолической строфою,

„Мало на долю мою безталанную
Радости свѣтлой дано,
Холодомъ сердце, какъ въ бурю туманную
Ночью и днемъ стѣснено,—

Некрасовъ, въ концѣ концовъ, взываетъ къ женской ласкѣ и любви, отъ которыхъ ждетъ исцѣленія. Въ предыдущихъ же стихотвореніяхъ эта надежда, какъ мы видѣли, окончательно оставила молодого поэта.

Справедливость требуетъ отмѣтить, что струя пессимизма, бьющая въ этихъ стихотвореніяхъ, занимаетъ въ сборникѣ хотя и значительное, но нѣсколько меньшее мѣсто по сравненію съ мотивами мистико-религіозными. На первыхъ порахъ можетъ явиться вопросъ, не противорѣчитъ ли она по самому существу своему этимъ послѣднимъ. Думается, что никакого противорѣчія здѣсь нѣтъ. Дѣло въ томъ, что и мистицизмъ и обличительно-религіозный жанръ большинства стихотвореній сборника „Мечты и Звуки“ въ одномъ пунктѣ тѣсно соприкасаются съ пессимизмомъ; они исходятъ изъ общаго положенія о порочности и грѣховности земной жизни. Пока въ человѣкѣ тверда вѣра въ бо-

жественный промыселъ, пока онъ убѣжденъ, что все, что ни дѣлается — дѣлается къ лучшему, пока онъ твердо надѣется получить награду на небесахъ, до тѣхъ поръ онъ можетъ презирать земную жизнь и мечтать о загробномъ блаженствѣ, не дѣлаясь пессимистомъ. Но если вѣра эта поколебалась, если она уже не составляетъ того твердаго основанія, на которомъ зиждется все міровоззрѣніе человѣка, тогда отрицательный взглядъ на земную жизнь очень легко можетъ повести къ пессимизму. Мы уже указывали при характеристикѣ религіозныхъ настроеній Некрасова, что его нетерпимость къ раціонализму и скептицизму проистекала отчасти отъ неувѣренности въ собственныхъ силахъ, изъ опасенія рано или поздно поддаться этимъ столь ненавистнымъ для него проявленіямъ человѣческаго духа. Отгоняя отъ себя „нечистое сомнѣнье“, Некрасовъ неоднократно проговаривался въ томъ смыслѣ, что въ его жизни бывали минуты, когда это сомнѣніе овладѣвало имъ. Съ теченіемъ времени внутренняя борьба непосредственной и безотносительной вѣры съ разлагающимъ вліяніемъ рефлексіи должна была усилиться; все чаще и чаще наступали въ ней минуты колебанія, когда вѣсы побѣды попеременно склонялись то на ту, то на другую сторону: злого демона сомнѣнія поэту уже не всегда удавалось отогнать; а бывали моменты, въ которые онъ самъ уже призывалъ его. Что борьба эта пріобрѣтала не рѣдко именно такой характеръ, можно судить по стихотворенію сборника „Злой духъ“.

„Духъ нечистый, духъ порочный
Какъ прокрался ты ко мнѣ.
Для чего ты въ часъ полночный
Здѣсь со мной наединѣ?“—

съ ужасомъ спрашиваетъ поэтъ.

Полный „злобной радости“ и „демонскаго восторга“, злой духъ неистово смѣется и отвѣчаетъ:

„Самъ ты звалъ за данью вѣрной
Я пришелъ“.

Далѣе авторъ говоритъ о томъ вредѣ, который могутъ принести рѣчи искусителя, при чемъ характеризуетъ ихъ такимъ образомъ:

„Чудны, страшны эти рѣчи,
Часто имъ внимаетъ умъ,
И отъ каждой новой встрѣчи
Больше въ сердцѣ мрачныхъ думъ“.

Такимъ образомъ, самымъ простымъ и естественнымъ объясненіемъ пессимистическихъ мотивовъ въ сборникѣ юношескихъ стихотвореній Некрасова слѣдуетъ признать то, что они возникли, какъ непосредственный результатъ „мрачныхъ думъ“, нагоняемыхъ на поэта „злобнымъ демономъ сомнѣнья“. Въ самомъ дѣлѣ, охарактеризованныя выше стихотворенія „Мысль“, „Жизнь“, „Безнадежность“ и др. поражаютъ своимъ мрачнымъ колоритомъ, своею исключительною безотрадностью. Иныхъ стихотвореній не могъ писать поэтъ, утерявшій, хотя бы на время «ясный свѣтъ Вѣры», которымъ онъ такъ дорожилъ, необходимость котораго онъ такъ страстно доказывалъ.

Охарактеризованныя настроенія юнаго автора въ «Мечтахъ и Звукахъ» даютъ намъ право заключить, что уже въ очень ранніе годы едва ли не самой типичной чертой некрасовской психики слѣдуетъ признать извѣстную душевную раздвоенность, которая явилась результатомъ отмѣченной уже борьбы противоположныхъ началъ. Проявленія этой раздвоенности проходятъ красною нитью черезъ весь сборникъ: то вѣра владѣетъ душой поэта, то сомнѣніе, то духъ заявляетъ свои права на его существо, то тѣло; то жизнь человѣческая представляется ему «разгульной оргіей», то «тихой вечерей молитвъ и вдохновеній». Вопросъ о причинахъ и происхожденіи подобной двойственности настроеній, нѣсколько странной въ душѣ столь юнаго

человѣка, какимъ является Некрасовъ въ началѣ своей литературной дѣятельности, можетъ быть разрѣшенъ исключительно путемъ анализа внѣшнихъ жизненныхъ условій Некрасова и ихъ вліянія на его психическую жизнь. На этомъ намъ придется остановиться нѣсколько позднѣе.

Резюмируя вышеизложенное, основные мотивы юношескихъ стихотвореній будущаго печальника горя народнаго слѣдуетъ свести къ тремъ группамъ:

I. *Мотивы мистико-романтическіе* (порывы къ эфиру, платоническая любовь и т. д.) и *созерцательно-религіозные* (награда въ загробной жизни за земныя страданія, Богъ въ природѣ и т. д.).

II. *Мотивы обличительно-религіозные* (борьба со скептицизмомъ, злымъ демономъ сомнѣнья; обличенія человѣческихъ грѣховъ и пороковъ).

III. *Мотивы пессимистическіе* (отрицательный взглядъ на міръ и человѣчество, для которыхъ нѣтъ обновленія; невозможность личнаго счастья для автора).

Въ соотвѣтствіи съ развитіемъ этихъ мотивовъ эволюціонировало и юношеское міровоззрѣніе молодого поэта. Сначала мы видимъ его романтикомъ въ духѣ Жуковскаго, нѣсколько меланхолическимъ, но полнымъ возвышенныхъ мыслей и твердой вѣры въ провидѣніе. Далѣе цѣпкая рефлексія и разлагающій юношескія мечты скептицизмъ понемногу захватываютъ его душу въ свои объятія. Религіозное чувство упорно борется съ ними, негодующими рѣчами бичуя ядовитое сомнѣнье, требуя, чтобы гордый разумъ смирился передъ тайною бога и природы. Какъ результатъ этой борьбы, которая ведется съ перемѣннымъ успѣхомъ,—къ аккорду юношескихъ мечтаній и звуковъ примѣшиваются унылыя пессимистическія ноты, рвущіяся изъ сердца, начинающаго разочаровываться въ старыхъ идеалахъ и ненаходящаго новыхъ, которыми бы могло ихъ замѣнить.

———

ГЛАВА III.

Такова картина юношескаго міровоззрѣнія Некрасова, поскольку оно отразилось въ сборникѣ его первыхъ стихотворныхъ опытовъ. Однако намъ могутъ возразить, со словъ г.г. Венгерова и Скабичевскаго, что наши выводы и заключенія построены на шаткихъ, непрочныхъ основаніяхъ, прежде всего, потому, что „Мечты и Звуки"—не болѣе какъ плодъ подражанія чужимъ образцамъ, что отразившееся въ нихъ настроеніе является случайнымъ и напускнымъ. Это возраженіе, однако, не будетъ имѣть силы, если противопоставить ему доказательства самостоятельности и искренности стихотвореній сборника „Мечты и Звуки". Такихъ доказательствъ въ распоряженіи изслѣдователя имѣется, собственно говоря, два: одно—прямое, а другое—косвенное. Первое заключается въ сравненіи некрасовскихъ опытовъ съ произведеніями современныхъ ему поэтовъ, которое съ достаточной наглядностью должно засвидѣтельствовать самостоятельность и искренность его молодой музы; второе—должно имѣть въ виду непосредственную связь между жизненными условіями его отрочества и юности и міровоззрѣніемъ, выразившимся въ „Мечтахъ и Звукахъ".

Остановимся на каждомъ изъ этихъ доказательствъ возможно подробнѣе, въ виду важности ихъ для основныхъ положеній нашего очерка.

Рѣшеніе вопроса о степени самостоятельности даннаго автора, иными словами вопроса о томъ, кому и въ чемъ онъ подражаетъ и подражаетъ ли онъ вообще, пред-

ставляетъ нерѣдко весьма существенныя затрудненія. Вліянія въ той или иной формѣ, оставившія свои слѣды въ произведеніяхъ интересующаго насъ писателя, бываютъ иной разъ настолько разнообразными, настолько переплетенными и спутанными между собой, что опредѣлить ихъ генезисъ, прослѣдить первоначальный источникъ—дѣло очень и очень нелегкое. Возможны случаи, когда тщательное, кропотливое разсмотрѣніе цѣлаго ряда литературныхъ произведеній съ цѣлью выясненія вліяній такого рода не приводитъ ни къ чему, и съ другой стороны, когда случайное перелистыванье, казалось бы вполнѣ отличнаго отъ произведеній нашего автора творенія, наталкиваетъ на совершенно новыя мысли, даетъ поводъ къ богатымъ результатами сопоставленіямъ. При такихъ условіяхъ, само собой разумѣется, приходится очень дорожить каждымъ намекомъ современныхъ автору критиковъ, живѣе чѣмъ мы ощущавшихъ литературныя вліянія своего времени, на подражаніе его тому или другому писателю. При обзорѣ критической литературы о „Мечтахъ и Звукахъ", мы уже имѣли случай отмѣтить нѣкоторыя указанія такого рода въ рецензіи „Журнала М-ва Народн. Пр.". Ѳ. Менцовъ указываетъ въ ней довольно опредѣленно, что въ стихотвореніяхъ „Колизей", „Незабвенная", „Дни благословенные" видно вліяніе Бенедиктова, а въ „Ангелѣ Смерти", „Поэзіи", „Встрѣчѣ Душъ"—Подолинскаго, но, въ чемъ выразилось это вліяніе, не считаетъ нужнымъ пояснять. Намъ предстоитъ отвѣтить за него на этотъ вопросъ.

В. Г. Бенедиктовъ въ началѣ своей литературной дѣятельности имѣлъ, какъ извѣстно, огромный успѣхъ; успѣхъ, далеко не оправдываемый дѣйствительной цѣнностью его поэтическихъ вдохновеній. Вотъ что пишетъ по этому поводу, въ своихъ литературныхъ воспоминаніяхъ И. Панаевъ: „Появленіе стихотвореній Бенедиктова произвело страшный гвалтъ и шумъ не только

въ литературномъ, но и въ чиновничьемъ мірѣ... О статьяхъ Полевого и Бѣлинскаго отзывались съ негодованіемъ, и были очень довольны статьею профессора Шевырева, провозгласившаго Бенедиктова *поэтомъ мысли*. Жуковскій, говорятъ, до того былъ пораженъ, что нѣсколько дней сряду не разставался съ нею, (т. е. съ книгою стихотвореній Б-ва), и гуляя по Царскосельскому саду, оглашалъ воздухъ Бенедиктовскими стихами". Я. П. Полонскій въ своей біографіи поэта прибавляетъ что „не одинъ Петербургъ, вся читающая Россія упивалась стихами Бенедиктова. Онъ былъ въ модѣ: учителя гимназій въ классахъ читали стихи его ученикамъ своимъ, дѣвицы ихъ переписывали, пріѣзжіе изъ Петербурга, молодые франты, хвастались, что имъ удалось заучить наизусть, только что написанные, и еще нигдѣ не напечатанные стихи Бенедиктова".

Шумный успѣхъ и всеобщая популярность какого бы то ни было автора, естественнымъ образомъ, приводятъ къ тому, что начинающіе писатели смотрятъ на него, какъ на образецъ достойный подражанія; изученіе, добросовѣстное знакомство съ его произведеніями становятся не только желательными, но прямо таки необходимыми. Поэтому неудивительно, что и Некрасовъ, находившійся по отношенію къ Бенедиктову въ положеніи именно такого литературнаго юнца, по всей вѣроятности, неоднократно перечитывалъ его стихотворенія. Кто знаетъ, быть можетъ, ему приходилось еще на школьной скамьѣ выслушивать изъ устъ ярославскихъ педагоговъ восторженные дифирамбы восходящему свѣтилу русской поэзіи. Какъ бы то ни было, въ сборникѣ „Мечты и Звуки" мы встрѣчаемся съ несомнѣнными слѣдами бенедиктовскаго вліянія. Справедливость, однако, требуетъ отмѣтить, что слѣды эти были очень слабыми и сказались лишь на немногихъ отдѣльныхъ стихотвореніяхъ. Такъ, напримѣръ, между стихотвореніями Некрасова „Колизей" и Бенедиктова „Разва-

лины“ можно усмотрѣть нѣкоторое сходство и то не въ отношеніи общности идеи, а только въ проникающемъ самое описаніе настроеніи.

„КОЛИЗЕЙ“ (Некрасова).

Поросшія мхомъ, окаймленныя плющемъ,
Развалины древняго зданья стоятъ,
Ни чѣмъ не напомнятъ онѣ о живущемъ,
О смерти на каждомъ шагу говорятъ.
Невольно сурово глядишь на руину,
И думою сходствуешь съ нею вполнѣ.
Упавшій обломокъ тамъ вырылъ стремнину,
Тамъ сиро колонна приткнулась къ стѣнѣ,
Изрѣзало время морщинами темя,
А вѣтеръ нахалъ ихъ насквозь просверлилъ,
Карнизъ обвалился, какъ лишнее бремя,
Широкія двери буранъ растворилъ.
Изящныя части загадочной грудой
Являются въ цѣломъ смущеннымъ очамъ,
Разрушено все вѣковою причудой.

„РАЗВАЛИНЫ“ (Бенедиктова).

Обломки... Прахъ... Все сумрачно и дико,
Въ кускахъ столбы—изгнанники вы сотъ
Въ разсѣлины пробилась повилика
И, грустная, по мрамору ползетъ,
Тамъ чуть висятъ полунагіе своды;
Здѣсь—дряхлая стоитъ еще стѣна;
И все въ рубцахъ, и все изсѣкли годы
И вывели узоромъ письмена:

Прочли-ль вы ихъ? Здѣсь лѣтопись природы
На зодчествѣ людей продолжена.

Здѣсь время быть художникомъ желало
И, медленно огнемъ и влагой бурь
Согнавъ долой и пурпуръ и лазурь,
Таинственныя краски набросало

И, наступивъ широкою пятой
На мрачныя безмолвныя руины,
Любуется могильной красотой.

. . . . . .

И грудами колоннъ разбитыхъ звенья
Виднѣются подъ желтой пылью тлѣнья
Разбросаны какъ кости мертвеца,
Лишенныя святого погребенья.

Вотъ строфы, о нѣкоторомъ сходствѣ которыхъ возможно говорить. Однако, даютъ ли онѣ достаточно основаній упрекать молодого Некрасова въ подражательности? Не имѣемъ ли мы здѣсь дѣло съ явленіемъ

обычнымъ въ поэтическомъ творчествѣ, когда тождественность представляемой картины производитъ на обоихъ поэтовъ тождественное впечатлѣніе? Такое объясненіе вполнѣ допустимо тѣмъ болѣе, что въ дальнѣйшемъ содержаніи разсматриваемыхъ стихотвореній нѣтъ уже не малѣйшаго сходства.

Стихотвореніе Некрасова „Незабвенная“, на которое Ѳ. Менцовъ указывалъ, какъ на одно изъ отразившихъ вліяніе Бенедиктова, едва ли можетъ быть поставлено рядомъ съ одноименнымъ съ нимъ стихотвореніемъ этого послѣдняго. Въ то время какъ Некрасовъ представляетъ какой то неземной образъ, относительно котораго самъ сомнѣвается, „не мечта ли эта“, Бенедиктовъ рисуетъ вполнѣ опредѣленную личность, отмѣчая такія мелкія подробности какъ „грудь полуразвитая“ и т. д. Если какое либо стихотвореніе „Мечтаній и Звуковъ“ и носитъ на себѣ отпечатокъ бенедиктовской „Незабвенной“, то это, также упоминаемые Менцовымъ, „Дни благословенные“.

ДНИ БЛАГОСЛОВЕННЫЕ

(Некрасовъ).

Дни благословенные, дни многоотрадные
Промелькнувшей радости,
Снова уловляю я памятію жадною
Нектаръ вашей сладости.
Вижу ночь весеннюю, пламень проливаемый
Блѣдною Діаною,
Вновь иду подъ яворы, ласково встрѣчаемый
Юною Свѣтланою.
Вижу вновь красавицу совершенства чуднаго
Счастьемъ упоенную,

НЕЗАБВЕННАЯ

(Бенедиктовъ).

Въ дни когда въ груди моей чувство развивалося
Такъ свѣтло и молодо,
И мечтой согрѣтое сердце не сжималося
Отъ земного холода,
Въ сумракѣ безвѣстности за Невой широкою
. . . . . .
Небомъ сокровенная,
Мнѣ явилась милая, дѣва свѣтлоокая,
Дѣва незабвенная.
Какъ она несла свою тихо и торжественно

Словно изумрудами неба изумруднаго
Блескомъ озаренную.

Слышу величавую музыку пѣвучую
Слова сладкогласнаго,

Упиваюсь весело сладостію жгучею
Поцѣлуя страстнаго.

Мигомъ излечаются раны сердца—вялаго
Нѣтъ тоски и холода,

И опять на мигъ оно, памятью бывалаго
Весело и молодо...

Грудь полу-развитую.

Какъ глубоко принялъ я взоръ ея божественный
Въ душу ей открытую.
На младомъ челѣ ея зрѣлость отпечатана
Надъ очей алмазами,
Какъ ея мысль тихая, словно птенчикъ, спрятана,
Развивалась въ разумѣ,

А потомъ изъ устъ ея, мысль та, оперенная
Рѣчью сладкотрепетной,

Вылетала чудная, въ краски облеченная,
Райской птичкой трепетной... и т. д.
Всюду въ жизни суетной, въ буряхъ испытанія,
Бѣдность обнаружена;
Но, друзья, не бѣденъ я, въ терніяхъ страданія
Свѣтится жемчужина;
И по гранямъ памяти ходитъ перекатная,
Блещетъ многоцѣнная—
Это перлъ души моей—дѣва невозвратная,
Дѣва незабвенная.

Какъ показываютъ наши выписки, изъ бенедиктовскаго стихотворенія Некрасовъ, во 1-хъ, заимствовалъ размѣръ и, во 2-хъ, первый куплетъ для своего послѣдняго. Въ пріемахъ, употребляемыхъ поэтами при описаніи объекта ихъ воспоминаній, также есть кое что общее (изумруды—алмазы; слово сладкогласное, рѣчь сладкотрепетная и т. д.), хотя настроенія не сходятся.

Укажемъ еще на нѣкоторое сходство между стихотвореніемъ Бенедиктова „Природа“ и некрасовскимъ „Истинная Мудрость“.

ИСТИННАЯ МУДРОСТЬ.
(Некрасовъ).

Поэтъ обращается къ мудрецу:

Благовѣть предъ мистицизмомъ
И былъ и есть удѣлъ людей,
На что-жъ преступнымъ скептицизмомъ
Мрачишь ты блескъ души своей.
Зачѣмъ запретныя познанья
Тебѣ, рабу земныхъ оковъ.
Огринь губящій духъ гордыни,
Не льстись надеждой не на мигъ...
и т. д.

ПРИРОДА.
(Бенедиктовъ).

. . . . . .

Зачѣмъ же къ красотѣ безчувственно суровъ,
Ты ищешь тайнъ ея и жаждешь ихъ огласки.
. . . . . .
Смирись предъ ней. Не рви таинственныхъ узловъ
И не срывай съ нея застѣнчивой повязки
Есть сердце у тебя, пади, благоговѣй,
И бойся исказить догадкою своею
Сокрытое во тьмѣ святаго мистицизма.

Здѣсь опять таки нѣтъ прямого подражанія и заимствованія. Некрасовъ только развилъ въ грозную филиппику противъ скептицизма мелькнувшую у Бенедиктова мысль. Съ другой стороны, нельзя забывать, что борьба съ раціоналистической точкой зрѣнія составляетъ настолько замѣтный мотивъ въ „Мечтахъ и Звукахъ", что идея, проникающая стихотвореніе „Истинная Мудрость" могла возникнуть у молодого поэта совершенно самостоятельно, независимо какъ отъ бенедиктовскаго, такъ и какого либо другого вліянія.

Далѣе родственный мотивъ мелькаетъ въ стихотвореніяхъ Некрасова „Красавицѣ" и Бенедиктова „О, не играй". У Некрасова читаемъ:

„Красавица не пой веселыхъ пѣсенъ мнѣ,
Онѣ плѣнительны въ устахъ прекрасной дѣвы,
Но больше я люблю печальные напѣвы".

У Бенедиктова:

„О не играй веселыхъ пѣсенъ мнѣ,
Мой бѣдный слухъ напрасно раздражая!
Мнѣ блескъ ихъ чуждъ; мнѣ живость ихъ чужая;
Не для меня плѣнительны онѣ".

Точка, отъ которой отправляются оба поэта одна и та же, развитіе ихъ мыслей совершенно неодинаково: Некрасовъ разсказываетъ о томъ, *что* ему напоминаютъ грустныя пѣсни, Бенедиктовъ описываетъ содержаніе послѣднихъ и вліяніе ихъ на его душу. Если не считать эротическихъ стихотвореній, не характерныхъ для сборника „Мечты и Звуки", и болѣе или менѣе сходныхъ у поэтовъ всѣхъ странъ и народовъ, то мы исчерпали тѣ немногіе примѣры, въ которыхъ возможно уловить нѣчто общее между стихотвореніями Бенедиктова и Некрасова. Полагаемъ, что намъ нѣтъ надобности особенно распространяться, доказывая незначительность бенедиктовскаго вліянія. Слѣды этого вліянія представляются настолько слабыми, что возникаетъ даже вопросъ—возможно ли говорить вообще о такомъ вліяніи. И дѣйствительно, понимая подъ словомъ вліяніе преемственность идей, общность настроеній, единство руководящихъ мыслей, надо сознаться, что Бенедиктовъ не вліялъ на Некрасова. Будучи менѣе требовательными и относя къ области вліянія заимствованіе единичныхъ мыслей, выраженій, оборотовъ, пріемовъ описанія, наконецъ размѣра придемъ къ заключенію, что поэзія Бенедиктова хотя и въ слабой степени, но все таки нашла свое отраженіе въ отдѣльныхъ стихотвореніяхъ юноши Некрасова.

Переходимъ теперь къ Подолинскому, о вліяніи котораго на молодого автора сборника „Мечты и Звуки" есть упоминаніе въ рецензіи Менцова.

Безспорно, что въ 20 и 30 г.г. прошлаго столѣтія этотъ поэтъ пользовался большой популярностью, былъ до извѣстной степени „моднымъ". Въ подтвержденіе можно привести хотя бы два факта изъ неразработанной и мало кому извѣстной біографіи Подолинскаго. Въ 1830 году произошла его размолвка съ бар. Дельвигомъ, который ревновалъ всякаго молодого поэта къ славѣ своего великаго друга и, усмотрѣвъ въ Подолин-

скомъ возможнаго конкуррента для этого послѣдняго, зло и несправедливо раскритиковалъ его поэму „Нищій“. Нѣсколько позднѣе, въ 1839 г., уже послѣ смерти Пушкина въ одномъ изъ польскихъ журналовъ, въ статьѣ, относительно которой есть данныя предполагать, что она принадлежала перу Мицкевича, Подолинскій разсматривается, какъ непосредственный преемникъ Пушкина. Оба приведенные факта не нуждаются въ особыхъ комментаріяхъ: если ужъ такіе чуткіе цѣнители и знатоки изящной словесности, какъ Дельвигъ и Мицкевичъ, допускали возможность какого либо сопоставленія между слащавыми, въ высшей степени не оригинальными писаніями Подолинскаго и колоссальною поэтическою мощью Пушкина, то современная этимъ поэтамъ русская публика, въ огромномъ большинствѣ своемъ малокультурная и не развитая, естественно могла заблуждаться и превозносить Подолинскаго, съ такою же легкостью, какъ она превозносила Бенедиктова.

И такъ, со стороны популярности Подолинскаго, вліяніе его на Некрасова не представляло бы ничего удивительнаго. Тѣмъ не менѣе мы, съ полной увѣренностью, основываясь на тщательно произведенномъ сравненіи творчества обоихъ поэтовъ, въ противность Менцову, позволяемъ себѣ утверждать, что ни въ одномъ изъ стихотвореній Некрасова не замѣтно вліянія Подолинскаго. Единственное объясненіе словъ рецензента „Журн. Народн. Просвѣщенія“, указавшаго на стихотворенія „Поэзія“, „Ангелъ Смерти“ и „Встрѣча Душъ“, какъ явно отражающія вліяніе Подолинскаго, заключается въ тождественности размѣровъ. Эта тождественность въ произведеніяхъ, блещущихъ глубиною мысли, картинностью образовъ, красотою оборотовъ, нерѣдко теряется: поглощенный содержаніемъ, забываешь о формѣ. И наоборотъ, послѣ прочтенія стиховъ болѣе или менѣе безцвѣтныхъ, а къ такимъ справедливость

требуетъ отнести три, указанныя Менцовымъ, и одноразмѣрныя съ ними поэмы Подолинскаго, вродѣ „Дивъ и Пери“, если что либо и остается въ памяти, то однообразный ритмически звучащій размѣръ. Надо думать, что этотъ психологическій фактъ и ввелъ въ обманъ рецензента.

Покончивъ съ вопросомъ о вліяніи Подолинскаго, обращаемся къ разсмотрѣнію взаимоотношеній сборника „Мечты и Звуки“ и поэтическаго наслѣдія Жуковскаго. Строго говоря, „пѣвецъ Свѣтланы“ былъ единственнымъ поэтомъ, оказавшимъ замѣтное вліяніе на юношескія стихотворенія Некрасова. Разбирая послѣднія со стороны отразившагося въ нихъ міровоззрѣнія автора, мы уже имѣли случай указать, что въ первой ихъ категоріи заключается въ полномъ своемъ объемѣ концепція мистико-религіозныхъ взглядовъ Жуковскаго. Болѣе того мы указывали, что романтизмъ молодого Некрасова слѣдуетъ отнести къ той стадіи въ развитіи этого направленія, которую слѣдовало бы окрестить „романтизмомъ Жуковскаго“. Развивать эти мысли въ болѣе распространенной формѣ было бы работой скучной и непроизводительной, достаточно сравнить хотя бы одинъ изъ основныхъ мотивовъ сборника „Мечты и Звуки“ съ соотвѣтствующими стихотвореніями Жуковскаго, чтобы убѣдиться въ несомнѣнности его вліянія на юношу Некрасова. Возьмемъ, напримѣръ, столь характерное для сборника юношескихъ опытовъ Некрасова воззрѣніе на земную жизнь (см. на стр. 51—53 цитаты изъ стих. „Встрѣча Душъ“, „Изгнанникъ“ и „Незабвенная“). У Жуковскаго этотъ мотивъ разработанъ совершенно однородно. Такъ въ элегіи (1819) „На кончину ея величества королевы Виртембергской“ читаемъ:

„Здѣсь радости—не наше обладанье;
Пролетные плѣнители земли,
Лишь по пути заносятъ къ намъ преданье

О благахъ, намъ обѣщанныхъ вдали;
. . . . . .
Святой символъ надеждъ и утѣшенья!
Мы всѣ стоимъ у таинственныхъ вратъ;
Опущена завѣса Провидѣнья;
Но проникать ее дерзаетъ взглядъ;
За нею скрытъ предѣлъ соединенья;
Изъ-за нея, мы слышимъ, говорятъ:
„Мужайтеся, душою не скорбите;
Съ надеждою и вѣрой приступите!“

Здѣсь, въ сущности, родственно Некрасову не только вѣрованіе въ блаженство за гробомъ, но и вѣра въ Бога, какъ conditio sine qua non его достиженія. Подобный взглядъ на земную жизнь позволялъ Жуковскому въ своемъ знаменитомъ „Теонѣ и Эсхинѣ“ разсматривать земныя печали и потери не по существу, не какъ таковыя, а какъ источникъ будущихъ наградъ.

„И скорбь о прошедшемъ не есть ли, Эсхинъ,
Обѣтъ неизмѣнной надежды,
Что гдѣ то въ знакомой, но тайной странѣ
Погибшее намъ возвратится.
. . . . . .
А этотъ безмолвный, таинственный гробъ...
О другъ мой, онъ вѣрный свидѣтель,
Что лучшее въ жизни еще впереди,
Что вѣрно желанное будетъ“.

Этихъ цитатъ совершенно достаточно, чтобы установить безусловную связь между міровоззрѣніями обоихъ авторовъ. Такая связь, само собой разумѣется, могла возникнуть путемъ вліянія общепризнаннаго, общеизвѣстнаго въ 30 г.г. поэта Жуковскаго, на юношу Некрасова, только что расправлявшаго и то не совсѣмъ удачно свои крылья. Одна цѣнная біографическая подробность даетъ неоспоримое подтвержденіе такого вліянія. Въ минуту мучительныхъ сомнѣній и колебаній, издавать или не издавать свои опыты отдѣльной книгой, происходившихъ естественно, отъ неувѣренности въ степени ихъ поэтической цѣнности,

Некрасовъ идетъ за совѣтомъ къ Жуковскому. Почему же именно къ нему? Да потому, что юный поэтъ считалъ Жуковскаго наиболѣе близкимъ себѣ по духу, потому что онъ видѣлъ въ немъ поэта съ тождественными взглядами на жизнь и назначеніе человѣка. Иного объясненія и быть не можетъ. Конечно, намъ могутъ возразить ссылкой на возможность чисто случайнаго совпаденія обстоятельствъ, вызвавшихъ данный фактъ. Но, вѣдь, подобная ссылка могла бы имѣть значеніе при отсутствіи подходящаго, основаннаго на логикѣ событій, объясненія. А такое объясненіе у насъ есть...

Итакъ, Жуковскій безусловно вліялъ на Некрасова. Значитъ ли это, что послѣдній подражалъ первому? Отнюдь нѣтъ. Прежде всего, несмотря на сродство основныхъ мотивовъ, мы не нашли въ произведеніяхъ Некрасова ни одной строфы, явно заимствованной у Жуковскаго; не оказалось даже и такого сходства въ отдѣльныхъ стихотвореніяхъ, какое можно было установить по отношенію къ Бенедиктову. Это во первыхъ. А во вторыхъ, никоимъ образомъ нельзя забывать, что вліяніе Жуковскаго оказывало на Некрасова свое дѣйствіе только въ тѣ минуты, когда онъ былъ свободенъ отъ душевной борьбы съ „нечистымъ сомнѣніемъ", которую, какъ мы видѣли, ему приходилось вести все чаще и чаще. Если бы Некрасовъ подражалъ Жуковскому, то подраженіе, съ одной стороны, несомнѣнно сказалось бы въ сходствѣ отдѣльныхъ стихотвореній и съ другой было бы постояннымъ, ибо подражаніе такого рода, которое проявляется сегодня и исчезаетъ завтра, вообразить довольно трудно.

Намъ предстоитъ еще разсмотрѣть сложный вопросъ о томъ:—вліялъ ли на Некрасова кто-нибудь кромѣ Жуковскаго? Чтобы рѣшить его, казалось самымъ правильнымъ пріемомъ было бы тщательное ознакомленіе со всей поэтической литературной первой половины

XIX вѣка. Такая работа само собой разумѣется потребовала бы массу труда и времени. Думается, однако, что въ ней нѣтъ особой необходимости, ибо, разсмотрѣвъ указаніе рецензентовъ о вліяніи того или другого поэта на автора книги „Мечты и Звуки“, рецензентовъ, современныхъ сборнику и не утерявшимъ, подобно намъ, живой связи съ литературными теченіями того времени, и не упуская изъ виду вопроса о воздѣйствіи на молодого Некрасова корифеевъ русской поэзіи Пушкина и Лермонтова,—мы рѣшимъ нашу задачу, если и не исчерпывающимъ образомъ, то во всякомъ случаѣ съ полнотою, совершенно достаточною. Разумѣется, быть можетъ, кому нибудь и удастся, по всей вѣроятности, совершенно случайно подмѣтить сходную черту между юношескимъ творчествомъ Некрасова и произведеніями какого либо другого поэта его времени. Однако, мы беремъ на себя смѣлость утверждать, что это будетъ единичная черточка, основываясь на которой невозможно будетъ ни доказать подражительности автора сборника „Мечты и Звуки“, ни опровергнуть конечные выводы нашего очерка. Незначительность литературныхъ воздѣйствій на юношу Некрасова такихъ колоссовъ русской поэзіи, какъ Пушкинъ и Лермонтовъ—служитъ тому лишнимъ подтвержденіемъ. Ужъ если они не оставили ясныхъ слѣдовъ въ творчествѣ юнаго начинающаго поэта, то странно было бы ожидать такихъ слѣдовъ со стороны другого какого либо автора. А что Пушкинъ и Лермонтовъ не оказали особаго вліянія на юношеское творчество Некрасова, то это несомнѣнно. Что касается перваго, то, строго говоря, сравнивать со стороны внутренняго сходства возможно только одно его стихотвореніе „Демонъ“ со стихотвореніемъ Некрасова „Злой Духъ“.

ДЕМОНЪ (Пушкинъ).

Въ тѣ дни, когда мнѣ были новы
Всѣ впечатлѣнья бытія....
. . . . . .
Тогда какой то злобный геній
Сталъ тайно навѣщать меня.
Печальны были наши встрѣчи:
Его улыбка чудный взглядъ,
Его язвительныя рѣчи
Вливали въ душу хладный ядъ.
Неистощимой клеветою
Онъ провидѣнье искушалъ;
Онъ звалъ прекрасное мечтою,
Онъ вдохновенье презиралъ;
Не вѣрилъ онъ любви, свободѣ,
На жизнь насмѣшливо глядѣлъ—
И ничего во всей природѣ
Благословить онъ не хотѣлъ.

ЗЛОЙ ДУХЪ (Некрасовъ).

Демонъ... вьется, въ часъ паденья
Надъ главой во тьмѣ ночей,
И вливаетъ ядъ волненья
Въ сердце холодомъ рѣчей.
Чудны страшны эти рѣчи!
Часто имъ внимаетъ умъ,
И отъ каждой новой встрѣчи
Больше въ сердцѣ мрачныхъ думъ,
Духъ коварный искушенья
Ими душу окружитъ,
И мятежное сомнѣнье
Въ чистомъ сердцѣ поселитъ.
Все что юношу плѣняло
Дивнымъ блескомъ красоты,
Что невольно увлекало
Въ область мысли и мечты
— Осмѣетъ онъ, и подъ маской
Долгой опытности свѣтъ—
Безобразя черной краской
Зла страданья, горя, бѣдъ—
Назоветъ темницей душной.

Въ сущности, здѣсь вѣдь полная аналогія: Пушкинскій демонъ своими язвительными рѣчами вливаетъ въ душу поэта хладный ядъ; Некрасовскій—поселяетъ въ сердцѣ мрачныя думы; Пушкинскій искушаетъ провидѣнье; Некрасовскій внушаетъ мрачное сомнѣнье; Пушкинскій зоветъ прекрасное—мечтою и презираетъ вдохновенье; Некрасовскій осмѣиваетъ все то, что, плѣняя своей красотой, увлекало поэта въ область мысли и мечты; наконецъ Пушкинскій демонъ не вѣритъ священнѣйшимъ земнымъ идеаламъ—любви, свободѣ и ничего не желаетъ благословить; Некрасовскій же злой духъ называетъ свѣтъ душною тюрьмой, представляя его юдолью зла и страданья. Отрицать Пушкинское вліяніе въ этомъ стихотвореніи положительно невозможно, но съ другой стороны столь часто, повторяющійся въ „Мечтахъ и Звукахъ“ мотивъ борьбы романтическихъ настроеній со скептицизмомъ, считать

вслѣдствіе этого наноснымъ, возникшимъ путемъ подражанія нѣтъ ни малѣйшаго основанія.

Далѣе можно указать на нѣкоторое хотя и отдаленное сходство пушкинскихъ строфъ изъ стихотв. „Кавказъ“ и „Кавказскій плѣнникъ“ съ Некрасовскимъ стихотвореніемъ „Горы“.

ПУШКИНЪ.	НЕКРАСОВЪ.
„Кавказъ предо мною одинъ въ вышинѣ	Передо мной Кавказъ суровый,
Стою неподвижно у края стремины.	Его дремучія лѣса,
. . . . .	И цѣпи горъ бѣлоголовой
„Вперялъ свой неподвижный взоръ	Угрюмо дикая краса.
На отдаленныя громады	Мой другъ, о сей странѣ чудесной
Сѣдыхъ, румяныхъ, синихъ горъ.	Ты только слышалъ отъ молвы,
Великолѣпныя картины!	Ты не видалъ въ коронѣ звѣздной
Престолы вѣчные снѣговъ,	Эльбруса грозной головы.
Очамъ казались ихъ вершины	Вотъ онъ. Взгляни, его вершина
Недвижной цѣпью облаковъ	Одѣта глыбами снѣговъ,
И въ ихъ кругу колоссъ двуглавый,	Вокругъ сѣдого исполина
Въ вѣнцѣ блистая ледяномъ,	Стоятъ ряды его сыновъ.
Эльбрусъ огромный, величавый	Великолѣпныя творенья!
Бѣлѣлъ на небѣ голубомъ.	Блистая гордой красотой,
	Они вселенной украшенье и т. д.

Кромѣ того въ стихотвореніи „Моя судьба“ Некрасовъ употребилъ пушкинскія выраженія (см. стихот. „Поэту“) „судъ глупца“ и „хохотъ черни дикой“.

Отсутствіе Пушкинскаго вліянія въ другихъ стихотвореніяхъ указываетъ на ограниченность его вообще. Этотъ фактъ на первый взглядъ представляется нѣсколько страннымъ: какъ то не вяжется съ тѣмъ представленіемъ, которое мы имѣемъ о Пушкинѣ, что онъ-то не повліялъ на юношеское творчество Некрасова, а Жуковскій повліялъ. Однако, въ распоряженіи изслѣдователя имѣется довольно удовлетворительное объясненіе этой кажущейся несообразности. Съ Жуковскимъ Некрасовъ познакомился еще въ деревнѣ (см. стих. „Судъ“), на это имѣются прямыя указанія въ его поэзіи, а въ Ярославлѣ, въ бытность свою въ гимназіи,

по всей вѣроятности, углубилъ это знакомство. О Пушкинѣ же, разумѣется, онъ и не слыхивалъ въ отцовскомъ домѣ, глава котораго никогда не обнаруживалъ любви къ литературѣ, а въ гимназіи, если и узналъ его (что вообще сомнительно), то въ отрывкахъ и отдѣльныхъ произведеніяхъ.

При такихъ условіяхъ не удивительно, что вліяніе Жуковскаго во много разъ превзошло Пушкинское. Быть можетъ нѣкоторымъ препятствіемъ для усиленія послѣдняго въ Петербургѣ послужило то обстоятельство, что, пріѣхавъ въ столицу, молодой Некрасовъ подпалъ подъ обаяніе всходившаго новаго литературнаго свѣтила, при томъ такого, какимъ былъ Лермонтовъ.

Лермонтовское вліяніе, надо думать, было нѣсколько значительнѣе, главнымъ образомъ потому, что его приходится ставить въ связь съ тѣмъ переходнымъ моментомъ въ міровоззрѣніи Некрасова, когда скептицизмъ и рефлексія начали перевѣшивать мистико-религіозныя идеи. По крайней мѣрѣ знаменитая „Дума“ несомнѣнно отразилась на стихотвореніи Некрасова „Жизнь“. Нижеслѣдующее сравненіе наглядно покажетъ намъ, что мотивы недовольства жизнью у обоихъ авторовъ одни и тѣ же.

Первыя строфы Некрасовскаго стихотворенія нѣсколько не соотвѣтствуютъ общему настроенію „Думы“. Дѣло въ томъ, что авторъ сборника „Мечты и Звуки“ свою филиппику противъ современнаго человѣчества начинаетъ съ мотива религіознаго, отсутствующаго у Лермонтова. Указывая, что творецъ, создавшій изъ праха живыя существа, готовилъ ихъ къ высокому предназначенью, Некрасовъ говоритъ, что „не достойны мы подобья божества“, такъ какъ сдѣлали жизнь „изъ тихой вечери молитвъ и вдохновеній разгульной оргіей“, почему насъ и слѣдуетъ признать „поклонниками грѣха, но не рабами Христовыми“. У Лермонтова, повторяемъ, религіозный мотивъ отсутствуетъ. Однако, съ послѣдую-

щихъ строфъ начинается разительное сходство. „Раскрыла ты для насъ—продолжаетъ Некрасовъ, обращаясь къ жизни—всѣ таинства искусства, мы можемъ создавать, творцами можемъ быть;

Довольно налила ты въ груди наши чувства,
Чтобъ дѣлать доброе, трудиться и любить!
Но чуждо насъ добро, искусство намъ не новы,
Не сдѣлавъ ничего спѣшимъ мы отдохнуть
Мы любимъ лишь себя, намъ дружество оковы,
И только для страстей открыта наша грудь.

У Лермонтова въ полномъ соотвѣтствіи читаемъ:

„Мечты поэзіи, созданія искусства
Восторгомъ сладостнымъ нашъ умъ не шевелятъ;
Мы жадно бережемъ въ груди остатокъ чувства
Зарытый скупостью и безполезный кладъ.
И ненавидимъ мы, и любимъ мы случайно
Ничѣмъ не жертвуя ни злобѣ, ни любви.

Далѣе у Некрасова развивается мысль о вредѣ страстей, рождающихъ „губительный порокъ“, бездѣйственную лѣнь“.

И послѣ буйнаго минутнаго безумья,
И чистый жаръ души и совѣсть погубя
Мы, съ тайнымъ холодомъ невѣрья и раздумья,
Проклятью предаемъ тебя.

У Лермонтова тотъ-же мотивъ:

И жизнь ужъ насъ томитъ, какъ ровный путь безъ цѣли,
Какъ пиръ на праздникѣ чужомъ.
Къ добру и злу постыдно-ревнодушны
Въ началѣ поприща мы вянемъ безъ борьбы...
И царствуетъ какой-то холодъ тайный
Когда огонь кипитъ въ крови.

Далѣе Лермонтовъ говоритъ о значеніи современнаго поколѣнія для потомства, затрагивая отчасти вопросъ о возмездіи:

„И прахъ нашъ, съ строгостью судьи и гражданина,
Потомокъ оскорбитъ презрительнымъ стихомъ.

Здѣсь, между прочимъ, сказывается разница въ міровоззрѣніяхъ обоихъ поэтовъ, такъ какъ Некрасовъ ждетъ кары отъ неба.

Еще насъ небо не карало:
Оно достойную приготовляетъ месть.

Этимъ однимъ случаемъ и исчерпывается сходство произведеній молодого Некрасова со стихотвореніями М. Ю. Лермонтова. Однако, вліяніе послѣдняго продолжалось, повидимому, и впослѣдствіи, такъ какъ въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ стихотвореніяхъ музы мести и печали мы раза два-три встрѣчаемся съ его слѣдами.

Установивъ отсутствіе подражательности въ юношескихъ стихотвореніяхъ Некрасова, мы покончили съ прямымъ доказательствомъ непосредственности и самостоятельности его первыхъ поэтическихъ опытовъ и вытекающей изъ нихъ безусловной искренности міросозерцанія, отразившагося въ „Мечтахъ и Звукахъ“.

Теперь намъ предстоитъ перейти къ доказательству косвенному, цѣль котораго—выяснить путемъ біографическихъ данныхъ, что въ эпоху изданія сборника и созданія составляющихъ его стихотвореній для міросозерцанія молодого поэта было вполнѣ естественно, если не сказать, необходимо, быть именно такимъ, какимъ мы его охарактеризовали. Для достиженія указанной цѣли намъ придется болѣе или менѣе подробно остановиться на жизненныхъ обстоятельствахъ и обстановкѣ молодого поэта со времени его рожденія до выхода въ свѣтъ книжки „Мечты и Звуки“, т. е. съ 1821 по 1840 годъ.

Самое общее и шаблонное жизнеописаніе подскажетъ намъ, что біографію Некрасова въ теченіе этого времени удобнѣе всего разсматривать по тремъ періодамъ, раздѣляющимся между собой перемѣнами мѣстожительства. Къ первому періоду относится пребываніе

Некрасова въ деревнѣ (приблизительно съ 1821—1832 г.), ко второму—пребываніе въ Ярославской гимназіи (1832—1838 г.г.), къ третьему, котораго намъ придется коснуться лишь отчасти,—пребываніе поэта въ С.-Петербургѣ, между 1838 г. и 1840 г.

Что касается перваго періода, то наиболѣе сильнымъ вліяніямъ, оказавшимъ въ теченіе него свое воздѣйствіе на психику ребенка, было вліяніе матери.

Въ русской критикѣ, вообще говоря, не слишкомъ много занимавшейся біографіей Некрасова, вопросъ этотъ достаточно разработанъ и освѣщенъ. Въ самомъ дѣлѣ, не говоря уже о критическихъ статьяхъ 70-хъ, 80 и 90 г.г., одна литература послѣдняго юбилея даетъ въ этомъ отношеніи весьма богатый матеріалъ. Авторы всѣхъ болѣе или менѣе серьезныхъ изслѣдованій о Некрасовѣ, во многомъ не соглашаясь другъ съ другомъ, неизмѣнно констатируютъ фактъ такого вліянія. По мнѣнію г. Гриневича („Русское Богатство" 1902 г. № 11, 12), не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что первыя сѣмена любви къ народу и первая искра любви къ поэзіи были заронены въ душу Некрасова его матерью. Г-нъ Кранихфельдъ („Міръ Божій" 1902, № 12), съ своей стороны замѣчаетъ, что вліяніе ея на сына было тѣмъболѣе громаднымъ, что пріемы ея непосредственнаго педагогическаго воздѣйствія на дѣтей тутъ же находили живое подтвержденіе во всемъ поведеніи ея высокой одухотворенной личности.

То-же признаетъ и г-нъ Ашешовъ („Образованіе" 1902, № 12), утверждая, что мать была для Некрасова богомъ всей его жизни, котораго онъ носилъ въ своемъ сердцѣ до могилы. М. Филипповъ въ свою очередь („Научное Обозрѣніе" 1903 г. №№ 1, 2) называетъ мать Некрасова не только его единственнымъ другомъ и ангеломъ хранителемъ, но и представительницей высшей культуры и идеальнаго начала.

Можно было бы привести еще нѣсколько подобныхъ

примѣровъ, подтверждающихъ, что критика нашего времени согласна въ признаніи материнскаго вліянія, какъ факта въ значительной степени, опредѣлившаго послѣдующую судьбу „музы мести и печали“; думается, однако, что въ этомъ нѣтъ никакой необходимости, ибо доказывать это—значило бы открывать давно открытыя Америки.

Несравненно интереснѣе и поучительнѣе будетъ остановиться на вопросѣ, какъ самъ Некрасовъ опредѣляетъ это вліяніе, въ чемъ онъ усматриваетъ его непосредственные слѣды и результаты.

Два біографическіе факта разъяснятъ намъ, почему именно рѣшеніе этого вопроса представляется настолько важнымъ и существеннымъ. Въ 1845 году Достоевскій (см. „Дневникъ писателя“) имѣлъ бесѣду съ Некрасовымъ, въ которой послѣдній разъ навсегда обрисовался передъ нимъ „самой существенной и самой затаенной стороной своего духа“. „Онъ говорилъ мнѣ тогда—разсказываетъ Достоевскій—со слезами о своемъ дѣтствѣ, о безобразной жизни, которая измучила его въ родительскомъ домѣ, о своей матери, и та сила умиленія, съ которой вспоминалъ о ней, рождали и тогда предчувствіе, что если будетъ что нибудь святое въ его жизни, но такое, что могло бы спасти его, и послужить ему маякомъ, путевой звѣздой даже въ самыя темныя и роковыя мгновенія судьбы его, то ужъ конечно лишь одно это первоначальное дѣтское впечатлѣніе дѣтскихъ слезъ, дѣтскихъ рыданій вмѣстѣ обнявшись, гдѣ-нибудь украдкой, чтобы не видали (какъ разсказывалъ онъ мнѣ) съ мученицею матерью, съ существомъ столь любившимъ его“.

Черезъ 32 года къ умирающему Некрасову пришелъ одинъ изъ близкихъ къ нему людей П. Гайдебуровъ. Поэтъ захотѣлъ прочесть ему свое новое стихотвореніе „Мать“, но чтенію счелъ нужнымъ предпослать разсказъ о жизни своей матери. „Разсказывая—

пишетъ Гайдебуровъ—онъ вспоминалъ о матери съ такой любовью, съ такой трогательной нѣжностью, онъ приписывалъ ей такое громадное вліяніе на всю свою жизнь и рисовалъ ея образъ въ такомъ поэтическомъ ореолѣ, что для меня вполнѣ стала понятна восторженность, съ какою онъ вспоминалъ о матери въ прежнихъ своихъ стихотвореніяхъ... Но вотъ онъ кончилъ и началъ читать стихотвореніе. Голосъ Некрасова всегда былъ нѣсколько глухой, и потому его пѣвучее чтеніе всегда дѣйствовало на меня какъ-то особенно. Но теперь, когда онъ былъ полутрупъ, этотъ голосъ звучалъ совсѣмъ замогильной нотой—и жутко отъ него становилось... Некрасовъ остановился и перевелъ духъ... Видимо его самого подавлялъ этотъ образъ, который онъ вызывалъ изъ-за могилы. Видимо, онъ слышалъ на себѣ его дыханіе, чувствовалъ прикосновеніе его любящихъ устъ".

И такъ, молодымъ двадцати-четырехлѣтнимъ юношей и умирающимъ пятидесяти-шестилѣтнимъ старикомъ Некрасовъ одинаково боготворилъ свою мать. Это что-нибудь да значитъ! И прежде всего то, что изучать материнское вліяніе на Некрасова слѣдуетъ путемъ анализа его собственныхъ стихотвореній. Только одинъ онъ въ состояніи разъяснить,—чѣмъ заслужила его мать такую чрезмѣрную, пожалуй, даже исключительную привязанность.

Первое упоминаніе о матери мы встрѣчаемъ въ стихотвореніи „Родина", написанномъ въ 1846 г. Здѣсь она рисуется „безгласной страдалицей", отданной „угрюмому невѣждѣ" и несшей свой крестъ „въ молчаніи рабы". Однако, упоминаній о ея вліяніи на сына не имѣется. Нѣтъ ихъ и въ первой части „Несчастныхъ" (1856), гдѣ поэтъ снова говоритъ о матери въ томъ же тонѣ, сравнивая ее со сказочной феей, вянущей въ замкѣ колдуна и тщетно ожидающей избавленія отъ благороднаго витязя. Это чисто романтическое срав

неніе уже имѣетъ для насъ нѣкоторый интересъ, такъ какъ оно по всей вѣроятности развилось на почвѣ воспоминаній и отзвуковъ романтическаго настроенія, привитаго поэту его матерью.

Далѣе Некрасовъ вспоминаетъ о ней въ знаменитомъ „Рыцарѣ на часъ". Мы не будемъ цитировать общеизвѣстныхъ строфъ, рисующихъ идеальный мечтательный образъ русокудрой красавицы, напомнимъ только, что мать въ этомъ стихотвореніи является для поэта высшимъ нравственнымъ авторитетомъ.

Мнѣ не страшны друзей сожалѣнія,
Не обидно враговъ торжество,—
Изреки только слово прощенія
Ты, чистѣйшей любви божество.

Несравненно болѣе богатый матеріалъ для выясненія того вліянія, которое имѣла на Некрасова его мать, находимъ въ поэмѣ того-же имени, написанной поэтомъ незадолго до смерти. Здѣсь, помимо чрезвычайно интересныхъ біографическихъ свѣдѣній объ отношеніи родныхъ Елены Андреевны Закревской къ ея побѣгу изъ родительскаго дома съ Алексѣемъ Сергѣевичемъ Некрасовымъ, характеризуется ея духовный обликъ. Она, оказывается, привезла съ собою „издалека" не мало книгъ, читала ихъ со вниманіемъ и интересомъ, о чемъ свидѣтельствуютъ случайныя замѣтки на поляхъ, въ которыхъ „жилъ пытливый умъ, вникающій глубоко". Къ своему сыну она относилась съ тихой нѣжностью и беззавѣтной любовью. Въ зимніе долгіе вечера она часто сиживала съ нимъ у догоравшаго огня и, лаская его „блѣдной рукой", голосомъ, „исполненнымъ мелодіи и ласки" разсказывала ему фантастическія сказки „о рыцаряхъ, монахахъ, короляхъ". Потомъ, когда мальчикъ подросъ и научился читать, давала ему свои книги, тѣ самыя изъ которыхъ черпала сюжеты для своихъ разсказовъ. Это были сочи-

ненія Данте, Шекспира и, по всей вѣроятности, Жуковскаго. Что касается послѣдняго, то изъ поэмы „Судъ“ мы даже узнаемъ, какое его произведеніе произвело на мальчика наиболѣе сильное впечатлѣніе.

Когда я отрокомъ блуждалъ
По тихимъ волжскимъ берегамъ,
„Судъ въ подземельѣ“ я читалъ,
Жуковскаго поэму,—тамъ
Что стихъ, то ужасъ: темный сводъ,
Грозя обрушиться, гнететъ,
Визжа, заржавленная дверь
Поетъ: „Не вырвешься теперь“.
И рядъ угрюмыхъ клобуковъ
При блѣдномъ свѣтѣ ночниковъ,
Кивая, вторитъ ей въ отвѣтъ:
„Преступнику спасенья нѣтъ“.
Потомъ, я помню цѣлый годъ
Во снѣ я видѣлъ этотъ сводъ,
Монаховъ, стражей, палачей“.

Такимъ образомъ, какъ можно видѣть изъ вышеизложеннаго, романтическое настроеніе было заложено въ душу юнаго Некрасова и самымъ страдальческимъ, поэтическимъ образомъ матери и ея разсказами и тѣми книгами, которыя она давала ему читать. Здѣсь же слѣдуетъ отмѣтить, что въ этомъ отношеніи не малое вліяніе на душу ребенка должно было оказать постоянное общеніе его съ деревенскими мальчиками, упоминанія о которомъ мы встрѣчаемъ и въ стихотвореніяхъ Некрасова и въ разсказахъ крѣпостныхъ его родителей. Всякій бывавшій въ русской деревнѣ согласится, что въ душѣ у весьма многихъ крестьянъ таится неизсякаемый источникъ мистицизма. Это доказываетъ прежде всего глубокая религіозность значительной части деревенскаго люда, склонность ея къ подвижничеству, наконецъ такія явленія, какъ расколъ и т. д. Констатированъ фактъ, что мистико-идеалистическія потребности простого русскаго человѣка, въ продолженіе очень долгаго времени, удовлетворялись разсказами многочислен-

ныхъ странниковъ, юродивыхъ, сборщиковъ, подобныхъ знаменитому Власу, которые „ходятъ въ зимушку студеную, ходятъ въ лѣтніе жары, вызывая Русь крещеную на посильные дары“. А разъ Некрасовъ, въ юности близко стоялъ къ народу, то вполнѣ естественнымъ является фактъ вліянія на него народнаго мистицизма и его носителей.

Въ стихотвореніи „Крестьянскія дѣти“ мы встрѣчаемъ не только указаніе на это, но и намекъ на нѣкоторыя, особо благопріятствующія такому вліянію обстоятельства. Дѣло въ томъ, что черезъ вотчину Некрасовыхъ проходила большая дорога, по которой между прочимъ шли богомольцы въ близъ лежащій монастырь (Бабаевскій).

„Подъ наши густые, старинные вязы
На отдыхъ тянуло усталыхъ людей.
Ребята обступятъ: начнутся разсказы
Про Кіевъ, про турку, про чудныхъ звѣрей...
Случалось тутъ цѣлые дни пролетали,
Что новый прохожій, то новый разсказъ...

Кромѣ романтизма, Елена Андреевна несомнѣнно пробудила въ своемъ первенцѣ идеальные, альтруистическіе порывы. Въ этомъ отношеніи первенствующее значеніе имѣлъ ея собственный примѣръ. Въ тысячахъ дѣлъ, „неуловимыхъ глазомъ“, она старалась облегчать судьбу своихъ крѣпостныхъ. Хотя она, разумѣется, и „не могла свободы дать рабу“, но ея стараніями были положены границы зла для тѣхъ, „чей идеалъ— убавленное горе“. Эта не фантазія и не поэтическая вольность поэта: разсказы крестьянъ, интервьюированныхъ сотрудниками „Сѣвернаго Края“, сдѣлали эту характеристику Некрасова несомнѣннымъ фактомъ. Вотъ, что, напр. припомнилъ о матери Некрасова Грешневскій крестьянинъ Эрастъ Максимовичъ Торчинъ (83 лѣтъ): „бѣленькая, необыкновенно добрая, умная, тихая барыня была. Многихъ она избавляла отъ по-

боевъ—просила мужа за всѣхъ и, иногда вызывая этимъ гнѣвъ его, сама страдала". Почти столѣтная крестьянка дер. Кощевки—Ѳеоктиста Сорокина, съ своей стороны, не мало интереснаго разсказала про Елену Андреевну: барыня—говорила она—„на работы въ поле никогда не ходила, а когда во дворъ, садъ или домъ приходили работать, то слѣдила, чтобы больныя женщины не работали и вообще не брали непосильныхъ работъ и не поднимали тяжестей. Всѣ женщины, когда не было дома барина, шли за совѣтами, лѣкарствомъ къ барынѣ, и она съ каждой поговоритъ, распроситъ, какъ живетъ, о дѣтяхъ, о мужѣ, помогала совѣтомъ и давала, что могла". Такимъ образомъ, какъ по воспоминаніямъ сына-поэта, такъ и по безхитростнымъ отзывамъ простыхъ крестьянъ, образъ Елены Андреевны встаетъ передъ нами въ крайне привлекательномъ свѣтѣ. Принимая въ соображеніе ту восторженную, благоговѣйную любовь, которую питалъ къ своей матери Некрасовъ, можно съ полной увѣренностью утверждать, что въ его юной душѣ глубоко запечатлѣлись не только ея разсказы и ласки, но вообще всѣ ея поступки и не относящіеся прямо къ семьѣ. А если это такъ, то вліяніе матери объясняетъ намъ не только мистико-романтическое, но, по временамъ, и глубоко идеалистическое и даже альтруистическое настроеніе [1]) юной музы будущаго „печальника горя народнаго".

Итакъ, часть нашей задачи исполнена: мы показали, что романтическіе и идеалистическіе мотивы въ „Мечтахъ и Звукахъ", а слѣдовательно и соотвѣтственные элементы въ міровоззрѣніи юнаго поэта съ достаточной ясностью вытекаютъ изъ материнскаго вліянія. Теперь намъ предстоитъ объяснить происхожденіе мотивовъ

---

[1]) Напоминаемъ стихотвореніе „Тотъ не поэтъ". Тамъ встрѣчаются напр. такія строфы

„Кто у одра страдающаго брата
не пролилъ слезъ, въ комъ состраданья нѣтъ"—тотъ не поэтъ.

пессимистическихъ, а также и тѣхъ, въ которыхъ сказалась борьба романтическихъ идей со скептицизмомъ и рефлексіей. Для достиженія этой цѣли придется идти тѣмъ же путемъ: если въ первомъ случаѣ романтизмъ юного Некрасова намъ удалось поставить въ связь съ материнскимъ вліяніемъ, то во второмъ его скептическій пессимизмъ надо будетъ вывести изъ какихъ-либо другихъ воздѣйствій. Изъ какихъ же именно? Прежде всего изъ отцовскаго вліянія, которое здѣсь слѣдуетъ понимать не столько, какъ вліяніе отдѣльной личности, а главнымъ образомъ, какъ вліяніе представителя крѣпостнаго режима, отразившаго въ большей или меньшей степени всѣ темныя стороны его. Дѣйствительно, судя по новѣйшимъ даннымъ, опубликованнымъ въ юбилейные дни, Алексѣй Сергѣевичъ Некрасовъ являлся типичнымъ помѣщикомъ дореформеннаго времени. Картежникъ и „сорви голова“ въ молодости, по выраженію своего сына Ѳеодора Алексѣевича (см. „Сѣверный Край“) подъ старость онъ засѣлъ въ деревню, гдѣ увлекался псовой охотой, скопидомничалъ съ крѣпостными, безпощадно сѣкъ строптивыхъ „рабовъ“ и тиранилъ жену (см. воспоминанія крѣпостныхъ въ „Сѣв. Краѣ“). Словомъ, впечатлѣніе то же, которое мы выносимъ изъ чтенія некрасовскихъ стихотвореній, вродѣ „Родины“, „Псовая Охота“, „Несчастные“, „Мать“ и т. д. Что касается отношенія его къ дѣтямъ, то оно надо думать заставляло желать многаго. Начать съ того, что Алексѣй Сергѣевичъ, противъ желанія Елены Андреевны, запрещалъ дѣтямъ играть съ крестьянскими ребятишками, далѣе, вѣроятно, подъ пьяную руку ему нерѣдко случалось гоняться съ угрозами за своими „травленными волчатами“ (см. стих. „Несчастные“), наконецъ, его отношенія къ матери, къ крѣпостнымъ, безспорно, дѣйствовали на дѣтей угнетающимъ и деморализирующимъ образомъ. Вышеизложенное возможно было бы развить, иллюстрировать цитатами

и изъ стихотвореній Некрасова и изъ соотвѣтствующихъ біографическихъ матеріаловъ, но, думается, въ этомъ нѣтъ особой надобности. Вѣдь и сказанное нами въ достаточной степени уясняетъ, какой рѣзкій диссонансъ въ романтическомъ, воспитанномъ на фантастическихъ образахъ Данте, Шекспира и Жуковскаго, настроеніи ребенка должна была породить личность его отца, тѣмъ болѣе, что въ силу вопіющей несправедливости судьбы не ласковая любящая мать, а

„Только тотъ одинъ, кто всѣхъ собой давилъ,
Свободно и дышалъ и властвовалъ и жилъ".

Быть можетъ этотъ диссонансъ звучалъ бы несравненно слабѣе въ другой средѣ, въ другой обстановкѣ, но при крѣпостномъ семейномъ и домашнемъ режимѣ онъ гремѣлъ для дѣтскаго слуха, какъ труба архангела, и непрестанно изо-дня въ день давалъ себя чувствовать. Въ результатѣ вліяніе отца и всего связаннаго съ его личностью жизненнаго уклада отражалось на мальчикѣ очень и очень неблагопріятно. Самъ Некрасовъ откровенно сознавался въ этомъ впослѣдствіи. „На душу мою—говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній—той жизни безобразной ложились грубыя черты,

И прежде, чѣмъ понять разсудкомъ неразвитымъ,
Ребенокъ, могъ я что нибудь,
Проникъ уже порокъ дыханьемъ ядовитымъ
Въ мою младенческую грудь".

Въ другомъ стихотвореніи, вспоминая свою родину, поэтъ восклицаетъ:

„И вотъ они опять, знакомыя мѣста...
Гдѣ научился я терпѣть и ненавидѣть,
Но, ненависть въ душѣ постыдно притая,
Гдѣ иногда бывалъ помѣщикомъ и я;
Гдѣ отъ души моей, довременно-растлѣнной,
Такъ рано отлетѣлъ покой благословенный и т. д.

Такія послѣдствія могло имѣть вліяніе, уже совер-

шенно противоположное материнскому, вліяніе матеріальныхъ, грубыхъ, эгоистическихъ, низводящихъ съ небесъ на землю факторовъ. Антитеза этихъ двухъ вліяній дала поводъ г-ну Кранихфельду провести довольно любопытную аналогію. Извѣстно, что Глѣбъ Успенскій въ минуты душевнаго разстройства, чувствуя раздвоеніе собственнаго я, противополагалъ „Глѣбу“, наслѣдовавшему отъ матери лучшія свои стороны, „Ивановича“, заимствовавшаго отъ отца все дурное. То же раздвоеніе личности, говоритъ критикъ, наблюдаемъ и въ Некрасовѣ. „Сынъ своей матери Николай Некрасовъ, одушевленный пламеннымъ и искреннимъ желаніемъ, „наполнить жизнь борьбою за идеалъ добра и красоты“, долженъ былъ тратить массу энергіи и силъ, чтобы оградить созданный имъ міръ идеала отъ вторженія въ него Николая Алексѣевича, сына своего отца, придававшаго несоотвѣтственную цѣнность земнымъ благамъ“. Надо думать, однако, что въ теченіе деревенской жизни будущаго поэта, отцовское вліяніе въ значительной степени сглаживалось и парализовалось материнскимъ. Нѣтъ не малѣйшаго сомнѣнія, что отецъ представлялся Некрасову, даже въ очень юные годы, величиной чисто отрицательной. „Къ отцу—говоритъ г-нъ Филипповъ на страницахъ „Научнаго Образованія“—онъ до конца жизни относился не иначе, какъ со злобою, какъ къ палачу, загубившему жизнь матери. Ни одного слова прощенія или даже оправданія по отношенію къ отцу нельзя найти во всей поэзіи Некрасова“. Мать же, совершенно наоборотъ, съ дѣтства служила для поэта предметомъ благоговѣйнаго почитанія, высшимъ нравственнымъ авторитетомъ. При такихъ условіяхъ неудивительно, что покуда сынъ жилъ съ нею, она своею нѣжной лаской, своею проникающей въ душу тихой рѣчью не давала вліянію отца и среды проявиться болѣе или менѣе осязательно. Болѣе того, когда рѣчь заходила о дѣтяхъ, она кроткая и смиренная преображалась, она

умѣла грудью защищать ихъ (см. „Рыцарь на Часъ“) и защищать побѣдоносно.

„Твой властелинъ—читаемъ въ стих. „Мать“—
наслѣдственные нравы
То покидалъ, то бурно проявлялъ;
Но если онъ въ безумныя забавы,
Въ недобрый часъ, дѣтей не посвящалъ...
На стражѣ ты надъ нимъ стояла годы“...

И далѣе . . . . . „О мать моя
Во мнѣ спасла живую душу ты!“

Однако, материнскимъ и отцовскимъ вліяніями повидимому, не ограничивались тѣ воздѣйствія, которымъ подвергалась душа юнаго Некрасова въ деревнѣ. Ему постоянно приходилось сталкиваться со зрѣлищемъ народныхъ страданій: сегодня онъ встрѣчаетъ на берегу Волги бурлака въ лохмотьяхъ, съ изможденнымъ лицомъ, съ укоризненнымъ безнадежнымъ взоромъ, завтра онъ присутствуетъ при экзекуціи провинившагося „раба“, послѣзавтра ѣдетъ съ отцомъ исправникомъ производить дознаніе и т. д. и т. д. Такія сцены, въ связи съ материнскимъ вліяніемъ, съ одной стороны, способствуютъ раннему пробужденію альтруистическихъ порывовъ (въ стих. „на Волгѣ“ читаемъ: „что я въ ту пору замышлялъ, созвавъ товарищей дѣтей; какія клятвы я давалъ—пускай умретъ въ душѣ моей, чтобъ кто-нибудь не осмѣялъ“), съ другой—своимъ грубымъ реализмомъ вносятъ опять таки нѣкоторый диссонансъ въ романтическое настроеніе мальчика. Такимъ образомъ, уже въ дѣтствѣ отъ перекрещеванья охарактеризованныхъ, столь различныхъ, по своему существу, вліяній въ душѣ ребенка должны были появиться первыя черты той двойственности, которой, какъ мы видѣли, г-нъ Кранихфельдъ придалъ характеръ антитезы между *Николаемъ* и *Алексѣевичемъ* и которая, строго говоря, не покидала поэта всю жизнь.

Пребываніе юнаго Некрасова въ ярославской гим-

назіи, надо думать, съ своей стороны, не мало способствовало этому душевному разладу. Свѣдѣнія о разгульной жизни братьевъ Некрасовыхъ въ Ярославлѣ, хотя и нуждаются въ провѣркѣ, однако, служатъ доказательствомъ, что сдерживаемое матерью, ни въ чемъ осязательно не проявлявшееся въ деревнѣ, отцовское вліяніе все-таки глубоко укоренилось въ душѣ юнаго Некрасова и при первомъ удобномъ случаѣ,—а таковымъ, безъ сомнѣнія, и явилось свободное отъ родительскаго надзора пребываніе въ городѣ—проявилось въ весьма интенсивной степени. А такъ какъ значительная часть стихотвореній, вошедшихъ въ сборникъ „Мечты и Звуки" писалась, по всей вѣроятности, еще въ гимназіи, то намъ уже становится яснымъ, что послужило источникомъ и религіозно-обличительныхъ и отчасти пессимистическихъ мотивовъ. Они всецѣло возникли на почвѣ разгорѣвшейся борьбы между противорѣчивыми вліяніями дѣтства. Тѣмъ не менѣе, трудно сомнѣваться, что большая часть мотивовъ пессимистическихъ возникла уже по выходѣ Некрасова изъ гимназіи, какъ слѣдствіе тѣхъ жестокихъ ударовъ судьбы, которые постигли его въ это время. Начать съ того, что исключеніе изъ гимназіи, если даже оно и было заслуженнымъ, разумѣется, не могло не потрясти еще очень молодого поэта. Каждому, имѣвшему то или другое отношеніе къ гимназическому міру, безъ сомнѣнія, приходилось наблюдать то страшное горе, которое овладѣваетъ провинившимся послѣ роковыхъ словъ: „Вы, XX, по постановленію педагогическаго совѣта, исключаетесь изъ гимназіи". Довольно любопытный для дѣтской психологіи фактъ: ведетъ себя гимназистъ такъ, что какъ будто бы самъ напрашивается на исключеніе, никакія карательныя мѣры вплоть до призыва родителей ничуть не помогаютъ, а произносится роковое слово и ребенокъ внѣ себя отъ ужаса. У насъ нѣтъ ни малѣйшаго основанія думать, что Некрасовъ составлялъ въ данномъ

случаѣ исключеніе изъ общаго правила. Его тяжелое нравственное состояніе усугублялось тѣмъ опальнымъ положеніемъ въ домѣ отца, которое занялъ тамъ „лодырь“, „лѣнтяй“, исключенный изъ гимназіи. Съ другой стороны, на его душу должны были болѣзненно вліять молчаливыя слезы матери, которыми она встрѣчала обычные въ такихъ случаяхъ упреки отца.

По пословицѣ, „одна бѣда не ходитъ“. Такъ было и съ Некрасовымъ. Не успѣлъ онъ придти въ себя послѣ исключенія изъ гимназіи, какъ умираетъ любимый братъ Андрей. По словамъ сестры Некрасова Анны Алексѣевны Буткевичъ, эта потеря произвела на него потрясающее впечатлѣніе, „онъ [1]) словно очнулся отъ той распущенности, въ какой провелъ гимназическіе годы, впервые серьезно задумался о своей участи“. Размышленія эти, безъ сомнѣнія, были невеселаго свойства. У насъ есть еще другой свидѣтель, подтверждающій слова сестры поэта о томъ тягостномъ впечатлѣніи, которое произвела на него смерть брата. Этотъ свидѣтель одно изъ стихотвореній сборника „Мечты и Звуки“—„Могила брата“. Содержаніе его сводится къ слѣдующему: поэтъ посѣщаетъ могилу брата, горько плачетъ надъ ней, вспоминая о своей совмѣстной жизни съ умершимъ и выражаетъ желаніе, чтобы его слезы упали брату на грудь и повѣдали ему объ его *одинокой и печальной* жизни. Далѣе поэтъ вспоминаетъ, что въ могилѣ только тѣло брата, а душа его въ небѣ, и умоляетъ небеса дать ему возможность воспарить къ брату, чтобы излить передъ нимъ свое горе; но „небо высоко“ восклицаетъ поэтъ, предвидя, что его желаніе неосуществимо. Стихотвореніе оканчивается характернымъ для Некрасова въ его „Мечтахъ и Звукахъ“ религіознымъ мотивомъ:

---

[1]) Скабичевскій. „Сочиненія“.

„Храмъ Бога высокій, часовня, ограда
Кресты да курганы—кругомъ тишина.
Покойся же мирно прахъ милаго брата,
Пока не возстанешь отъ долгаго сна“.

Но и потерей близкаго человѣка не окончились злоключенія молодого Некрасова. Отъѣздъ въ Петербургъ и поступленіе противъ воли въ университетъ отца поставили его въ такое бѣдственное, въ смыслѣ матеріальныхъ средствъ, положеніе, которое граничитъ съ полною нищетою. Мы не будемъ повторять здѣсь общеизвѣстныхъ разсказовъ о томъ, какъ по пріѣздѣ въ столицу молодой поэтъ поселился съ товарищемъ и его крѣпостнымъ мальчикомъ на Малой Охтѣ, при чемъ ихъ дневной бюджетъ на троихъ не превышалъ 15 коп., какъ квартирный хозяинъ выгналъ только что оправившагося отъ болѣзни Некрасова и будущій знаменитый поэтъ принужденъ былъ ночевать въ ночлежкѣ и писать прошеніе какой-то нищей и т. д.: ограничимся только замѣчаніемъ, что эти разсказы, а также литературныя воспоминанія Николая Успенскаго, И. И. Панаева, наконецъ, актера Алексѣева не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что въ первое время по пріѣздѣ своемъ въ столицу Некрасовъ бѣдствовалъ чрезвычайно, быть можетъ такъ, какъ не приходилось бѣдствовать въ своей молодости ни одному русскому писателю.

Что же, спрашивается, удивительнаго въ томъ, что, при этихъ условіяхъ, въ его юношескихъ стихотвореніяхъ появились пессимистическія, пугающія своею безотрадностью, ноты?! Естественно, разумѣется, что иначе и быть не могло. Положительно страннымъ и необъяснимымъ явленіемъ было бы, если бы цѣлый рядъ тяжелыхъ, непрерывною цѣпью, слѣдующихъ несчастій не отразился бы на міровоззрѣніи такого воспріимчиваго и впечатлительнаго юноши, какимъ былъ молодой Некрасовъ. Они—эти несчастія, не только могли, но должны были создать въ психической жизни его

томящія, мучительныя настроенія, полныя безпросвѣтной скорби, безысходнаго отчаянія. Неизмѣримому могуществу материнскаго вліянія обязана русская литература тѣмъ, что эти настроенія не получили явнаго преобладанія ни въ юношеской, ни въ позднѣйшей болѣе зрѣлой поэзіи Некрасова. Современные „Мечтамъ и Звукамъ“ рецензенты превосходно понимали въ чемъ тутъ дѣло и гдѣ первопричина такихъ стихотвореній какъ „Мысль“, „Жизнь“, „Безнадежность“. Мы уже своевременно указывали, что одинъ изъ нихъ источникомъ грустныхъ мотивовъ сборника считалъ то, что молодой поэтъ „рано встрѣтилъ суровость земныхъ испытаній и горькихъ лишеній, рано брошенъ въ міръ нужды и утраты всего, что дѣлаетъ прекрасными воспоминанія дѣтства: попеченія кровныхъ друзей, небо родины, счастливые беззаботные дни отрочества“. А послѣдующіе серьезные критики, смѣнившіе легковѣсныхъ рецензентовъ, не вдумываясь въ содержаніе сборника „Мечты и Звуки“, не подвергая его критическому и, составляющему въ наше время неотъемлимую принадлежность послѣдняго психологическому анализу, поспѣшили окрестить юношеское творчество Некрасова „дѣтскимъ лепетомъ“, напускнымъ, подражательнымъ, не откуда не вытекающимъ... Самъ Некрасовъ въ своемъ стих. „Земляку“, какъ мы видѣли, указывалъ совершенно опредѣленно на жизненныя злоключенія юности, какъ на основу своего пессимизма. Не менѣе яркимъ подтвержденіемъ этого можетъ служить не вошедшее въ сборникъ стихотвореніе „Мелодія“, которое намъ удалось отыскать въ № 3 „Пантеона“ за 1840. Здѣсь Некрасовъ, изображая съ трогательною нѣжностью свою сѣверную родину и красавицу Волгу, говоритъ о своемъ отъѣздѣ на чужбину, которая принесла ему только страданія.

Нашъ біографическій обзоръ отрочества и юности Николая Алексѣевича Некрасова, имѣвшій цѣлью под-

черкнуть зависимость его юношескихъ настроеній отъ семейныхъ вліяній и жизненныхъ условій, а тѣмъ самымъ представить лишнее доказательство самостоятельности и искренности міровоззрѣнія, отразившагося въ „Мечтахъ и Звукахъ“—конченъ. Намъ остается только подвести итоги полученнымъ результатамъ. Сводятся они къ тому, что мотивы романтическіе, религіозные, идеалистическіе и отчасти альтруистическіе—обусловливаются у него главнымъ образомъ материнскимъ вліяніемъ; мотивы религіозно-обличительные, опровергающіе „нечистое сомнѣніе“ и скептическую точку зрѣнія имѣютъ своимъ источникомъ двойственность настроеній молодого поэта, возникшую изъ столкновенія вліяній материнскаго и отцовскаго, съ одной стороны, и несоотвѣтствія между концепціей романтическихъ идей и грубымъ реализмомъ дѣйствительности съ другой. Наконецъ, пессимистическіе мотивы, отчасти коренящіеся въ той же двойственности, главнѣйшимъ образомъ являются слѣдствіемъ жизненныхъ злоключеній Некрасова.

ГЛАВА IV.

Покончивъ съ вопросомъ о міровоззрѣніи автора сборника „Мечты и Звуки", мы получили возможность приступить ко второй части нашей задачи—къ опредѣленію связи между юношескимъ и зрѣлымъ творчествомъ Некрасова. Для осуществленія этой задачи необходимо прослѣдить относительно каждаго изъ основныхъ мотивовъ сборника—не встрѣтится ли отраженія его, хотя бы и въ измѣненной формѣ, въ позднѣйшихъ вдохновеніяхъ музы мести и печали, и не содержитъ ли онъ въ себѣ зародышей для послѣдующихъ настроеній этой послѣдней.

Знакомясь съ романтизмомъ юнаго Некрасова, мы выдѣлили, въ качествѣ мотивовъ наиболѣе характерныхъ для его стихотвореній, вѣру въ загробную жизнь и глубокую религіозность. Что же такое, въ сущности, эта вѣра въ загробную жизнь молодого поэта и во что она могла вылиться въ творчествѣ печальника народнаго горя? Здѣсь, полагаемъ, не можетъ быть двухъ мнѣній. Эта вѣра—ничто иное, какъ чистѣйшій идеализмъ. Въ самомъ дѣлѣ, только тотъ человѣкъ можетъ назвать себя идеалистомъ, кто вѣритъ въ лучшее будущее. Наряду съ этимъ основнымъ положеніемъ всякаго идеализма, вопросъ о томъ, когда наступитъ это лучшее будущее, пріобрѣтаетъ второстепенное значеніе. Вѣдь знать и быть глубоко увѣреннымъ, что оно должно рано или поздно наступить, несравненно важнѣе, чѣмъ опредѣлять срокъ для его наступленія. Само собой разумѣется, разница въ точкѣ

зрѣнія общественнаго дѣятеля, глубоко убѣжденнаго въ конечномъ торжествѣ, тутъ же на землѣ, идеаловъ добра и правды, и мистика, исповѣдующаго, что лишь послѣ смерти онъ будетъ вознагражденъ за земныя страданія и бѣды,—весьма существенна, но тѣмъ не менѣе оба они, и общественный дѣятель и мистикъ, по справедливости, могутъ быть названы идеалистами. Поэтому-то, между Некрасовымъ конца 30 г.г., восклицавшимъ „ты осужденъ цѣной страданья купить въ странѣ очарованья рай, недоступный на землѣ“ и Некрасовымъ 60 г.г., съ его страстнымъ желаніемъ „ведренаго дня“ для родной страны,—принципіальнаго различія нѣтъ. И тотъ и другой одушевлены однимъ и тѣмъ же идеалистическимъ порывомъ. Правда, формы, въ которыя выливается этотъ порывъ не схожи, но вѣдь и тридцатые годы не то, что шестидесятые...

Обращаемся къ религіознымъ мотивамъ въ „Мечтахъ и Звукахъ“. Они, въ свою очередь, нашли себѣ несомнѣнное отраженіе въ некрасовской поэзіи позднѣйшаго времени. Разумѣется, редакторъ „Современника“ уже органически не могъ стать на точку зрѣнія мальчика, написавшаго „Истинную Мудрость“, съ ея нелѣпыми угрозами по адресу злосчастнаго мудреца, но религіозность въ прямомъ христіанскомъ значеніи этого слова не чужда его сердцу.

Постоянно думая о тѣхъ,

Кто все терпитъ во имя Христа,
Чьи не плачутъ суровыя очи,
Чьи не ропщутъ нѣмыя уста,
Чьи работаютъ грубыя руки,
Предоставивъ почтительно намъ
Погружаться въ искусства, въ науки,
Предаваться мечтамъ и страстямъ.

(см. стих. „Ночь, успѣли мы всѣмъ насладиться“).

поэтъ естественно обращался мыслью къ великому основателю христіанской религіи, на знамени котораго было начертано: „Пріидите ко мнѣ всѣ труждаю-

щіеся и обремененные, и я успокою васъ". Не забудемъ, что Некрасовъ былъ народникомъ въ самомъ широкомъ и лучшемъ значеніи этого слова. По мѣткой характеристикѣ г-на Андреевскаго, въ общемъ относящагося не слишкомъ благосклонно къ „музѣ мести и печали" „любовь не только къ народу, но и ко всѣмъ обездоленнымъ и голодающимъ—течетъ у Некрасова лавою по всѣмъ его произведеніямъ. Онъ чувствовалъ себя хозяиномъ скорбящаго народнаго царства.... онъ увлекался своей миссіей, облагораживался въ ней, возвышался до голоса истиннаго гражданина, видѣлъ въ ней свою славу... Въ теченіе многихъ лѣтъ на глазахъ цѣлой Россіи развертывался этотъ романъ Некрасова съ народомъ. Поэзія уже была не только въ томъ, что онъ писалъ, но въ самой его роли въ этой исторіи нераздѣленной болѣзненной любви Некрасова къ народу". При такихъ условіяхъ не удивителенъ специфическій характеръ его религіозности. Дѣло въ томъ, что въ эпоху жизни и поэтической дѣятельности „печальника горя народнаго" мужикъ, крестьянинъ, земледѣлецъ—однимъ словомъ тотъ самый Якимъ Нагой, живущій въ деревнѣ Босовѣ, который „до смерти работаетъ, до полусмерти пьетъ" (см. „Кому на Руси жить хорошо") являлся, безспорно, самымъ угнетеннымъ и скорбящимъ элементомъ обширнаго Россійскаго царства. А если это такъ, то для насъ должно быть вполнѣ естественнымъ и понятнымъ, что поэтъ, въ силу своего народолюбія, въ своихъ обращеніяхъ къ богу постоянно имѣетъ въ виду уже не Творца, не Всевышняго Судію и Воздаятеля какъ въ „Мечтахъ и Звукахъ", а Спасителя, Искупителя, евангельскаго Христа. Пояснимъ это выписками изъ его стихотвореній. Въ извѣстной поэмѣ „Тишина" Некрасовъ изливаетъ охватившую его радость, при возвращеніи изъ заграничнаго путешествія. Любуясь картинами родной природы поэтъ видитъ сельскую церковь:

„Храмъ Божій на горѣ мелькнулъ
И дѣтски чистымъ чувствомъ вѣры
Внезапно на душу пахнулъ.
Нѣтъ отрицанья, нѣтъ сомнѣнья,
И шепчетъ голосъ неземной:
Лови минуту умиленья,
Войди съ открытой головой! . . .
Какъ ни тепло чужое море,
Какъ ни красна чужая даль,
Не ей поправить наше горе
Размыкать русскую печаль!
Храмъ воздыханья, храмъ печали—
Убогій храмъ земли твоей
Тяжеле стоновъ не слыхали
Ни римскій Петръ, ни Колизей!
Сюда народъ, тобой любимый
Своей тоски неодолимой
Святое бремя приносилъ—
И облегченный уходилъ!
Войди! Христосъ наложитъ руки
И сниметъ волею святой
Съ души оковы, съ сердца муки
И язвы съ совѣсти больной. . . .
Я внялъ . . . . я дѣтски умилился . . . .
И долго я рыдалъ и бился
О плиты старыя челомъ,
Чтобы простилъ, чтобъ заступился,
Чтобъ осѣнилъ меня крестомъ.
Богъ угнетенныхъ, Богъ скорбящихъ,
Богъ поколѣній предстоящихъ
Предъ этимъ скуднымъ алтаремъ.

Эта выписка изъ стихотворенія, по силѣ и искренности лиризма относимаго къ перламъ русской поэзіи, очень характерна для религіозныхъ настроеній Некрасова въ періодъ зрѣлости его творчества.

Находясь въ тѣсной связи съ горячею беззавѣтною любовью поэта къ народу, эти настроенія должны были находить для себя пищу и мотивы именно въ томъ, что такъ или иначе относилось къ сельской жизни. А между тѣмъ для всякаго мало мальски знакомаго съ народнымъ бытомъ извѣстно, что духовные запросы

крестьянскаго населенія въ теченіе долгаго времени почти исключительно удовлетворялись религіей или, если смотрѣть съ точки зрѣнія внѣшности, посѣщеніями деревенскихъ церквей. Даже и теперь, когда культурный уровень народной массы, хотя и незначительно, но все-таки повысился и въ связи съ этимъ выдвинулись другіе факторы для удовлетворенія такихъ запросовъ, напр. школа, книга и т. п., все таки вообразить русскую деревню безъ церкви, безъ поэзіи нѣкоторыхъ праздниковъ, безъ молебновъ о дарованіи урожая и т. п.—довольно трудно. Само собой разумѣется, что сорокъ-пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, т. е. при жизни Некрасова, роль сельскаго храма была несравненно значительнѣе. Поэтому, вполнѣ естественно, что печальникъ горя народнаго, не могъ не обратить вниманія на эту сторону народной жизни, и не посвятить части своихъ стихотвореній художественному описанію деревенской церкви и вообще проявленіямъ народной религіозности. Всѣмъ извѣстно напр., чудное описаніе церкви въ „Рыцарѣ на Часъ". Вся проникновенность и сила этого описанія, помимо религіознаго настроенія поэта, объясняется тѣмъ, что сельская церковь и молитва въ ней была неотъемлимою частью воспоминаній дѣтства, самыхъ святыхъ воспоминаній, какія только могутъ быть въ жизни человѣка. Съ другой стороны, трудно сомнѣваться, что здѣсь именно и сказалось вліяніе матери, которая, оказывается, по новѣйшимъ даннымъ (см. „Кіев. Стар."), была православной, а не католичкой. Стих. „Дѣтство", все въ сущности посвященное описанію деревенскаго храма, подтверждаетъ наше предположеніе о связи такихъ описаній съ воспоминаніями дѣтства.

Въ первые годы младенчества

—такъ начинаетъ поэтъ свое стихотвор.

Помню я церковь убогую,
Стѣны ея деревянныя,
Крышу неровную, сѣрую,

Мохомъ зеленымъ поросшую.
Помню я горе отцовское:
Толки его съ прихожанами,
Что угрожаетъ обрушиться
Старое ветхое зданіе.
Часто они совѣщалися,
Какъ обновить отслужившую
Бѣдную церковь приходскую:
Поговоривъ расходилися,
Храмъ окружали подпорками
И продолжалось служеніе.
Въ ветхую церковь безтрепетно
Въ праздники шли православные,—
Шли старики престарѣлые,
Шли малолѣтки безпечные,
Бабы съ грудными младенцами.
Въ ней прачащались, вѣнчалися,
Въ ней отпѣвали покойниковъ...

и т. д.

А вотъ еще религіозная картинка изъ народной жизни. Поэтъ идетъ высокимъ холмомъ по направленію къ Ростову. Дѣло было передъ самой Святой въ субботній вечеръ. Лишь только стемнѣло по каждой тропинкѣ ведущей къ селу, гдѣ находилась приходская церковь, появились толпы народа: „вечернюю мглу огни озарили; куда то идетъ съ пучками горящей соломы народъ. Куда, я подумать о томъ не успѣлъ, какъ колоколъ громко отвѣтъ прогудѣлъ! У озера ярко горѣли костры, — туда направлялись нарядны, пестры, при свѣтѣ горящей соломы, — толпы... У Божьяго храма сходились тропы, народная масса сдвигалась росла... чудесная, дѣти, картина была!“ Это стихотвореніе любопытно, главнымъ образомъ, по проникающему его, довольно рѣдкому и непривычному для Некрасова, праздничному, радостному настроенію. Совсѣмъ въ другіе тоны окрашено стих. „Молебенъ“. Въ печальное, сырое и туманное утро въ холодномъ и голодномъ селеніи раздается глухой звонъ колокола.

Въ немъ слышится что то суровое, строгое и властное, поражающее слухъ поэта, пришедшаго въ церковь.

Все населеніе, старо и молодо,
Съ плачемъ поклоны кладетъ:
О прекращеніи лютаго голода
Молится жарко народъ.
Рѣдко я въ немъ настроеніе строже
И сокрушеннѣй видалъ!
Милуй народъ и друзей его, Боже!
Самъ я невольно шепталъ.
„Внемли моленіе наше сердечное
О послужившихъ ему...
. . . . . .
. . . . . .
О претерпѣвшихъ борьбу многолѣтнюю
И устоявшихъ въ борьбѣ,
Слышавшихъ рабскую пѣсню послѣднюю
Молимся, Боже тебѣ“.

Подобный же мотивъ звучитъ въ стихотвореніи „Гимнъ“. Воодушевленный высокимъ религіознымъ подъемомъ, охваченный опасеніями за судьбы столь недавно дарованныхъ реформъ — стихотвореніе написано въ 1866 году, время наибольшаго развитія и усиленія реакціонныхъ вождѣленій,—поэтъ обращается къ Богу съ такой мольбой:

Господь, твори добро народу
Благослови народный трудъ,
Упрочь народную свободу,
Упрочь народу правый Судъ!
Чтобы благія начинанья
Могли свободно возрасти,
Разлей въ народѣ жажду знанья
И къ знанью укажи пути!
И отъ ярма порабощенья
Твоихъ избранниковъ спаси,
Которымъ знанья просвѣщенья—
Господь, Ты ввѣришь на Руси!...“

Въ обоихъ послѣднихъ стихотвореніяхъ путемъ совершенно понятной психологической ассоціаціи религіозное настроеніе поэта, нѣсколько расширяя кругъ

относящагося къ народной жизни, распространяется на воодушевленныхъ любовью къ ближнему, проникнутыхъ альтруистической идеей людей, которые работаютъ на нивѣ народной, и по евангельскому завѣту, души свои полагаютъ за други своя.

Если, какъ мы это неоднократно указывали, религіозные мотивы музы мести и печали, находятся въ прямой и непосредственной связи, по преимуществу, съ кругомъ понятій, охватываемымъ словомъ народъ, то это отнюдь не значитъ, что таковыхъ мотивовъ лишены стихотворенія, имѣющія своими сюжетами уже не народныя темы. И въ нихъ хотя, правда, и не въ столь значительныхъ размѣрахъ, встрѣчаемъ проявленія того же религіознаго настроенія. Такъ, въ поэмѣ „Саша“ старикъ дѣдъ возвратившись домой изъ многолѣтней ссылки, прежде всего благословляетъ снятымъ съ шеи „образомъ распятаго Бога“ „домъ и семейство и слугъ“. Княгиня Волконская, въ поэмѣ „Русскія Женщины“, умоляетъ отца благословить ее образкомъ передъ отъѣздомъ къ мужу. Декабристы въ этой же поэмѣ неоднократно называются „избранниками Бога“. Подобныхъ примѣровъ и упоминаній, свидѣтельствующихъ какъ часто поэтомъ владѣло религіозное чувство, возможно было бы найти у Некрасова не одинъ десятокъ. Всѣ они нѣсколько однообразны въ томъ смыслѣ, что постоянно имѣютъ въ виду Бога скорбящихъ и угнетенныхъ.

Въ русской критикѣ вопросъ о религіозныхъ мотивахъ некрасовской поэзіи до сего времени остается совершенно неразработаннымъ. Мало того даже простыхъ упоминананій о томъ, что Некрасову присущи религіозныя настроенія нельзя встрѣтить въ многочисленныхъ статьяхъ, посвященныхъ его памяти. Единственнымъ человѣкомъ, поставившимъ этотъ вопросъ и освѣтившимъ его въ общихъ чертахъ, былъ профессоръ спб. университета М. И. Горчаковъ. Въ 1877 году,

на похоронахъ поэта онъ произнесъ весьма интересную и содержательную рѣчь, въ которой разсматривалъ поэзію Некрасова съ точки зрѣнія христіанскаго вѣроученія. По цензурнымъ условіямъ времени, рѣчь эта осталась не напечатанной; газетныя же статьи, описывавшія похороны поэта, излагаютъ ея содержаніе слишкомъ поверхностно [1]). Мы обратились къ маститому профессору съ просьбой дать намъ возможность ознакомиться съ ней цѣликомъ. М. И. Горчаковъ любезно предоставилъ въ наше распоряженіе сохранившіеся у него корректурные оттиски своей рѣчи. Въ виду непосредственнаго отношенія ея къ вопросу о религіозныхъ настроеніяхъ некрасовскаго творчества, а также въ виду того, что проф. Горчаковъ доказывалъ существованіе этихъ настроеній не только цитатами изъ стихотвореній Некрасова, но и общей характеристикою всей страдальческой поэзіи печальника горя народнаго, мы считаемъ необходимымъ изложить содержаніе ея возможно подробнѣе.

„При видѣ гроба сего почившаго — такъ началъ проф. Горчаковъ свое слово—при послѣднемъ прощаніи съ нимъ, подъ сводами священнаго храма, невольно вспоминаются изреченія Спасителя: *кто возлюбилъ много, тому отпущается много и грѣховъ* (Лук. VII, 47) и *претерпѣвый до конца спасенъ будетъ* (Матѳ. XXIV, 15)“.

Далѣе ораторъ указалъ на то, что почившій терпѣливо переносилъ страданія своей жизни, съ вѣрою и надеждою дѣлилъ горе и страданія своихъ ближнихъ, страданія цѣлаго русскаго общества. Мало того, онъ проникался этими страданіями до такой степени, что могъ выражать въ своемъ творчествѣ самые разнообраные виды ихъ и въ своихъ поэтическихъ образахъ умѣлъ возсоздавать и самое тяжелое горе, и самую затаенную

---

[1]) Первая часть рѣчи болѣе или менѣе подробно изложена въ книгѣ „На память о Н. А. Некрасовѣ“. Спб. 1878 г.

печаль. Но его страдальческая пѣсня отнюдь не была пѣснью отчаянія и безнадежности: она не ослабляетъ силъ страждущаго, не подавляетъ его тяжестью невыносимой бѣды, не убиваетъ его горемъ. Въ ней громко раздаются могучіе тоны беззавѣтной надежды пѣвца, вѣры въ истину, добро и правду; пѣсня его пѣсня горя, соединеннаго съ вѣрой и надеждой. Изливаясь терзаніями страдальческой души, пѣсня покойнаго будитъ въ каждомъ страдальцѣ бодрость, стойкость, терпѣніе, всепрощеніе, любовь, надежду и вѣру въ истину, правду и добро. Въ этомъ то и заключается несокрушимый залогъ вѣчнаго значенія въ нашемъ отечествѣ произведеній покойнаго. Выражая страдальческія чувства и думы не отдѣльныхъ личностей, даже не отдѣльныхъ классовъ народа, а страданіе и горе всего нашего общества, думы и чувства всѣхъ и каждаго изъ насъ, покойный поэтому то и дорогъ намъ, русскимъ. Онъ нашъ общій народный поэтъ, ибо страдалъ страданіями каждаго изъ насъ и умѣлъ выразить своими стихами наше горе лучше, чѣмъ мы сами можемъ это сдѣлать слезами, жалобами, рыданіями и воплями.

„Какъ истинно народный поэтъ,—продолжалъ ораторъ—и какъ членъ православной русской церкви, покойный зналъ, гдѣ изливается русское горе, гдѣ находятъ облегченіе, отраду и спасеніе изнывающія отъ бѣдъ русскія сердца. Онъ сознавалъ и понималъ значеніе и положеніе великой народной святыни русской, нашей отечественной православной церкви. Справедливость этихъ словъ не стану подтверждать вамъ своими доказательствами. Никто не можетъ изобразить мыслей поэта объ извѣстномъ предметѣ лучше, чѣмъ самъ поэтъ. А покойный изобразилъ значеніе отечественной церкви въ ея прошломъ, настоящемъ и будущемъ (въ нѣсколькихъ произведеніяхъ) въ такихъ художественныхъ чертахъ и съ такимъ христіанскимъ настроеніемъ,

что я служитель св. вѣры и церкви, строго держась своего призванія, стоя на семъ священномъ мѣстѣ, не обинуясь привожу мысли поэта о семъ предметѣ въ поучительное назиданіе вамъ и себѣ, взамѣнъ моего собственнаго слова".

Далѣе проф. Горчаковъ прочелъ всю вторую часть стихотворенія „Рыцарь на Часъ", гдѣ мотивы религіозные, какъ извѣстно, переплетаются съ покаянными изліяніями поэта.

„Ты, почившій, просишь прощенія и любви?—спрашивалъ въ заключеніе ораторъ.—Но тебѣ воздаются почести небывалыя у насъ, достойныя и тебя, и воздающихъ ихъ тебѣ. Онѣ воздаются тебѣ мыслящимъ классомъ и юнымъ поколѣніемъ. Почести тебѣ будутъ возрастать съ теченіемъ времени, въ глуби вѣковъ, по мѣрѣ развитія въ народѣ сознанія постигающихъ его страдальческихъ думъ и чувствъ, художественнымъ выразителемъ которыхъ былъ ты въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій.

Ты просишь прощенія и любви. Твои страданія искупятъ тебя. Твоя любовь къ другимъ покрываетъ тебя. Православная церковь памятуетъ слова Спасителя: кто возлюбилъ много, тому много и простится: претерпѣвшій до конца спасенъ будетъ. Церковь какъ общество, всегда хранитъ вѣру въ неувядаемую свою будущность, которая представлялась тебѣ въ твоихъ поэтическихъ видѣніяхъ, и съ православнымъ русскимъ народомъ не перестанетъ пѣть тебѣ вѣчную память. Аминь".

Итакъ и общая характеристика страдальческой поэзіи Некрасова и разсмотрѣніе ея отдѣльныхъ мотивовъ даютъ намъ право заключить, что религіозность юнаго автора сборника „Мечты и Звуки" сохранилась въ позднѣйшемъ творчествѣ Некрасова, подвергнувшись, разумѣется, нѣкоторой эволюціи. Эта эволюція, заключавшаяся, главнымъ образомъ, въ приданіи религіознымъ

мотивамъ альтруистическаго содержанія, являлась, естественнымъ послѣдствіемъ таковой же эволюціи, происшедшей и въ идеалистическомъ міровоззрѣніи автора, увѣровавшаго въ возможность достиженія царства божія на землѣ и въ законность борьбы во имя скорѣйшаго осуществленія послѣдняго.

Собственно говоря, альтруизмъ, проникающій творчество сложившагося Некрасова, чувствовался уже въ его юношескихъ вдохновеніяхъ, хотя его проявленія въ то время не достигали и сотой доли его позднѣйшаго развитія. Однако, для насъ важна не степень, а самый фактъ его существованія, который доказывается присутствіемъ въ „Мечтахъ и Звукахъ" такихъ стихотвореній, какъ „Тотъ не поэтъ" и „Жизнь". Въ первомъ изъ нихъ Некрасовъ не желаетъ признать истиннымъ поэтомъ того, кто не пролилъ слезъ „у одра страдающаго брата", въ комъ „состраданья нѣтъ". Отсюда уже вовсе не далеко до позднѣйшаго:

„Будь гражданинъ! Служа искусству,
Для блага ближняго живи,
Свой геній посвящая чувству
Всеобнимающей любви!

Во второмъ, обращаясь съ горькими упреками къ людямъ, не исполняющимъ своего жизненнаго предназначенія, онъ говоритъ, что жизнь заложила въ ихъ грудь чувства, „чтобъ дѣлать доброе, трудиться и любить"... но людямъ „чужло добро". Какія же чувства, спросимъ мы, имѣетъ поэтъ въ виду въ этомъ стихотвореніи? Отвѣтъ ясенъ: разумѣется, чувства—*альтруистическія*.

Такимъ образомъ и этотъ, едва ли не основной мотивъ поэзіи Некрасова не чуждъ, до нѣкоторой степени, его юношескому творчеству.

Переходимъ къ дальнѣйшему выясненію связи послѣдняго съ первой. Въ предыдущемъ изложеніи мы выдѣлили въ особую группу мотивы религіозно-обличитель-

ные, т. е., тѣ въ которыхъ сказалась борьба чистой непосредственной вѣры съ обуревающимъ юную душу поэта духомъ скептицизма и сомнѣнія, а затѣмъ условились понимать подъ ними одно изъ проявленій, присущей Некрасову двойственности, коренящейся въ условіяхъ его дѣтства и нашедшей свое выраженіе, главнымъ образомъ, въ стих. „Разговоръ“ и „Изгнанникъ“. Теперь передъ нами возникаетъ вопросъ такого рода: сохранилась ли эта двойственность въ позднѣйшемъ творчествѣ Некрасова и, если сохранилась, то въ тѣхъ же или какихъ либо иныхъ формахъ? Первая часть этого вопроса рѣшается a priori. Всякій, мало мальски знакомый съ произведеніями автора „Рыцаря на часъ“, рѣшитъ его утвердительно. Что же касается второй его части, то, само собой разумѣется, приходится отвѣтить, что форма, въ которыхъ проявляется эта двойственность значительно видоизмѣнилась.

У Некрасова въ 60 и 70 г.г. мы не найдемъ дѣтскихъ проклятій по адресу нечистаго сомнѣнія, затмевающаго отрадный вѣры свѣтъ. Съ годами Некрасовъ сдѣлался зрѣлѣе, расширилъ свои научныя познанія, а слѣдовательно имѣлъ полную возможность понять, что вопросъ о несовмѣстимости вѣры и знанія вопросъ праздный и основанный на недоразумѣніи, ибо вѣра въ концѣ концовъ не что иное, какъ идеализмъ, законный и присущій человѣческой душѣ. Тѣмъ не менѣе самый то обличительный жанръ остается однимъ изъ любимыхъ пріемовъ „музы мести и печали“. Измѣняется только объектъ, на который направлено это обличеніе. Поэтъ бичуетъ уже не мудреца—скептика, а „владѣльца роскошныхъ палатъ“, „нравственнаго“, въ обще принятомъ смыслѣ, но на дѣлѣ глубоко безнравственнаго человѣка, продажныхъ и несправедливыхъ чиновниковъ, „филантроповъ“, которые „учатъ какъ бы свѣтъ весь заново къ общей пользѣ обновить, а голоднаго отъ пьянаго не умѣютъ отличить“

и т. д. Съ другой стороны, обличитель ставитъ себѣ нѣсколько иныя цѣли. Онъ уже не убѣждаетъ развращенныхъ горожанъ (стих. „Землетрясеніе“) поскорѣе обратиться къ богу и тѣмъ спасти себя отъ мести небесъ. Въ позднѣйшемъ творчествѣ обличеніе поэта преслѣдуетъ совершенно другіе задачи: „Вороти ихъ, въ тебѣ ихъ спасеніе“—восклицаетъ онъ въ „Парадномъ подъѣздѣ“ и это восклицаніе характерно для всей некрасовской сатиры, обличающей, обыкновенно во имя счастья и благоденствія народа. Нельзя, вѣдь, забывать особенностей того времени, въ которое развивался талантъ Некрасова-обличителя. Шестидесятые годы, по справедливому замѣчанію Розанова, были эпохой монотеистической и этимъ „единымъ богомъ“ культурныхъ классовъ являлось тогда народное благо. Несомнѣнно, что и Некрасовъ, одинъ изъ типичнѣйшихъ выразителей настроеній шестидесятыхъ годовъ, поклонялся „богу“ своего времени. А если это такъ, то для него пріобрѣтеніе новыхъ поборниковъ для „народнаго блага“ было настолько же почетной цѣлью, какъ для автора „Землетрясенія“ обращеніе грѣшниковъ къ богу.

Возвращаясь къ вопросу о душевной раздвоенности Некрасова, отмѣтимъ, что въ немъ до конца дней жила та форма ея, въ которой сказались противорѣчіе между запросами духа и требованіями тѣла, борьба *Николая* съ *Алексѣевичемъ*. Если въ стихотвореніи „Разговоръ“ тѣло оспариваетъ у духа господство надъ человѣкомъ, прельщая его земными радостями, а духъ упорно отстаивая свою точку зрѣнія, говоритъ, что даже въ случаѣ побѣды тѣла угрызенія совѣсти нарушатъ блаженство чувственныхъ наслажденій, то и въ позднѣйшемъ творчествѣ Некрасова нерѣдко звучитъ тотъ же мотивъ, напр.:

„Выводи на дорогу тернистую,
Разучился ходить я по ней
Погрузился я въ тину нечистую
Мелкихъ помысловъ, мелкихъ страстей“.

Тутъ, само собой разумѣется, тернистая дорога— дорога духа, дорога борьбы за идею, а нечистая тина— земныя плотскія радости. Съ той же нотой встрѣчаемся въ посланіи „Неизвѣстному другу“

Но жизнь любя, къ ея минутнымъ благамъ
Прикованный привычкой и средой,
Я къ цѣли шелъ колеблющимся шагомъ,
Я для нея не жертвовалъ собой

и во многихъ другихъ стихотвореніяхъ.

Далѣе, если въ стих. „Изгнанникъ“ поэтъ горестно восклицаетъ:

„Порой, знакомый голосъ слыша,
Я отъ восторга трепещу,
Хочу летѣть подняться выше
Но цѣпь звенитъ мнѣ: „Не пущу!“

то это, вѣдь, строго говоря, нечто иное, какъ знаменитая заключительная строфа „Рыцаря на Часъ“: „суждены вамъ благіе порывы, но свершить ничего не дано“. Такимъ образомъ и этотъ мотивъ, опять таки весьма характерный для юношескаго творчества Некрасова нашелъ себѣ замѣтное отраженіе въ его позднѣйшихъ вдохновеніяхъ. Форма, какъ мы видѣли, видоизмѣнилась, но иначе вѣдь и быть не могло. Никто не могъ ожидать, чтобы 17-лѣтній мальчикъ и вполнѣ зрѣлый, сложившійся человѣкъ съ твердыми, путемъ тяжелаго жизненнаго опыта, выработанными взглядами, какимъ былъ Н. А. Некрасовъ, переживалъ бы душевную драму, одинаковую не только по вызвавшей ее первопричинѣ, но и внѣшнимъ проявленіямъ. Проявленія, само собой разумѣется, рѣзко измѣнились, но первопричина осталась одна и та же: борьба духовнаго и тѣлеснаго начала.

Переходимъ теперь къ пессимистическимъ мотивамъ, существованіе которыхъ мы констатировали въ „Мечтахъ и Звукахъ“ и происхожденіе которыхъ объяснили отчасти жизненными злоключеніями Некрасова, отчасти тою же душевной раздвоенностью. Эти мотивы, какъ

уже своевременно указывалось, распадаются на двѣ категоріи: во-1-хъ, выражающіе пессимизмъ, такъ сказать, общій, распространяющійся на весь міръ и во-2-хъ, выражающіе пессимизмъ личный, касающійся только душевныхъ настроеній автора. Въ позднѣйшемъ творчествѣ Некрасова встрѣчаются обѣ категоріи. Что касается первой изъ нихъ, то пессимизмъ „музы мести и печали" уже не имѣетъ столь общаго характера, онъ является какъ бы суженнымъ, какъ бы ограниченнымъ опредѣленнымъ предѣломъ. Это явленіе надо всецѣло отнести на долю конкретизаціи мышленія автора, которая составляетъ одну изъ характернѣйшихъ чертъ его поэзіи. Въ самомъ дѣлѣ всѣ образы, всѣ картины, которыя мы находимъ у Некрасова поражаютъ своею конкретностью. Въ силу этого, они глубоко реальны, выпуклы и ярки. Странно было бы, если бы указанная конкретизація не сказалась на столь замѣтномъ у Некрасова мотивѣ, какъ пессимизмъ.

Въ „Мечтахъ и Звукахъ" наиболѣе яркое выраженіе пессимистическаго настроенія находится въ стих. „Мысль". Здѣсь авторъ рисуетъ міръ въ видѣ обветшалаго старца, неспособнаго къ обновленію и возрожденію. Попробуемъ рѣшить a priori, во что должна была вылиться высшая форма пессимизма у Некрасова 60-хъ и 70 г.г. Уже было указано, что для него, какъ типичнѣйшаго выразителя своего времени, „богомъ" было народное благо. Усумниться въ своемъ „богѣ" безусловно высшая форма пессимизма. И Некрасовъ усумнился въ народномъ благѣ.

Въ стихотвореніи, написанномъ въ 1862 г. („Литература, съ трескучими фразами") поэтъ разсказываетъ о своемъ бѣгствѣ изъ столицы въ деревню.

Я простился съ столицами,
Мирно живу среди полей,
Но и крестьяне съ убогими лицами
Не услаждаютъ очей!
Ихъ нищета, ихъ терпѣнье безмѣрное

Только досаду родитъ...
Что же ты любишь, дитя маловѣрное,
Гдѣ же твой идолъ сокрытъ!..

Тотъ же мотивъ не трудно усмотрѣть въ знаменитой заключительной строфѣ „Параднаго подъѣзда“.

Ты проснешься-ль, исполненный силъ

обращается поэтъ къ народу

Иль судебъ повинуясь закону
Все, что могъ, ты уже совершилъ,
Создалъ пѣсню, подобную стону,
И духовно навѣки почилъ.

Дальше уже, разумѣется, не могъ идти пессимизмъ печальника народнаго горя. Въ самомъ дѣлѣ, стоило ли „печаловаться“ всю жизнь, если народъ неспособенъ къ духовному возражденію. Въ интересномъ стихотвореніи „Время то есть, да писать нѣтъ возможности“, невошедшемъ [1]) въ общее собраніе стих. Некрасова и написанномъ въ 1876 году, опять таки сквозитъ пессимистическая нота. Поэтъ не видитъ „слѣдовъ обновленія въ бѣдной отчизнѣ своей“, несмотря на осуществленіе освободительныхъ реформъ

„Въ жизни крестьянина нынѣ свободнаго,
Бѣдность, невѣжество, мракъ.
Гдѣ же ты тайна довольства народнаго“?

— звучитъ тоскливый вопросъ.

Разумѣется, при разсмотрѣніи некрасовскаго пессимизма этого рода надо имѣть въ виду, что онъ хотя и составилъ замѣтный аккордъ въ поэзіи Некрасова, однако, ни въ какомъ случаѣ не является въ ней преобладающимъ мотивомъ. Каждой пессимистической нотѣ возможно было бы противоставить нѣсколько оптимистическихъ, полныхъ глубокой вѣрой въ русскій народъ

---

[1]) Оно было напечатано въ первый разъ, въ 1897 г. въ журналѣ „Жизнь“. Оригиналъ, написанный рукой поэта, хранился въ бумагахъ сенатора В. И. Лихачева.

и его высокое предназначеніе. Укажемъ хотя бы на заключительныя строфы стих. „Школьника“.

„Не бездарна та природа,
Не погибъ еще тотъ край,
Что выводитъ изъ народа
Столько славныхъ то и знай
и т. д.

Безотраднѣе и многочисленнѣе пессимистическіе мотивы, выражающіе личныя настроенія поэта.

Уже въ 1847 году Некрасовъ пишетъ глубоко-пессимистическое стихотвореніе: „Я за то глубоко презираю себя, что живу день за днемъ безполезно губя“... и т. д. Въ 1856 году угнетенное настроеніе поэта достигаетъ своего апогея, стоны собственнаго сердца дѣлаются ему противны „какъ скрипъ тюремной двери“, онъ уже не призываетъ „волшебнаго луча любви и возрожденья“

„Всему конецъ. Ненастьемъ и грозою
Мой темный путь не даромъ омрача,
Не просвѣтлѣетъ небо надо мною,
Не броситъ въ душу темнаго луча“

(стих. „Замолкни муза мести и печали“

Въ стих. „На Волгѣ“ читаемъ:

„Быть можетъ недостало силъ,
Или мой трудъ не нуженъ былъ,
Но жизнь напрасно я убилъ,
И то, о чемъ дерзалъ мечтать
Теперь мнѣ стыдно вспоминать!“

Здѣсь, какъ и въ предыдущемъ стихотвореніе, пессимизмъ уже переходитъ изъ области настроеній чисто личной жизни къ оцѣнкѣ собственной общественной роли. Высокой степени напряженности этотъ мотивъ достигаетъ въ „Послѣднихъ пѣсняхъ“ поэта. Его кульминаціонная точка въ извѣстномъ стихотвореніи „Скоро стану добычею тлѣнья“, въ которомъ „печальникъ народнаго горя“ дѣлаетъ невыразимо горькое для себя признаніе.

„Я настолько же чуждымъ народу умираю,
Какъ жить начиналъ“.

Рядомъ встрѣчаемъ не менѣе тоскливыя слова: „Я умру—моя померкнетъ слава“.

Въ эти тяжелыя минуты душевной муки и отчаянья на помощь поэту, кончавшему свои земные счеты, явился образъ матери, благоговѣйно хранимый имъ въ сердцѣ съ первыхъ же дней сознательной жизни. Заключительныя строфы поэмы „Мать“, въ которыхъ Некрасовъ оцѣниваетъ свою жизнь какъ непрестанную борьбу во имя идеаловъ добра и красоты, а свою поэзію, какъ пѣснь, проникнутую живой любовью, а также знаменитое „Баюшки баю“ (“Не бойся горькаго забвенья, услышишь пѣсенку свою надъ Волгой, надъ Окой, надъ Камой...“) удостовѣряютъ, что этотъ кроткій и ласковый образъ одержалъ побѣду въ послѣдней душевной борьбѣ поэта.

Однако, при этомъ нельзя не отмѣтить, что указанная уже особенность Некрасова, какъ поэта, душевная раздвоенность очень сильно проявилась въ мотивахъ пессимистическихъ: онъ то вѣритъ въ свѣтлое будущее русскаго народа, то начинаетъ сомнѣваться въ немъ; съ другой стороны, его собственное общественное значеніе то представляется ему неоспоримымъ, то совершенно ничтожнымъ, не стоющимъ вниманія. А эта двойственность ведетъ свое начало еще съ его юношескаго творчества.

Снова заговоривъ о матери поэта, мы подошли къ вопросу о томъ, имѣютъ ли многочисленныя стихотворенія, посвященныя ей взрослымъ Некрасовымъ, какую-либо связь съ его юношескими вдохновеніями. На этотъ вопросъ приходится отвѣтить утвердительно. Нѣкоторыя строчки стихотворенія „Красавицѣ“ (Мечты и Звуки) смѣло можно сравнивать съ поэмой „Мать“.

КРАСАВИЦѢ.

Мнѣ милъ и потому печальный тонъ напѣва,
Что въ первой жизни годъ родимая, съ тоской,
Смиряла имъ порывъ ребяческаго гнѣва,
Качая колыбель заботливой рукой
Что въ годы бурь и бѣдъ завѣтною молитвой
На томъ же языкѣ молилась за меня.

МАТЬ.

Та блѣдная рука, ласкавшая меня,
Когда у догоравшаго огня
Въ младенчествѣ я сиживалъ съ тобою,
Мнѣ въ сумерки мерещилось порою,
И голосъ твой мнѣ слышился въ потьмахъ,
Исполненный мелодіи и ласки... и т. д.

Первое стихотвореніе было написано около 1838—1839 г.г., второе въ 1877 году, т. е. почти черезъ сорокъ лѣтъ, но оба они рисуютъ совершенно тождественный образъ. Это, съ одной стороны, служитъ превосходнымъ подтвержденіемъ силы и глубины материнскаго вліянія на поэта, съ другой—является лишнимъ доказательствомъ существованія несомнѣнной связи сборника „Мечты и Звуки“ съ позднѣйшимъ творчествомъ Некрасова.

Прослѣдивъ постепенно эту связь по отношенію ко всѣмъ основнымъ мотивамъ юношескихъ стихотвореній Некрасова, мы считаемъ необходимымъ въ нѣсколькихъ словахъ формулировать полученные нами выводы.

Итакъ, религіозный идеализмъ (вѣра въ загробную жизнь) сборника „Мечты и Звуки“, который въ сущности является наиболѣе типичной чертой романтизма въ духѣ Жуковскаго, нашелъ свое отраженіе въ идеализмѣ общественномъ, составившимъ самую широкую струю послѣдующаго творчества Некрасова.

Далѣе, понимаемая въ христіанскомъ смыслѣ религіозность молодого поэта сохранилась и въ его позднѣйшихъ вдохновеніяхъ, съ той только разницею, что взамѣнъ благоговѣйно-созерцательнаго характера, приняла характеръ альтруистическій и по преимуществу имѣла своимъ объектомъ народъ.

Что же касается собственно альтруистическихъ настроеній книги „Мечты и Звуки“, содержащихся во взглядахъ ея автора на миссію поэта, на предназначеніе человѣка, то они получили широкое развитіе въ творчествѣ „музы мести и печали“.

Затѣмъ, религіозно-обличительный жанръ нѣкоторыхъ юношескихъ стихотвореній Некрасова, сообразуясь съ общей эволюціей его міровоззрѣнія, перешелъ въ сатиру, обличающую во имя народнаго блага.

Душевная раздвоенность поэта, замѣтная уже въ „Мечтахъ и Звукахъ“ и сказавшаяся тамъ, напр., въ противоположеніи духа тѣлу, красной нитью прошла чрезъ позднѣйшее творчество Некрасова, сохраняя, между прочимъ, ту же антитезу.

Далѣе, пессимизмъ юноши Некрасова, имѣвшій своимъ источникомъ не что иное, какъ все-ту же раздвоенность, сохранился въ его зрѣлыхъ произведеніяхъ, распадаясь на два, намѣтившіяся уже въ „Мечтахъ и Звукахъ“, теченія.

Выводы эти, думается, имѣютъ значеніе и для выясненія постепенной эволюціи Некрасовскаго творчества, и для пониманія духа его произведеній, и для рѣшенія столь часто поднимаемаго вопроса о яко-бы присущей поэту неискренности.

ДРАМАТИЧЕСКІЕ ОПЫТЫ Н. А. НЕКРАСОВА.

ГЛАВА I.

Въ томъ общеизвѣстномъ литературномъ достояніи, которое осталось послѣ Некрасова, замѣтную группу составляютъ драматическія сцены и сценки вродѣ „Дѣлового разговора“, „Медвѣжьей охоты“, послѣднихъ главъ поэмы „Княгиня Трубецкая“ („Русскія женщины“) и „Современники“. Что касается первыхъ двухъ произведеній, то въ нихъ напрасно стали бы мы искать такъ называемаго драматическаго дѣйствія. „Дѣловой разговоръ“, относящійся къ сравнительно раннему періоду творчества Некрасова (написанъ въ 1851 г.) и воспроизводящій бесѣду журналиста съ провинціальнымъ читателемъ, не блещетъ поэтическими достоинствами. Это не болѣе, какъ переложенный въ стихи дѣловой діалогъ на журнальныя темы. Въ немъ затронуты, хотя и имѣющіе общественный интересъ, но плохо гармонирующіе съ поэтической формой вопросы о томъ, какіе изъ отдѣловъ журнала наиболѣе читаются публикой, какъ трудно залучить въ періодическое изданіе произведеніе писателя съ „именемъ“, какой характеръ должна носить журнальная критика, почему даже слабыя статейки изъ русскаго быта предпочтительнѣе хорошихъ переводовъ съ иностранныхъ языковъ и т. д.

Много цѣннѣе въ поэтическомъ отношеніи „Медвѣжья охота“, написанная въ эпоху полной зрѣлости Некрасовскаго таланта въ 1867 г. Это произведеніе, названное авторомъ „сценами“ изъ лирической комедіи, состоитъ изъ трехъ такихъ сценъ: III, IV и V-ой пер-

ваго дѣйствія. Третья сцена, начинаясь довольно таки прозаическимъ разговоромъ между Пальцовымъ и Мишей о русскихъ свѣтскихъ франтахъ, объ администраторахъ реформеннаго періода и т. п., заканчивается очень рѣзкой, переходящей мѣстами въ памфлетъ, филиппикой по адресу русскаго общественнаго мнѣнія. Коротенькая четвертая сцена воспроизводитъ разговоръ двухъ аристократовъ о томъ, что даже природа Россіи сдѣлала невозможнымъ въ этой странѣ развитіе и просвѣщеніе народа. Наконецъ, послѣдняя сцена „Медвѣжьей охоты“ всѣмъ памятна по необычайно мѣткой характеристикѣ русскаго либерала 40-хъ годовъ („діалектикъ обаятельный, честенъ мыслью, сердцемъ чистъ“. и т. д.) и по трогательнымъ, полнымъ высокаго лиризма строфамъ, посвященнымъ Бѣлинскому и Грановскому. Этотъ краткій обзоръ содержанія „Медвѣжьей охоты“ удостовѣряетъ, что всѣ поэтическія достоинства этого произведенія совершенно независятъ отъ его драматической формы. Послѣдняя является въ немъ до нѣкоторой степени искусственнымъ придаткомъ, такъ какъ основа драмы—дѣйствіе—въ „Медвѣжьей охотѣ“ совершенно отсутствуетъ.

Нѣсколько иныя заключенія приходится сдѣлать относительно сцены съ губернаторомъ изъ второй части „Княгини Трубецкой“. Несмотря на вставки повѣствовательнаго характера, несмотря на чисто эпическія описанія ужасовъ сѣверной ссылки, вложенныя авторомъ въ уста губернатора, въ этой сценѣ драматическое дѣйствіе безусловно имѣется, воспроизводя обычный въ драмѣ мотивъ „борьбы“ героя съ препятствіями. Страстное желаніе княгини ѣхать, чтобы свидѣться съ горячо любимымъ мужемъ—декабристомъ, сталкивается съ упрямой настойчивостью чиновнаго резонера, имѣющаго свыше приказъ всѣми способами постараться отклонить молодую женщину отъ ея намѣренія. Драматизмъ положенія все наростаетъ, достигая

высшей своей точки въ высказанной Трубецкою готовности итти къ мужу даже по этапу, вмѣстѣ съ каторжниками, и эффектно разрѣшается слезами и раскаяніемъ губернатора. Трудно оспаривать поэтическія достоинства этой сцены, именно какъ драматическаго произведенія.

Значительно слабѣе заключительная сцена извѣстной поэмы Некрасова „Современники". Строго говоря, вся эта поэма нѣсколько драматизирована, но драматическіе элементы получаютъ преобладаніе надъ повѣствовательными лишь въ „эпилогѣ", начинающемся съ возгласа Зацѣпина „я — воръ". Покаянныя его ламентаціи, перемѣшанныя съ рѣзкими обличеніями присутствующихъ плутократовъ, мало-по-малу заставляютъ опустѣть всю залу. Успокоительныя рѣчи князя Ивана и Леонида плохо достигаютъ своей цѣли, такъ какъ нервное настроеніе Зацѣпина объясняется только-что полученной имъ телеграммой о смерти на дуэли единственнаго сына, не захотѣвшаго помириться съ гласнымъ обвиненіемъ уже давно покинутаго имъ отца въ воровствѣ. Только Саввѣ удается нѣсколько утѣшить Зацѣпина, предложивши ему „сѣсть въ горку". Говоря о драматизмѣ этой сцены приходится признать, что въ ней больше чувствуются, чѣмъ осуществлены драматическія положенія.

Резюмируя изложенное, нельзя не заключить, что хотя сложившемуся поэтическому дарованію Некрасова и не чужда нѣкоторая наклонность къ драматизированью своихъ сюжетовъ,—это драматизированье, однако, далеко не всегда является удачнымъ. Изъ разсмотрѣнныхъ только что образцовъ нѣкоторыя драматическія достоинства, можно признать только за сценой княгини Трубецкой съ губернаторомъ. Въ другихъ случаяхъ, Некрасовъ, прибѣгая къ діалогической формѣ изложенія, почти что не вноситъ въ сюжетъ никакого драматизма. Что же заставляетъ его все-таки ока-

зывать иногда предпочтеніе діалогу? На этотъ вопросъ можетъ дать отвѣтъ указаніе на тѣ довольно таки многочисленные литературные дебюты Некрасова въ области драматической поэзіи, съ которыми онъ выступилъ, потерпѣвъ неудачу на поприщѣ чистой лирики. Большинство написанныхъ и переведенныхъ Некрасовымъ водевилей, комедій и драмъ относится къ періоду отъ 1840—до 1842 года включительно. Имъ были написаны за это время слѣдующія пьесы:

1) „Юность Ломоносова", драматическая фантазія въ стихахъ, относящаяся къ 1840 г., но найденная и напечатанная лишь въ 1902 г. (см. „Литературный Архивъ" Картавова).

2) „Актеръ" одноактный водевиль (см. № 8 „Пантеона" за 1841 г.):

3) „Шила въ мѣшкѣ не утаишь—дѣвушки подъ замкомъ не удержишь", водевиль въ 2 дѣйствіяхъ (см. „Репертуаръ русскаго театра" 1841 г. № 4).

4) „Ѳеоктистъ Онуфріевичъ Бобъ", или „Мужъ не въ своей тарелкѣ", водевиль, повидимому, нигдѣ не напечатанный (рукопись 1841 г. съ режиссерскими поправками хранится въ библіотекѣ Импер. театровъ);

5) „Вотъ что значитъ влюбиться къ актрису!", комедія водевиль (см. „Репертуаръ русскаго театра" 1841 г. т. 2);

6) „Дѣдушкины Попугаи", водевиль (рукопись въ библіот. Импер. театр. 1841 г.);

7) „Водевильныя сцены изъ журнальной жизни" (см. „Литературная Газета" № 15, 1841 г.).

8) „Кольцо Маркизы" или „Ночь въ хлопотахъ", водевиль (рукопись въ библіот. Имп. театр. 1842 г.);

9) „Материнское благословеніе" или „Бѣдность и честь", драма въ 5 дѣйствіяхъ (рукопись въ библ. Имп. теат. 1842 г.) и

10) „Похожденія Петра Степановича Столбикова", комедія, въ 4-хъ картинахъ (рукопись въ библ. Импер. театровъ, 1842 г.).

Уже одинъ перечень драматическихъ опытовъ Некрасова показываетъ, съ какимъ усердіемъ онъ отдался имъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ два съ половиной, maximum, въ три года, имъ написано 10 пьесъ, и это при условіи, что онъ продолжалъ все это время сотрудничать въ „Пантеонѣ русскихъ театровъ“ и въ „Литературной газетѣ“, помѣщая въ обоихъ изданіяхъ небольшія повѣсти и разсказы. Подобная интенсивность работы въ области драматическаго творчества объясняется въ нѣкоторой мѣрѣ и необходимостью добывать себѣ пропитаніе, такъ какъ матеріальныя бѣдствія Некрасова достигли въ то время своего апогея, и юношескимъ тщеславіемъ поэта, пищу для котораго давалъ успѣхъ первыхъ его водевилей, поставленныхъ на сценѣ Александринскаго театра. Считаясь съ этими факторами, думается, нельзя отрицать и наличности безкорыстнаго увлеченія юноши Некрасова театромъ. Однимъ изъ доказательствъ силы и глубины этого увлеченія можетъ служить помѣченное 1853 годомъ стихотвореніе Некрасова „Памяти . . ой,“ т. е. Асенковой, одной изъ наиболѣе талантливыхъ и популярныхъ артистокъ Петербургскаго театра конца 30-хъ, начала 40-хъ годовъ. Удивительна свѣжесть и неподдѣльность чувствъ автора, которыя, являясь результатомъ сравнительно давнихъ воспоминаній, проникаютъ все стихотвореніе и служатъ живымъ отраженіемъ настроеній безвозвратно минувшей, но дорогой молодости. Сколько искренней грусти чувствуется въ трогательныхъ стихахъ, которыми начинается это стихотвореніе:

„Въ тоскѣ по юности моей
И въ мукахъ разрушенья,
Прошедшихъ невозвратныхъ дней
Припомнивъ впечатлѣнья,
Одно изъ нихъ я полюбилъ
Будить въ душѣ суровой,
Одну изъ множества могилъ,
Оплакалъ скорбью новой...

Разсказавъ объ удачномъ дебютѣ Асенковой, объ ея исполненномъ благородства и высоко-нравственномъ поведеніи, вызвавшемъ раздраженіе и клевету отвергнутыхъ „старыхъ богачей и молодыхъ нахаловъ“,—клевету, которая привела молодую актрису къ могилѣ, поэтъ продолжаетъ:

Ихъ говоръ лишь тогда затихъ,
Какъ смерть тебя сразила...
Ты до послѣднихъ дней своихъ
Со сцены не сходила.
Въ сознаньи свѣтлой красоты
И творческаго чувства,
Восторгъ толпы любила ты,
Любила ты искусство,
Любила славу... Твой закатъ
Былъ страненъ и прекрасенъ:
Горѣлъ огнемъ глубокій взглядъ,
Пронзителенъ и ясенъ;
Пылали щеки; голосъ сталъ
Богаче страстью нѣжной...
Увы! театръ рукоплескалъ
Съ тоскою безнадежной!
Сама ты знала свой удѣлъ,
Но до конца, какъ прежде,
Твой голосъ погасая пѣлъ
О счастьѣ и надеждѣ.
Не такъ ли звѣздочка въ ночи,
Срываясь, упадаетъ,
И на лету свои лучи
Послѣдніе роняетъ?..

Само собой разумѣется, что такія прочувствованныя строки могли вырваться только у человѣка, искренно и глубоко любящаго искусство. Несомнѣнно, что эта любовь горѣла еще ярче въ душѣ двадцатилѣтняго юноши, какимъ былъ Некрасовъ во время своего „драматическаго писательства“. Восторженно увлекаясь театромъ, пробуя свои силы, какъ драматургъ. Некрасовъ въ то же время не пренебрегалъ и теоретическими вопросами искусства. Многаго въ этой области онъ,

конечно, дать не могъ, благодаря своей молодости и пробѣламъ образованія, но тѣмъ не менѣе редакторъ „Пантеона“ Ѳ. А. Кони счелъ возможнымъ веденіе отвѣтственнаго отдѣла „Лѣтопись русскаго театра“ довѣрить Некрасову. Послѣднему, несомнѣнно [1]), принадлежатъ статьи о русскомъ театрѣ въ №№ 1, 2 и 3 „Патеона“ за 1841 г.

Въ нихъ авторъ высказываетъ нѣсколько здравыхъ мыслей, показывающихъ и нѣкоторую начитанность и здравый вкусъ. Въ одной изъ нихъ онъ горячо расхваливаетъ „Каріолана“ Шекспира и негодуетъ на сокращеніе „Мессинской невѣсты“ Шиллера, въ другой смѣется надъ пристрастіемъ русской публики къ пьесамъ раздирательнаго содержанія. Однако веденіе въ Пантеонѣ „Лѣтописи русскихъ театровъ“ Некрасовымъ не было продолжительнымъ. Съ 4-го № журнала за 1841 г. появляются статьи, повидимому, другого автора.

Можетъ быть здѣсь не остался безъ вліянія довольно таки курьезный эпизодъ, случившійся съ молодымъ рецензентомъ. Въ № 1 „Пантеона“ имъ была помѣщена рецензія объ исполненіи пьесы „Женскій умъ лучше всякихъ думъ“, которая въ дѣйствительности не была играна по болѣзни одного актера. Очевидно, Некрасовъ ушелъ отъ театра ранѣе окончанія спектакля и будучи убѣжденъ, что поставленный въ программѣ водевиль игрался, сфантазировалъ рецензію. Булгаринская „Сѣверная Пчела“ отмѣтила, однако, эту небрежность и порядкомъ таки поиздѣвалась надъ авторомъ рецензіи, которому пришлось оправдываться въ слѣдующемъ номерѣ „Пантеона“.

Эти предварительныя замѣтки, характеризующія отношеніе Некрасова къ театру, даютъ возможность съ

---

[1]) Въ № 1 „Лѣтопись русскаго театра“ подписана иниціалами Н. Н., въ № 2—безъ подписи и въ № 3 подписана „ . . й . . въ“.

полнымъ основаніемъ утверждать, что дебюты его въ области драматическаго творчества явились, главнымъ образомъ, плодомъ искренняго и безкорыстнаго увлеченія. Становясь на эту точку зрѣнія, нетрудно объяснить и проявлявшееся, какъ мы видѣли и впослѣдствіи, тяготѣніе поэта къ діалогу. Ни одно искренее увлеченіе не можетъ пройти совершенно безслѣдно. Не прошли безслѣдно и для поэзіи Некрасова драматическіе его опыты. Еще въ юности создалась привычка къ драматизаціи, и отъ этой привычки Некрасовъ не могъ вполнѣ отрѣшиться даже въ періодъ полной зрѣлости своего таланта.

Въ 1856 году онъ даже повторяетъ „грѣхи своей юности", передѣлавъ въ водевильную сцену одну изъ главъ своего романа „Три страны свѣта", и подъ заглавіемъ „Осенняя Скука" печатаетъ ее въ изданномъ книгопродавцемъ Давыдовымъ „Сборникѣ для легкаго чтенія". На этомъ единственномъ чисто драматическомъ опытѣ зрѣлаго Некрасовскаго таланта, нѣтъ надобности останавливаться особенно подробно, такъ какъ „Осенняя скука" не болѣе, какъ водевильная картинка изъ быта дореформенныхъ помѣщиковъ. Богатый и одинокій помѣщикъ Ласуковъ, томясь отъ бездѣлья и отсутствія общества, придумываетъ себѣ различныя развлеченія. Онъ то заставляетъ своего казачка плясать, то принуждаетъ его искать имъ же спрятанный ключъ, то разноситъ повара за грибной соусъ, то поднимаетъ на ноги весь домъ, заставляя разыскивать свою шубу и т. д. Все это выдумывается въ краткіе промежутки бодрствованія. Большую же часть дня Ласуковъ проводитъ въ сонномъ или полусонномъ забытьѣ. Остроумно и живо написанная, эта пьеска еще и теперь съ удовольствіемъ смотрится на сценѣ. Въ свое время она могла имѣть и нѣкоторое общественное значеніе, рисуя бездѣятельность и апатичность русскаго помѣстнаго дворянства, представители котораго тѣ-

шатъ себя отъ скуки шутками, близкими къ издѣвательству надъ безгласными крѣпостными.

Обращаясь къ характеристикѣ вышеуказанныхъ драматическихъ опытовъ юноши Некрасова отмѣтимъ, прежде всего, что почти всѣ они подписаны псевдонимомъ Некрасова „Н. А. Перепельскій". Однако, этотъ псевдонимъ былъ до извѣстной степени секретомъ полишинеля, благодаря развязности рецензента все той же „Сѣверной Пчелы". Вскорѣ послѣ представленія на сценѣ Александринскаго театра, одного изъ первыхъ водевилей Некрасова „Шила въ мѣшкѣ не утаишь", въ „Сѣверной Пчелѣ" (№ 180, 1841 г.) появился отзывъ объ этой пьесѣ г. Л. Л. (Межевичъ), полный преувеличенныхъ похвалъ и разоблачавшій, между прочимъ, псевдонимъ автора. Эта развязность г. Л. Л. вызвала энергичный протестъ въ литературныхъ кругахъ, къ которому присоединился и авторитетный голосъ Бѣлинскаго („Отеч. Зап."). Не оставилъ безъ вниманія выходки „Сѣверной Пчелы" и самъ Некрасовъ. Въ № 66-мъ „Литературной Газеты" за 1841 г. онъ напечаталъ длинное письмо въ редакцію, въ которомъ писалъ, что онъ ожидалъ на свою пьесу, „сообразуясь съ похвальной тактикой нѣкоторыхъ газетъ, порядочнаго гоненія". „Представьте же мое огорченіе—продолжаетъ онъ—когда вмѣсто того, я нашелъ себѣ филиппику [1]), изображенную г. Л. Л. Эти отчаянныя, неловкія и неумѣстныя похвалы привели меня въ ужасъ. Похвалы Л. Л. все то же, что явное намѣреніе повредить молодому литератору. Это доказывается еще и тѣмъ, что г. Л. Л. позволилъ себѣ шутку въ высшей степени неприличную въ литературѣ: онъ печатно объявилъ, что г. Перепельскій есть Некрасовъ". Далѣе авторъ письма говоритъ, что послѣ этого онъ не можетъ дорожить похвалами Л. Л. тѣмъ болѣе, онѣ не есть

---

[1]) Неправильное употребленіе слова въ смыслѣ обратномъ его значенію.

„слѣдствіе внутренняго убѣжденія“, ибо, когда Л. Л. писалъ въ „Литературной Газетѣ“ онъ бранилъ „Мечты и Звуки“, теперь же, перейдя въ „Сѣверную Пчелу“ и полемизируя противъ „Литературной Газеты“, онъ находитъ въ его произведеніяхъ огромный талантъ. Ссылаясь далѣе на другіе примѣры литературнаго флюгерства Л. Л., Некрасовъ не желаетъ признать суда этого рецензента еще и потому, что ему „кажется несовмѣстимымъ съ званіемъ писателя стоять въ похвалахъ его наряду съ шляпникомъ Симисомъ, съ лавкой Елисѣева, съ комодомъ Шиллера, съ трактиромъ Леграна, которымъ г. Л. Л. расточаетъ лавры, наравнѣ съ людьми, посвятившими себя благородному занятію литературой“. Въ заключеніе авторъ письма говоритъ, что похвалы Л. Л. онъ объясняетъ единственно желаніемъ поссорить его съ Кони ссылкой на покровительство послѣдняго.

Л. Л. не могъ не оставить безъ вниманія всѣхъ этихъ нападокъ. Онъ пытался на страницахъ „Сѣв. Пч.“ оправдаться, говоря, что авторъ водевиля являлся на вызовы публики, и онъ рецензентъ, не могъ не слышать его настоящей фамиліи. Вся эта исторія интересна для насъ потому, что съ одной стороны даетъ матеріалъ для характеристики литературныхъ нравовъ того времени, а съ другой рисуетъ отношеніе молодого Некрасова къ булгаринскому органу. Между строками цитированнаго письма въ редакцію такъ и сквозитъ затаенное негодованіе противъ той гаденькой литературы, насадителемъ которой являлся редакторъ „Сѣв. Пчелы“. Отсюда видно, что еще задолго до знакомства съ Бѣлинскимъ Некрасовъ уже началъ вырабатывать себѣ опредѣленныя литературныя и общественныя симпатіи.

Покончивъ съ вопросомъ о псевдонимѣ Некрасова, обратимся къ самымъ его пьесамъ. Прежде всего возникаетъ, разумѣется, вопросъ объ ихъ самобытности и оригинальности. По отношенію большинства этихъ пьесъ

сомнѣній быть не можетъ. Такъ относительно нѣкоторыхъ изъ нихъ извѣстно, что онѣ передѣланы или переведены съ французскаго. Таковы: „Вотъ что значитъ влюбиться въ актрису“, „Дѣдушкины попугаи“, „Кольцо Маркизы“ и „Материнское благословеніе“. Двѣ другія: „Шила въ мѣшкѣ не утаишь“ и „Похожденія Столбикова“ представляютъ собой передѣлки произведеній русскихъ авторовъ, первая одного изъ водевилей Нарѣжнаго, вторая—романа Квитки Основьяненко. Такимъ образомъ вопросъ сводится къ опредѣленію степени оригинальности слѣдующихъ 4-хъ пьесъ: „Дѣтство Ломоносова“, „Водевильныя сцены изъ журнальной жизни“, „Актеръ“ и „Ѳеоклистъ Бобъ“. Категорическое рѣшеніе этого вопроса по отношенію ко всѣмъ этимъ пьесамъ весьма затруднительно. Объ абсолютной оригинальности „Актера“, воспроизводящаго заѣзженный на сценѣ мотивъ переодѣванія, и, „Ѳеоклиста Боба“, сюжетъ котораго построенъ на замѣнѣ одного мужа другимъ и комическихъ спорахъ настоящаго и фальшиваго мужей,—надо говорить съ большой осторожностью; вѣрнѣе всего, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ оригинальной переработкой заимствованнаго сюжета. Болѣе оригинальна, повидимому, пьеса: „Дѣтство Ломоносова“, едва ли не самая ранняя изъ Некрасовскихъ пьесъ, и никакихъ уже сомнѣній не возбуждаетъ оригинальность „Водевильныхъ сценъ“.

Руководствуясь этими соображеніями, представляется возможнымъ раздѣлить драматическіе дебюты Некрасова на три группы. Въ первую войдутъ пьесы оригинальныя, понимая эту оригинальность нѣсколько относительно, во вторую—пьесы-передѣлки на сюжеты русскихъ писателей и въ третью — пьесы, переведенныя съ французскаго.

Свое знакомство съ драматическими произведеніями Некрасова мы и начнемъ съ пьесъ первой категоріи.

ГЛАВА II.

Наиболѣе раннимъ изъ драматическихъ произведеній Некрасова является, повидимому „Юность Ломоносова“, названная авторомъ драматической фантазіей. Эта пьеса напечатана въ 1902 г. въ „Литературномъ архивѣ“ Картавова и помѣчена 1840 годомъ, тогда какъ другія его пьесы относятся уже къ 1841 г. Въ рукописи, по удостовѣренію г. Картавова, предполагалось для нея такое названіе: „дѣтская драматическая фантазія въ 2-хъ сценахъ“. Впослѣдствіи слово „дѣтская“ было выпущено авторомъ, но его присутствіе въ рукописи даетъ основаніе думать, что Некрасовъ не придавалъ серьезнаго значенія „Юности Ломоносова“, о которой даже не извѣстно, была ли она издана или нѣтъ, хотя корректурные листы, подписанные авторомъ сохранились, точно такъ же, какъ и цензорская помѣтка Евстафія Ольдекопа. Съ другой стороны, нахожденіе этой пьесы въ бумагахъ г. Полякова вмѣстѣ со сказкой Некрасова „Баба Яга костяная нога“ и двумя дѣтскими водевилями, „Великодушный поступокъ“, посвященнымъ десятилѣтнему мальчику В. Ѳ. Фермору, и „Федя и Ваня“, доказываетъ, что Некрасовъ написалъ свою пьесу въ тотъ періодъ своего петербургскаго пребыванія, когда поглощенный заботой о кускѣ хлѣба, онъ принужденъ былъ заниматься макалатурой, находясь въ полной матеріальной зависимости отъ книгопродавцевъ. Естественно, что подобнаго рода условія дѣятельности не могли не отразиться на разсматриваемой пьесѣ, и дѣйствительно, ее нельзя не признать очень

слабымъ произведеніемъ. Содержаніе ея въ краткихъ чертахъ таково. Дѣйствіе происходитъ въ простой крестьянской избѣ; „старикъ“ (очевидно, отецъ Ломоносова), „женщина“ (надо думать, мать его) сѣтуютъ на плохія времена и на бѣдность. Единственная надежда ихъ на сына Михаила. Послѣдній зачитавшись, не слышитъ ихъ разговора. Родители упрекаютъ его за лѣность, проистекающую отъ чрезмѣрнаго увлеченія чтеніемъ. Михаилъ признается, что онъ очень любитъ книги и вообще ученье и проситъ отца отвезти его въ Питеръ. Отецъ и слышать не хочетъ и отнимаетъ книги у сына.

Во второй сценѣ дѣйствіе переносится въ полѣ, вблизи большой дороги. Михаилъ одинъ, скорбитъ о невозможности осуществить свои мечты и сдѣлаться ученымъ. Мимо него проѣзжаютъ нѣсколько путешественниковъ. Михаилъ набирается рѣшимости, проситъ проѣзжающаго извозчика подвезти его и уѣзжаетъ съ нимъ въ Питеръ. Тотчасъ послѣ его отъѣзда приходитъ отецъ съ матерью и плачутъ, не находя своего сына. Въ эпилогѣ Ломоносовъ, сидя въ великолѣпномъ кабинетѣ, произноситъ монологъ о своихъ успѣхахъ.

Недостатки этой пьески очевидны. Не говоря уже о нарушеніи исторической правды (отецъ Ломоносова вовсе не былъ бѣденъ, мать его давно умерла), извинительномъ для молодого и не получившаго систематическаго образованія литератора, нельзя не указать на почти полное отсутствіе изображенія душевной борьбы Ломоносова. У Некрасова этотъ сюжетъ трактуется чрезвычайно наивно: Михаилъ хочетъ учиться, скорбитъ о препятствіяхъ, какъ ему кажется, непреодолимыхъ, вдругъ появляется благодѣтельный извозчикъ, Михаилъ садится на его телѣгу и былъ таковъ.

Если бы Некрасовъ подробнѣе ознакомился съ біографіей Ломоносова, то онъ узналъ бы изъ нея, что такія дѣла не дѣлаются такъ легко: Ломоносову приш-

лось передъ отъѣздомъ много раздумывать и хлопотать: и паспортъ надо было добыть, и деньги, и одежду.

Несмотря, однако, на слабыя стороны пьесы, въ ней есть и нѣкоторыя достоинства. Мѣстами Некрасову удается народная рѣчь. Вотъ для примѣра цитата изъ I-ой сцены:

Старикъ. „Плохія времена; прогнѣвался на насъ
Правдивый Богъ; хлѣба, покосы плохи:
Того гляди, придется голодать,
Придется продавать послѣдніе лаптишки;
На ту еще бѣду ни щука, ни карась,
Ни сельди, ни треска не ловятся изрядно,
Охъ, охъ! старуха! худо время!
Женщина . . . . . Ась?
Кажись, ворчишь недоброе ты что-то;
Господь дастъ день и пищу,—не тужи!
Старикъ. Да хороша пословица, а знаешь
Пословицу другую: на Бога надѣйся
Да не плошай и самъ? и это хороша;
Вздохнешь и нехотя, какъ нѣту ни гроша;
А силы все слабѣе, да слабѣй,
Охъ! что-то мы съ тобой, старуха,
Тогда начнемъ, какъ выбьемся изъ силъ!“

Нѣкоторой живостью отличается также изложеніе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ авторъ вкладываетъ въ уста Ломоносова слова о томъ, какъ его привлекаетъ Питеръ и ученье. Это упоминаніе о Питерѣ очень характерно, Ломоносовъ, вѣдь, бѣжалъ сначала въ Москву, а не въ Питеръ. Откуда же взялъ Некрасовъ „Питеръ“? Надо думать, что говоря о стремленіи Ломоносова въ столицу, авторъ вспоминалъ свое прошлое. Вѣдь Некрасовъ съ полнымъ правомъ могъ отнести къ себѣ хотя бы слѣдующій отрывокъ изъ эпилога „Юности Ломоносова“:

„Трудовъ не мало перенесъ я,
Не рѣдко даже голодалъ,
Съ людьми боролся и съ судьбою,
Дороги самъ себѣ искалъ!
Самъ шелъ всегда безъ руководства“ и т. д.

Основанія для аналогіи между бѣдственной жизнью Ломоносова въ Москвѣ и Некрасова въ Петербургѣ несомнѣнно имѣются тѣмъ болѣе, что если Ломоносовъ бѣжалъ изъ родительскаго дома ради страсти къ наукѣ, то Некрасовъ изъ желанія поступить въ Университетъ, вопреки волѣ отца, пренебрегъ дворянскимъ полкомъ и матеріальной поддержкой семьи. Можно догадываться, что указанная аналогія и натолкнула Некрасова на мысль свой первый драматическій опытъ посвятить Ломоносову.

Что касается идейной стороны содержанія „Юности Ломоносова", то несмотря на то, что Михаилъ въ мечтахъ о своей будущности, не чуждъ повидимому и тщаславія („ворочусь я ученый, умный, ото всѣхъ почтенъ; съ чинами и съ богатствомъ"), основная мысль пьесы заслуживаетъ полнаго сочувствія.

Много искренности слышится, хотя бы въ этихъ словахъ Ломоносова:

Михаилъ. . . . . Я радъ
Все претерпѣть, лишь можно бъ было
Мнѣ тамъ въ училище вступить;
О, какъ бы я учиться началъ!
Все бъ для науки я забылъ!
Мнѣ, право, батюшка, порой
На умъ идетъ, что безъ науки
Могу я умереть со скуки;
Давно ужъ я грущу душой.
Всѣ книги, что отецъ Никифоръ
Оставилъ мнѣ ужъ я прочелъ,
Почти ужъ выучилъ на память,
А жить безъ книгъ я не могу...
Сведи же въ Питеръ, мой родимый,
Меня, и въ школу тамъ отдай!
Я скоро выучусь, пріѣду,
И съ вами снова буду жить!

Девизъ пьесы „все для науки" дѣлаетъ честь девятнадцати-лѣтнему ея автору, голодному и сирому, и извиняетъ недостатки формы и композиціи.

Если въ „Юности Ломоносова" Некрасовъ устами

своего героя защищаетъ и отстаиваетъ значеніе науки въ жизни, то въ другой своей пьесѣ—одноактномъ водевилѣ „Актеръ“ онъ касается не менѣе важнаго вопроса о роли и значеніи искусства.

Правда, этотъ вопросъ трактуется въ произведеніи, по своей формѣ и настроенію, нѣсколько не отвѣчающимъ его важности, но тѣмъ не менѣе самая постановка его авторомъ указываетъ, какъ серьезно послѣдній относился къ нему. Въ „Актерѣ“ начинающій драматургъ рисуетъ нѣсколько типовъ, взятыхъ изъ средняго помѣщицьяго круга.

Саратовскій помѣщикъ Кочергинъ, ярый билліардистъ, любящій больше всего на свѣтѣ развлекаться, проживаетъ въ С.-Петербургѣ. За его дочерью Лидіей ухаживаетъ молодой чиновникъ Сухожиловъ; онъ пользуется взаимностью; отецъ Лидіи ничего не имѣетъ противъ ихъ брака: въ ближайшемъ будущемъ ожидается пріѣздъ матери Сухожилова, отъ которой зависитъ окончательное рѣшеніе.

Кочергинъ не даетъ Сухожилову покоя, принуждая его играть съ нимъ въ билліардъ. Чтобы хотя на нѣкоторое время избавиться отъ его приставаній, Сухожиловъ обѣщаетъ ввести къ Кочергинымъ въ домъ своего пріятеля актера Стружкина. Уже одно упоминаніе объ актерѣ приводитъ Кочергина въ восторгъ:

„Актеръ—восклицаетъ онъ—слышишь, Лидія, къ намъ хотятъ привести актера... Я очень радъ буду! Люблю посмѣяться... ха, ха!

...Актеръ... помнишь, Лидія, когда мы жили въ Саратовѣ и зазвали какого-то заѣзжаго штукаря... такія колѣнца онъ выкидывалъ, что чудо!.. А это столичный должно быть еще лучше... ха, ха!..“

Въ этомъ взглядѣ Кочергина на актера, какъ на „штукаря“, призваннаго смѣшить праздную толпу—вся завязка пьесы.

Когда къ нему въ домъ приходитъ приглашенный

Сухожиловымъ Стружкинъ, то онъ встрѣчаетъ его хохотомъ, каждое движеніе актера истолковываетъ, какъ намѣренное притворство, имѣющее цѣлью разсмѣшить и развлечь его. Сначала Стружкинъ не понимаетъ, въ чемъ дѣло, говоритъ съ Кочергинымъ серьезно и недоумѣваетъ его безпричинной смѣшливости. Наконецъ онъ догадывается, какую унизительную роль ему приходится играть, тщетно пытается разъяснить Кочергину все благородство миссіи артиста и кончаетъ тѣмъ, что уходитъ, поклявшись отомстить Сухожилову, поставившему его въ такое нелѣпое положеніе.

Вскорѣ, послѣ его ухода къ Кочергину является мать Сухожилова, типичная Простакова, она подозриваетъ, что „ея сынишку“ обманываютъ и, узнавъ, что Кочергинъ не можетъ дать за дочерью большого приданнаго, объявляетъ, что свадьбѣ этой не бывать, и демонстративно удаляется.

Тотчасъ послѣ нея къ Кочергину приходитъ татаринъ и, продавая шали, сплетничаетъ о Сухожиловѣ, говоря, что послѣдній имѣлъ много любовницъ, разорился на нихъ и теперь желаетъ поправить дѣла женитьбой на богатой. Это извѣстіе приводитъ Кочергина въ ярость, онъ теперь, въ свою очередь, и слышать не хочетъ о свадьбѣ. Явившійся было Сухожиловъ изгоняется съ позоромъ и, выходя изъ двери, сталкивается съ итальянцемъ и разбиваетъ нѣсколько бюстовъ, которые послѣдній носитъ на продажу. Итальянецъ является къ Кочергину и проситъ его возмѣстить убытки. Послѣдній долженъ уплатить ему 5 руб. Новая попытка Сухожилова помириться съ будущемъ тестемъ также окончилась бы неудачей, если бы не получилось письмо отъ актера, въ которомъ послѣдній сообщалъ, что подъ видомъ старухи Сухожиловой, татарина и итальянца являлся къ Кочергину онъ, желая отомстить Сухожилову.

Содержаніе водевиля, какъ видитъ читатель, не от-

личается серьезностью, но тѣмъ не менѣе въ немъ на фонѣ чисто водевильныхъ положеній проводится ясно и опредѣленно мысль о крупномъ значеніи „святого“ искусства, заслуживающаго не глумленія со стороны невѣждъ, а серьезнаго и почтительнаго отношенія. Вотъ что, напримѣръ, говоритъ актеръ, отвѣчая на вопросъ, какъ онъ попалъ „на такую должность“.

Стружкинъ: „Любовь къ театру заставила меня посвятить себя благородному званію артиста . . . . . .

Я горячо полюбилъ театръ и сталъ ревностно изучать образцы.

Вы ошибаетесь... я вовсе не думалъ васъ смѣшить... я не шутъ, государь мой, артистъ... это такая разница, какъ небо и земля! Шутомъ можетъ быть всякій дуракъ, а артистомъ только человѣкъ съ дарованіемъ. . . . . .
Вы приняли меня за уличнаго паяца, за фигляра!

И вотъ какъ у насъ понимаютъ искусство!
Вотъ какъ на жрецовъ его люди глядятъ:
Ты тратишь и силы и душу и чувство,—
За то тебя именемъ шута клеймятъ!
Талантъ твой считаютъ за ложь и обманы,
Понять его выше ихъ силъ и ума.
Имъ нѣтъ въ немъ святыни; для нихъ шарлатаны
И Гаррикъ, и Кинъ, и Лекенъ, и Тальма.

Въ этой тирадѣ въ защиту сценическаго искусства и въ этомъ куплетѣ нѣтъ уже ничего водевильнаго; наоборотъ, въ нихъ чувствуются чисто драматическія ноты, скорбь человѣка, святая святыхъ котораго осмѣяли и втоптали въ грязь. Въ цитированныхъ строфахъ уже звучитъ та нота пламеннаго протеста и жгучаго негодованія, которая составила славу позднѣйшаго Некрасова.

Въ этомъ же водевилѣ молодой поэтъ обнаружилъ и другую сторону своего таланта: способность живо и реально воспроизводить явленія дѣйствительности. Такимъ чисто фонвизинскимъ реализмомъ проникнута вся сцена разговора Кочергина и Сухожиловой (см. прилож. № 13).

Помѣщица Сухожилова это, повторяемъ, типичная

Простакова, заботящаяся уже не столько о воспитаніи своего Митрофана, сколько объ его женитьбѣ. Отношенія ея къ „холопамъ“ возмутительное: она находитъ, что бить ихъ палкой неудобно, для этой цѣли необходима спеціальная нагайка. Здѣсь, по всей вѣроятности, сказался отголосокъ впечатлѣній Некрасова отъ обращенія съ крѣпостными его отца. Во всякомъ случаѣ, чтобы создать типъ Сухожиловой, особенно будучи 20-ти лѣтъ отроду, надо было имѣть много наблюдательности и знанія жизни.

Сцены съ татариномъ и итальянцемъ вышли несравненно слабѣе, не помогло и намѣренное коверканье русскаго языка.

Куплетовъ въ водевилѣ довольно много, однако, они особенными достоинствами не блещутъ. Нѣсколько позднѣе куплеты удавались Некрасову гораздо лучше. Одинъ изъ нихъ, входившій, кажется, въ одно изъ первыхъ изданій стихотвореній Некрасова, поражаетъ своею вульгарностью. На сценѣ, однако, онъ могъ производить эффектъ, благодаря нѣкоторой рискованности сюжета. Кочергинъ, дѣлая дочери наставленіе передъ предстоящимъ бракомъ, вспоминаетъ свое супружество и поетъ:

Два мѣсяца мы жили очень мирно,
На третій вдругъ вздурилася жена.
Вскочивши, я скомандовалъ ей: „смирно“!
Тарелкой въ лобъ пустила мнѣ она.
И съ той поры не становилась тише;
Все на меня сердилась ночь и день
И ужъ къ себѣ не подпускала ближе,
Какъ на одну печатную сажень.
Мнѣ это страхъ какъ было нездорово,
День ото дня ставало тяжелѣй—
И наконецъ, чтобъ сблизиться съ ней снова,
Былъ принужденъ я покориться ей!
Такъ шли дѣла; въ два мѣсяца недальше
Покорнымъ быть я ей во всемъ привыкъ...
Она себѣ жить стала генеральшей,
А я у ней былъ точно, какъ деньщикъ!

Куплетомъ же, по обычаю того времени, и кончается водевиль. Этотъ заключительный куплетъ начинается съ того, что Кочергинъ хохочетъ, довольный благополучной развязкой исторіи и поетъ по адресу актера:

Ха, ха, ха! Должно признаться,
Онъ насъ очень разсмѣшилъ,
И отъ смѣха удержаться
Не стаетъ ужъ нашихъ силъ.

(къ публикѣ)

Но для насъ всего важнѣе
Вашъ серьезный приговоръ,—
Такъ рѣшите поскорѣе
Насмѣшилъ ли васъ актеръ?

На этотъ вопросъ, по общимъ отзывамъ, былъ данъ самый благопріятный отвѣтъ. Водевиль прошелъ съ шумнымъ успѣхомъ, благодаря живости сюжета и прекрасной игрѣ В. В. Самойлова, исполнявшаго главную роль.

Благодаря успѣху на сценѣ, „Актеръ“ не остался не отмѣченнымъ и критикой. О немъ появилась рецензія въ „Репертуарѣ русскаго театра“ (№ 10, 1841 г.); однако, въ ней излагалось лишь содержаніе водевиля; критики не было вовсе, если не считать слѣдующаго замѣчанія по поводу переодѣванія Стружкина: „охъ, ужъ эти переодѣванія! Неужели есть еще добрые люди, которымъ они не надоѣли“. Замѣчаніе довольно основательное, такъ какъ русскіе водевилисты 30—40 годовъ безспорно злоупотребляли этимъ сценическимъ пріемомъ. Однако, Некрасову трудно особенно ставить въ вину употребленіе, хотя и надоѣвшаго, но слишкомъ еще обычнаго „переодѣванія“. Другая рецензія появилась въ XIX т. „Отеч. Записокъ“ (1841 г.); въ ней опять-таки излагается лишь содержаніе водевиля, который названъ „оригинальнымъ“.

Затронувъ въ „Юности Ломоносова“ и въ „Актерѣ“ вопросъ о значеніи науки и искусства, въ „Водевильныхъ сценахъ изъ журнальной жизни“ Некрасовъ касается общественной роли литературы вообще и условій журнальной работы въ частности. Оригинальность этой пьесы, нигдѣ не игранной, да и написанной, повидимому, не для сцены, не вызываетъ особыхъ [1]) сомнѣній. Въ ней подъ именемъ Сѣмячко, Некрасовъ выводитъ своего благожелателя и покровителя, редактора „Пантеона русскихъ театровъ“, а потомъ и „Литературной Газеты“—Ѳ. А. Кони, подъ псевдонимомъ же Пельскаго—самого себя. „Водевильныя сцены“ несмотря на нѣкоторую утрировку, замѣчающуюся въ одѣльныхъ мѣстахъ, въ общемъ проникнуты реализмомъ. Это, несомнѣно, объясняется тѣмъ, что въ нихъ Некрасовъ изобразилъ и литературные нравы своего времени и внѣшнюю сторону журнальной жизни, уже хорошо ему знакомые за два года мыканья по петербургскимъ редакціямъ. Передъ нами „опрятно и довольно роскошно убранный“ кабинетъ журналиста Сѣмячко. Послѣдній въ длинномъ монологѣ, въ которомъ проза чередуется со стихами (см. приложеніе № 14), сѣтуетъ на тяжелыя условія редакторской работы: писать часто приходится на заказъ, подъ мѣрку наборщика; чтеніе корректуръ, присылаемыхъ съ ранняго утра, отнимаетъ массу времени; въ конкурирующихъ газетахъ—вѣчная брань по твоему адресу; пуще всего приходится страдать отъ назойливыхъ бездарныхъ писакъ, пристающихъ, со своими часто архи-нелѣпыми статьями; въ результатѣ—нерѣдко не успѣваешь во время всего сдѣлать, и

---

[1]) Нѣкоторое вліяніе на „Водевильныя сцены“ могла, пожалуй, имѣть напечатанная въ десятой книжкѣ „Пантеона“ за 1840 годъ пьеса Кони „Петербургскія квартиры“. Ея четвертый актъ („Квартира журналиста на Козьемъ болотѣ“) вызвалъ горячія похвалы Бѣлинскаго. Въ этомъ актѣ, въ лицѣ Задарина (Булгарина) изобличался продажный журналистъ; благороднаго же по убѣжденіямъ сотрудника Задарина зовутъ Сѣмячко.

номеръ запаздываетъ выходомъ, что вызываетъ упреки и недовольство публики.

На этотъ разъ Сѣмячко также осаждается цѣлою толпою начинающихъ писателей. Прежде всего къ нему является Оболтусовъ, который „несмотря на цвѣтущую молодость“ изучилъ уже Гомера, Софокла, Эврипида, всѣхъ древнихъ и новыхъ авторовъ, можетъ „читать на греческомъ, латинскомъ, арабскомъ, санскритскомъ языкахъ такъ же свободно, какъ и на русскомъ“. Оболтусовъ временно оставилъ свою научную дѣятельность и написалъ стихотвореніе „Комаръ“ въ китайскомъ вкусѣ на тему, почему молодая дѣвушка не убила укусившаго ее комара.

По уходѣ получившаго отказъ Оболтусова является сотрудникъ журнала Пельскій (напоминаемъ псевдонимъ Некрасова – Перепельскій). Разговоръ, происшедшій между нимъ и Сѣмячко, интересенъ, какъ въ біографическомъ отношеніи, такъ и потому, что въ немъ затрагивается принципіальный вопросъ о значеніи и желательномъ характерѣ журнальной полемики; поэтому мы воспроизводимъ его полностью:

Сѣмячко (входящему *Пельскому*). А! это вы... Ну, слава Богу, вы мнѣ поможете, милѣйшій мой! Вотъ вамъ, почитайте отъ скуки. Вы, кажется, ничего не дѣлаете.

Пельскій. Помилуйте, кто вамъ сказалъ? Да я цѣлый день за работой.

Сѣмячко. А все ничего нѣтъ. Что же вы сдѣлали?

Пельскій. Повѣсть написалъ, другую началъ, драму продолжаю, къ чужому водевилю куплеты придѣлываю, поэму передѣлываю, литературныя сцены пишу.

Сѣмячко. Все вдругъ... Вотъ отъ этого то у васъ и не выйдетъ ничего путнаго. Что вы такъ разстроены?

Пельскій.

Въ моей душѣ морозъ трескучій,
А надъ душой клубятся тучи,
А за душою ни гроша.
О, какъ пуста моя душа!...

Жизнь глупа, очень глупа. Особенно наша литературная.

Сѣм. Стыдитесь жаловаться. У васъ есть опредѣленная работа. Сдѣлалъ, да и гуляй себѣ на всѣ четыре стороны. Вы ни за что не отвѣчаете, а мы отвѣчаемъ даже за васъ. Вы глупо напишете, насъ бранятъ; вы сдѣлаете промахъ, насъ обвиняютъ въ неосмотрительности. Ваша жизнь завиднѣе нашей, вы сотрудники, а мы труженики.

Пельскій. Оно отчасти такъ, да вы сами виноваты. Ваши враги [1]) васъ бранятъ, смѣются надъ вашей фамиліей, дѣлаютъ изъ нея каламбуры; а вы не отвѣчаете имъ.

Сѣм. Я литераторъ, а не торговка съ рынка. Я могу входить въ споръ литературный, гдѣ отъ столкновенія мнѣній можетъ произойти польза для науки, искусства или словесности, но въ торгашническія перебранки, порождаемыя спекулятивнымъ взглядомъ на литературу моихъ противниковъ, я входить не могу и не намѣренъ.

Пельскій. Положимъ такъ, да публика-то на ихъ сторонѣ, она думаетъ, что вы молчите потому, что не имѣете ничего сказать въ оправданіе.

Сѣм. Пусть себѣ думаютъ, что хотятъ. Я для этого не намѣренъ отступать отъ моихъ правилъ и пятнать страницы моей газеты тою ржавчиною литературы, которую бы желалъ смыть кровью и слезами. Я хочу исполнять свое дѣло добросовѣстно и честно.— Кто любитъ то и другое—тотъ пойметъ безъ полемическихъ вылазокъ.

Пельскій остается въ редакціи и помогаетъ Сѣмячки, къ которому является нѣкій фонъ Шрейбрунъ съ семействомъ, повѣствующій съ комическою обстоятельностью ограниченнаго нѣмца о постигшихъ его несчастьяхъ и заканчивающій свою длинную рѣчь просьбой написать ему прошеніе для опредѣленія на должность учителя. Добрый Сѣмячко охотно соглашается удовлетворить эту просьбу.

Вслѣдъ за Шрейбруномъ въ редакцію является

---

[1]) Здѣсь, несомнѣнно, имѣется въ виду Булгаринъ, такъ какъ нѣсколько ранѣе, прочтя газету, Сѣмячко восклицаетъ: „Заларинъ (нетрудно угадать „Булгарина") каждый день меня угощаетъ, видно я ему солоно пришелся... Впрочемъ, за что сердиться? Отъ лжи, клеветы и низкихъ намековъ мое доброе имя не пострадаетъ. Пойду впередъ добросовѣстно;—публика разсудитъ, какое мнѣніе выше: *продажное* или неподкупное."

Будкинъ „франтъ въ закрученныхъ усахъ, раззавитой и раздушенный“. Онъ осыпаетъ комплиментами Сѣмячко за его сочиненія, особенно восхищается его театральными статьями и незамѣтно сводитъ разговоръ на актрису Глазкину, игру которой Сѣмячко не одобрилъ. Всячески превознося Глазкину, Будкинъ замѣчаетъ, что Сѣмячко куритъ сигары и предлагаетъ ему прислать ихъ тысячу. Въ концѣ разговора онъ почти насильно вырываетъ у Сѣмячко обѣщаніе придти на обѣдъ къ Кулону. По уходѣ Будкина Сѣмячко пишетъ ему записку, что быть у Кулона онъ не можетъ, а удивленному Пельскому разъясняетъ, что Будкинъ приходилъ подкупить его безпристрастіе и заставить его хвалить Глазкину.

По уходѣ Будкина является отставной подъячій Пуговицынъ. Производя слѣдствія, онъ записывалъ свои наблюденія и теперь, узнавъ, что Сѣмячко платитъ 150 руб. за листъ, принесъ къ нему свою повѣсть „Нищая“ трагически нелѣпаго содержанія. Разговоръ съ Пуговицынымъ прерывается поэтомъ Трезвоновымъ, который привѣтствуетъ Сѣмячко такимъ экспромтомъ.

„Со бреговъ Оки цвѣтущихъ
Духъ мой рвался на Парнасъ,
И, помимо всѣхъ живущихъ,
Наконецъ я вижу васъ...“

Не ограничившись имъ Трезвоновъ разражается цѣлымъ стихотвореніемъ [1]):

„Четыре есть рѣки на бѣломъ свѣтѣ—длинныхъ,
Широкихъ и большихъ, глубокихъ и картинныхъ;
Четыре красоты на бѣломъ свѣтѣ есть,
Величіе души, богатство, слава, честь...
Но въ бренномъ мірѣ жизни сей, въ превратномъ
этомъ мірѣ
Пороковъ и грѣховъ четырежды-четыре“.

[1]) По поводу этого стихотворенія Пельскій вспоминаетъ Грибовнякова, героя разсказа Некрасова „Безъ вѣсти пропавшій піита“ (1840 г. № 9 „Пантеона“).

Пуговицынъ знакомится съ Трезвоновымъ и они начинаютъ оживленно бесѣдовать. Въ это время является актеръ *Прыткій*, который пытается насплетничать Сѣмячко на своего товарища Бусова, играющаго въ пьесѣ Сѣмячко. Вмѣстѣ съ тѣмъ Прыткій хочетъ заполучить у Сѣмячко пьесу для своего бенефиса.

Наконецъ, въ редакцію приходитъ помѣщикъ Сухожиловъ благодарить редактора за то, что его дочка излечилась отъ болѣзни благодаря чтенію журнала.

На объясненіе со всѣми этими многочисленными посѣтителями уходитъ такъ много времени, что корректура остается непрочитанной. Пришедшій факторъ заявляетъ, что наборщики разошлись изъ типографіи, не дождавшись матеріала. Слѣдовательно, номеръ не выйдетъ. Сѣмячко въ полномъ отчаяньи, такъ какъ публика обвинитъ его же.

Хотя утрированность нѣкоторыхъ типовъ и сценъ этой пьесы внѣ всякаго сомнѣнія, тѣмъ не менѣе она все таки весьма правдиво и живо воспроизводитъ журнальную жизнь начала 40-хъ годовъ. Весьма типиченъ, напримѣръ, подъячій Пуговицынъ, который и выражается—то по формѣ всякихъ отношеній и донесеній, которыя, очевидно, писалъ тысячами („по особенному благоволенію мѣстнаго начальства, бывъ неоднократно посылаемъ на слѣдствія, въ продолженіе службы произвелъ ихъ до пяти сотъ“... и т. д.). Характерны заигрыванья съ Сѣмячко Будкина и Прыткаго, указывающія на тѣ дрязги и сплетничанье, которыми такъ славится театральный міръ. Наконецъ, вполнѣ реально воспроизведена въ пьесѣ та вѣчная толкотня и сутолока, которая является отличительной чертой многихъ редакцій.

Что касается идейнаго содержанія пьесы, то оно во всякомъ случаѣ дѣлаетъ честь ея молодому автору. Онъ, устами Сѣмячко, съ негодованіемъ возстаетъ противъ продажной прессы, противъ торгашническихъ

перебранокъ, которыя ведутся изъ спекулятивныхъ цѣлей.

„Польза науки, искусства или словесности“ вотъ, по его словамъ, цѣль литературной дѣятельности честнаго писателя. Этотъ взглядъ на литературу, требующій отъ нея извѣстной идейности, проходитъ красною нитью черезъ всю пьесу и служитъ новымъ подтвержденіемъ того, что еще задолго до знакомства съ Бѣлинскимъ, при самомъ началѣ своего писательскаго поприща, Некрасовъ уже руководился извѣстными принципами, въ общемъ тѣми же самыми, которымъ онъ остался вѣренъ, сдѣлавшись впослѣдствіи редакторомъ двухъ лучшихъ журналовъ своего времени. Характерно, что въ „Дѣловомъ разговорѣ“, относящемся къ 1851 году, т. е. ко времени, когда Некрасовъ уже испыталъ благотворное вліяніе Бѣлинскаго и редактировалъ „Современникъ“, мы встрѣчаемся съ тѣми же мыслями, по поводу напримѣръ журнальной полемики, какъ и въ „Водевильныхъ Сценахъ“. Вотъ что говоритъ подписчикъ изъ „Дѣлового разговора“:

„Забывъ достоинство своей журнальной чести,
Изъ зависти, вражды, досады, мелкой мести
Спѣшите вы послать врагамъ своимъ стрѣлу.
Враги стремительно бросаютъ вамъ перчатку—
И бурей роковой къ извѣстному числу
Все разрѣшается.., Ошибку, опечатку
Съ восторгомъ подхвативъ, готовы цѣлый томъ
О ней вы сочинить... А публика? Мы ждемъ,
Когда окончится промышленная схватка.
. . . . . О, выразить нѣтъ словъ,
Какъ сами вы себя роняете жестоко,
Какъ оскорбляете вы публику глубоко...

Нетрудно убѣдиться, какъ сходны эти мысли съ тѣми, которыя десятью годами раньше Некрасовъ вложилъ въ уста Сѣмячко.

Итакъ, въ той части своихъ драматическихъ дебютовъ, которую мы признали продуктомъ самобытнаго творчества, Некрасовъ касается вопросовъ принципіаль-

наго характера и, несмотря на легкость водевильной формы, рѣшаетъ ихъ съ полною серьезностью. Его взгляды на науку, искусство и литературу проникнуты все тѣмъ же идеализмомъ, присутствіе котораго было констатировано выше въ сборникѣ его юношескихъ стихотвореній.

Однако, не во всѣхъ драматическихъ произведеніяхъ Некрасова такъ опредѣленно проглядываетъ идейная подкладка, какъ въ „Юности Ломоносова", „Актерѣ" и „Водевильныхъ Сценахъ". Въ неразсмотрѣнномъ еще нами оригинальномъ водевилѣ его „Ѳеоктистъ Онуфричъ Бобъ", шедшемъ на сценѣ Александринскаго театра 26-го апрѣля 1841 года, въ бенефисъ Григорьева I-го, этой идейности мы уже не встрѣчаемъ. Ѳеоктистъ Бобъ начинаетъ занимать мысли Некрасова еще съ начала 1840 года. Во второй книжкѣ „Пантеона" за этотъ годъ Некрасовъ помѣщаетъ стихотвореніе „Провинціальный подъячій въ Петербургѣ". Въ немъ уже очень замѣтна та обличительно-сатирическая нотка, которая является однимъ изъ наиболѣе замѣтныхъ аккордовъ позднѣйшей поэзіи Некрасова[1]). Вотъ что, напримѣръ, разсказываетъ подъячій о своемъ обогащеніи:

Грамматику, эстетику
Изъ мысли я прогналъ,
Люблю лишь ариѳметику,
Отъ ней богатъ я сталъ.
Сперва я отъ *дѣленія*
Не мало получилъ:
Начальникъ отдѣленія
Дѣлить меня училъ.
По мѣрѣ повышенія
Мой капиталъ толстѣлъ
И росъ—отъ *умноженія*
Просителей и дѣлъ.

---

[1]) По поводу куплетовъ Боба Бѣлинскій въ статьѣ о „Пантеонѣ" пишетъ: „они такъ всѣмъ понравились и уже такъ всѣмъ извѣстны, что мы не имѣемъ нужды выписывать ихъ".

Дало плодъ *вычитаніе*
Какъ подчиненнымъ я
Не брать далъ приказаніе,
За *вычетомъ* себя.
Сложивъ все въ заключеніе,
Сложенье я узналъ,
И вышелъ изъ сложенія
Изрядный капиталъ.
Хоть шиворотъ на выворотъ
Я правила прошелъ,
Не выведутъ за шиворотъ,
Куда-бъ я не пошелъ!

Продолженіе этого стихотворенія, подписанное все тѣмъ же „Θеоктистомъ Бобомъ", помѣщено въ третьемъ номерѣ „Пантеона". Здѣсь уже гражданскій мотивъ исчезаетъ, замѣняясь пошловатыми и намѣренно вульгарными описаніями Петербурга отъ лица подъячаго. Но въ заключительной части стихотворенія, помѣщенной въ № 7 „Пантеона", вновь звучатъ гражданскія ноты. Основываясь на ихъ присутствіи въ стихотвореніяхъ, связанныхъ съ именемъ Боба, можно было бы ихъ ожидать и въ водевилѣ того же названія. Этого, однако, не случилось, и „Θеоктистъ Онуфричъ Бобъ" не болѣе, какъ легенькій и пустоватый по содержанію водевильчикъ.

Во время отсутствія Боба отставного чиновника, поѣхавшаго въ Петербургъ добывать себѣ мѣсто, къ его женѣ Аннѣ Петровнѣ обращается ея подруга Сибирякова съ просьбой пріютить на нѣсколько часовъ ея брата Кротова, который пріѣхалъ въ ихъ городъ, чтобы тайно обвѣнчаться съ дочерью одного богатаго помѣщика; Кротова, однако, благодаря сходству въ примѣтахъ, приняли за мошенника, укравшаго деньги, и преслѣдуютъ. Анна Петровна соглашается дать Кротову убѣжище въ своемъ домѣ и, чтобы пресѣчь возникающія было сплетни, выдаетъ его за своего мужа. Между тѣмъ настоящій Бобъ, котораго въ лицо знаютъ только его жена, да дядя Сыромолотный, неожиданно возвра-

щается изъ Петербурга. Происходитъ рядъ комическихъ сценъ между нимъ и Кротовымъ. Бобъ въ безпокойствѣ, которое переходитъ въ отчаяніе, когда его жена, желая во что бы то ни стало спасти Кротова, отрекается отъ него передъ всѣми родственниками. Сыромолотный, которому Бобъ по нечаянности запорошилъ глаза табакомъ, также не въ состояніи подтвердить его подлинность. Исторія разъясняется лишь послѣ отъѣзда Кротова. Бобъ быстро утѣшается, получивъ извѣстіе о назначеніи его приставомъ.

Вотъ и все содержаніе этой пьесы, провалившейся на первомъ же представленіи. Быть можетъ, этотъ провалъ отчасти былъ вызванъ тѣмъ, что режиссеръ вычеркнулъ изъ пьесы большую часть куплетовъ Некрасова, нерѣдко довольно остроумныхъ. Наиболѣе удачные изъ этихъ куплетовъ помѣщены въ приложеніяхъ (см. приложеніе № 15).

ГЛАВА III.

Если въ оригинальныхъ драматическихъ опытахъ Некрасова, онъ касается вопросовъ искусства, науки литературы въ ихъ общей постановкѣ, то въ его драматическихъ передѣлкахъ сюжетовъ, заимствованныхъ у другихъ русскихъ писателей, замѣчается уже нѣкоторое тяготѣніе къ обличительной сатирѣ гражданскаго характера. Это тяготѣніе проявляется, правда, въ довольно слабой степени: въ первой изъ передѣлокъ Некрасова—водевилѣ „Шила въ мѣшкѣ не утаишь"—оно сказывается, главнымъ образомъ, во внесеніи нѣсколькихъ оригинальныхъ вставокъ, во второй—комедіи „Похожденія Столбикова"—только въ выборѣ матеріала для заимствованія. Что касается водевиля „Шила въ мѣшкѣ не утаишь", то онъ представляетъ собой переработку пьесы Нарѣжнаго „Дѣвушка подъ замкомъ" (см. Нарѣжный. Романы и Повѣсти, 1836 г. ч. IX стр. 71). Некрасовъ не скрывалъ своего заимствованія, подъ заглавіемъ его пьесы, напечатанной въ „Репертуарѣ русскаго театра" (1841 г. № 4), стоятъ слѣдующія слова: „сюжетъ взятъ изъ повѣсти Нарѣжнаго". Правда, выраженіе „сюжетъ взятъ", пожалуй, нѣсколько слабо и неточно оттѣняетъ дѣйствительные размѣры заимствованія. Сравнивая водевиль Некрасова съ пьесой Нарѣжнаго, мы имѣли случай убѣдиться, что Некрасовъ не только воспользовался сюжетомъ, но цѣлыя сцены и явленія почти дословно заимствовалъ изъ Нарѣжнаго, не говоря уже о заимствованіи отдѣльныхъ выраженій шутокъ, острыхъ словечекъ, собственныхъ именъ и

т. д. Однако не мало было внесено Некрасовымъ въ этотъ водевиль и своего.

Прежде чѣмъ выдѣлить наиболѣе самостоятельныя мѣста, остановимся на самомъ содержаніи пьесы.

Въ первой картинѣ дѣйствіе происходитъ въ квартирѣ ювелира Руперта. Рупертъ уходитъ разыскивать какого-то безымяннаго графа, приславшаго ему заказъ на брилльянты. Уходя онъ запираетъ дома свою племянницу Розину, на которой собирается жениться, чтобы воспользоваться деньгами, завѣщанными ей ея умершимъ отцомъ. Въ его отсутствіе къ Розинѣ является ея возлюбленный Фортункинъ; оказывается, что это онъ прислалъ Руперту письмо отъ имени несуществующаго графа, а теперь намѣревается вновь обмануть ювелира, чтобы жениться на Розинѣ. По уходѣ Фортункина является усталый отъ безплодныхъ поисковъ Рупертъ и заводитъ съ племянницей рѣчь о женитьбѣ. Розина не соглашается выходитъ за него замужъ, ссылаясь на то, что она любитъ другого. Однако Рупертъ твердо стоитъ на своемъ. Сцена между ними кончается споромъ о деньгахъ Розины. Вскорѣ появляется Фортункинъ, переодѣтый барономъ, и отъ имени дядюшки сговаривается съ Рупертомъ о продажѣ ему брилльянтовъ на 50,000 руб. Рупертъ отдаетъ ему драгоцѣнные камни и Фортункинъ уходитъ съ ними, предупредивъ его, что дядюшка, у котораго ему надо получать деньги, человѣкъ со странностями— любитъ воображать себя докторомъ.

Во второй картинѣ дѣйствіе присходитъ у доктора Аффенберга, котораго Фортункинъ предупреждаетъ, что къ нему придетъ его помѣшанный дядя, воображающій себя ювелиромъ. Происходитъ комическая сцена между Рупертомъ и докторомъ: каждый изъ нихъ видитъ въ собесѣдникѣ сумасшедшаго. Когда, наконецъ, дѣло разъясняется, Фортункинъ успѣлъ уже обвѣнчаться съ Розиной, и Руперту волей-неволей приходится уступить.

У Нарѣжнаго сюжетъ развивается болѣе или менѣе аналогичнымъ образомъ, хотя Некрасовымъ внесены въ него нѣкоторыя дополненія: такъ у Нарѣжнаго нѣтъ эпизода съ письмомъ отъ несуществующаго графа, поэтому и предварительнаго свиданія Розины съ Фортункинымъ не происходитъ. Нѣтъ у Нарѣжнаго также и сознанія Розины въ томъ, что она любитъ другого: въ его пьесѣ Рупертъ лишь, въ кабинетѣ доктора узнаетъ о существованіи Милона (Фортункина-тожъ.) Однако, нѣсколько дополнивъ въ этихъ случаяхъ сюжетъ Нарѣжнаго, Некрасовъ мѣстами и сократилъ его. Такъ, у Нарѣжнаго, докторъ сажаетъ Руперта на цѣлую ночь подъ замокъ, у Некрасова же объясненіе между ними происходитъ въ теченіи короткаго сравнительно промежутка времени. Далѣе у Нарѣжнаго докторъ, закусывая съ Рупертомъ, проситъ у него руки Розины, видѣнной имъ въ киркѣ; этого эпизода у Некрасова нѣтъ вовсе. Наконецъ, у Нарѣжнаго Рупертъ получаетъ письмо о выходѣ замужъ Розины, у Некрасова же Руперту разясняетъ дѣло самъ Фортункинъ.

Несмотря на эти различія, въ нѣсколькихъ сценахъ можно усмотрѣть дословное сходство. Таковы бесѣды Руперта съ Розиной о женитьбѣ, Фортункина съ докторомъ, и первая половина разговора доктора съ Рупертомъ.

Сравненіе водевилей Нарѣжнаго и Некрасова, во всякомъ случаѣ приводитъ къ мысли, что послѣдній, несмотря на допущенныя заимствованья, все-таки не мало поработалъ надъ своей передѣлкой. При этомъ условіи нельзя уже будетъ объяснить простою случайностью тѣ изъ его сокращеній и дополненій, которые могутъ быть истолкованы, какъ результатъ опредѣленной общественной тенденціи. Такъ, въ пьесѣ Нарѣжнаго встрѣчаются довольно таки пошлыя издѣвательства надъ нѣмцами, вродѣ слѣдующихъ. *Рупертъ*: „Я нѣмецъ, слѣдственно, самое терпѣливое животное... Нѣмецкіе

духовные всѣ вообще преразумные люди (т. е. вѣнчаютъ противъ воли). Если не утопишься, будешь за мной. Добрый нѣмецъ великодушнѣе самаго великодушнаго изъ всѣхъ народовъ въ свѣтѣ... и т. д.“ Такихъ германофобскихъ выходокъ въ пьесѣ довольно много; характерно, что Некрасовъ не сохранилъ ни одной изъ нихъ. Съ другой стороны, онъ выпустилъ насмѣшки Нарѣжнаго надъ интересомъ нѣмцевъ къ политикѣ. Очевидно, уже въ этотъ періодъ своей жизни онъ не могъ согласиться съ мыслью, что самые „изрядные политики каретники, столяры, шорники“. Въ фактѣ этихъ пропусковъ, продиктованныхъ, надо думать, нежеланіемъ помѣщать въ своей пьесѣ германофобскія остроты и издѣвательства надъ интересомъ къ политикѣ, если и обнаруживается общественная тенденція, то пока еще въ чисто пассивной формѣ.

Однако, въ разсматриваемомъ водевилѣ есть совершенно самостоятельная сцена, въ которой Некрасовъ какъ будто бы отрѣшается отъ этой пассивности и проявляетъ уже нѣкоторую активность, обличая одинъ изъ распространенныхъ общественныхъ предразсудковъ. Мы имѣемъ въ виду сцену между Рупертомъ и переряженнымъ барономъ Фортункинымъ. Послѣдній, разыгрывая изъ себя важнаго барина, говоритъ:

Фортункинъ: „Фи! усталъ! Эта лѣстница высока, какъ мое родословное дерево... и также извилиста ..

(Отвѣчая на вопросъ Руперта объ имени) Баронъ Генрихъ - Ульрихъ - Каспаръ - Христбалъ — какъ? забылъ, а есть еще какое-то имя... фонъ-Лохенкретъ. Замѣтьте: кретъ, а не Лохенкротъ,—то другой... мужикъ.. изъ плебеевъ...

Надо вамъ сказать, что еслибъ наше родословное дерево росло и неподсыхало... то я, какъ верхушка его былъ бы теперь въ облакахъ, а не у васъ въ магазинѣ...

Вы боитесь, что вамъ не заплатятъ... ха, ха... Ни одинъ изъ сучковъ нашего родословнаго дерева не обрывался еще на этомъ. Знаете ли, какія у насъ помѣстія на островѣ Эзелѣ... Милліоны бы дохода можно получать, если бы порядокъ, вникаете?...

(Говоря о дядѣ) Нѣтъ, онъ просто нѣсколько помѣшался на медицинѣ. Это наша потомственная страсть... Во всѣ времена отъ корня нашего древа выходилъ сучокъ, который наскакивалъ на идею о медицинѣ...

(По поводу частаго употребленія Рупертомъ выраженія „около того"). Опять около того... У этихъ плебеевъ есть свои выраженія, которыхъ намъ, вельможамъ, не понять".

Прочитавши эту сценку, хочется вмѣстѣ съ Некрасовымъ средины шестидесятыхъ годовъ воскликнуть (см. стих. „Осторожность"): „Но вѣдь это означаетъ оскорблять дворянскій санъ!" Дѣйствительно, насмѣшка здѣсь чувствуется довольно рѣзкая; явилась же она въ пьесѣ несомнѣнно, какъ результатъ самостоятельнаго творчества Некрасова, такъ какъ въ водевилѣ Нарѣжнаго даже намековъ подобнаго рода не имѣется. Это даетъ основаніе предполагать, что то критическое отношеніе къ дворянству, которое ясно проглядываетъ въ поэзіи „музы мести и печали" было заложено въ душу Некрасова еще въ ранней юности.

Наличность самостоятельной работы Некрасова при передѣлкѣ „Дѣвушки подъ замкомъ" подтверждается еще обиліемъ лично ему принадлежащихъ стихотворныхъ куплетовъ. Характерно, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, хотя слабо, но все же начинаютъ уже пробиваться общественно-сатирическія ноты. Такъ, въ X явленіе, въ уста Руперту вложены такія слова:

„Жизнь нашу тратя на химеры,
Весь вѣкъ мы всѣ до одного
На разнородные манеры
Вертимся около того...
Чиновникъ, чтобы подслужиться
Тамъ, гдѣ есть польза для него
И повышенія добиться
Вертится около того.
Тотъ на красавицѣ женился
Для утѣшенья своего:
Вдругъ, знатный другъ къ нему явился,
Вертится около того!

Писатель разъ умно напишетъ
Такъ, что похвалятъ всѣ его,
Да послѣ тѣмъ же все и дышетъ,
Вертится около того.
Женихъ невѣсту такъ голубитъ,
Ее хранитъ, какъ божество,
Подумаешь—ее онъ любитъ—
Вертится около того! (бьетъ по карману)
Тутъ впрочемъ нечего дивиться,
Мудреннаго нѣтъ ничего:
И міръ то, кажется, вертится
Весь около того!

Вообще говоря большинство куплетовъ этого водевиля и остроумно и удачно, хотя почти всѣ они написаны въ нѣсколько игривомъ тонѣ; нѣкоторые заканчиваются забавными каламбурами. Фортункинъ отвѣчая Розинѣ, сообщившей ему о матримоніальныхъ намѣреніяхъ дяди, поетъ:

„Ему ли старому розинѣ
Жена такая суждена!
Нѣтъ, старикъ—не мужъ Розинѣ,
Нѣтъ вы розинѣ не жена!“

Лучшіе изъ куплетовъ, свидѣтельствующіе между прочимъ о томъ, насколько улучшилась у Некрасова техника стиха помѣщены въ приложеніи (см. № 16).

Изъ всего сказаннаго о пьесѣ „Шила въ мѣшкѣ не утаишь“, нельзя не видѣть, что, несмотря на значительныя заимствованія, въ ней замѣтны несомнѣнные слѣды самостоятельной работы Некрасова. Съ другой стороны, легкость и пустота сюжета не помѣшала проявиться, правда, еще не слишкомъ замѣтно, прогрессивной общественной тенденціи молодого автора.

Сказалась также эта тенденція въ выборѣ сюжета для другой передѣлки Некрасова четырехъ-актной комедіи „Похожденія Петра Степановича Столбикова“ поставленной на сцену въ 1842 году. Сюжетомъ

для этой передѣлки послужилъ вышедшій въ 1841 году длинный романъ Квитки-Основьяненко съ такимъ же заглавіемъ. Уже самое обращеніе къ Квиткѣ указываетъ на симпатіи къ гражданскому направленію въ литературѣ, такъ какъ Квитку, по справедливости, слѣдуетъ причислить къ разряду писателей гражданъ. Достаточно пересмотрѣть его комедіи „Дворянскіе выборы“ (1829 г.) и „Пріѣзжій изъ столицы, или суматоха въ уѣздномъ городѣ“ (1828), чтобы убѣдиться въ искренности и смѣлости ихъ обличительной тенденціи. Въ „Дворянскихъ выборахъ“ бичуется „благородное“ сословіе, представители котораго готовы на все, изъ за выгодъ и эгоистическихъ расчетовъ.

Въ „Пріѣзжемъ“ же „изъ столицы“ изобличается администрація мелкаго уѣзднаго городка, при чемъ фабула этой комедіи настолько близка къ гоголевскому „Ревизору“, что существуетъ даже предположеніе о заимствованіи Гоголемъ сюжета у Квитки. Что касается романа этого послѣдняго „Похожденія Столбикова“, то въ художественномъ отношеніи его нельзя поставить высоко, но общественное его значеніе, думается, неоспоримо. Въ „Похожденіяхъ Столбикова“ передъ нами развертывается безконечная галлерея типовъ дореформеннаго общества. Тутъ чиновники-взяточники, помѣщики-невѣжды и крѣпостники, своекорыстные и эгоистичные дворяне и т. д. Канвою для этого общественнаго памфлета служитъ разсказъ о жизненныхъ злоключеніяхъ Столбикова. Этотъ разсказъ можетъ быть расчлененъ по главнымъ эпизодамъ на нѣсколько частей. Въ первой повѣствуется о дѣтствѣ богатаго наслѣдника Столбикова, живущаго въ деревнѣ и страдающаго отъ тиранства своекорыстнаго опекуна; во второй—о пребываніи Столбикова во французскомъ пансіонѣ; въ третьей—объ его военной службѣ; въ четвертой—о его службѣ при губернаторѣ, послѣ неудачной попытки вернуть отнятое наслѣдство: въ пятой—о мы-

тарствахъ его въ Москвѣ въ домѣ школьнаго товарища Столбиковскаго; въ шестой—о скитаніяхъ по разнымъ помѣщикамъ въ роли управляющаго; въ седьмой—о полученіи наслѣдства и женитьбѣ, и въ восьмой—о неудачной службѣ по выборамъ. Некрасовъ для своей комедіи, которую онъ, кстати сказать, писалъ въ сотрудничествѣ съ двумя актерами Александринскаго театра, воспользовался далеко не всѣми эпизодами романа Квитки. Онъ обработалъ лишь матеріалъ, заключавшійся, главнымъ образомъ, въ 1-ой, 3-ьей, 4-ой и 6-ой изъ указанныхъ выше частей. При этомъ выборѣ онъ, надо думать, руководствовался, по преимуществу, желаніемъ создать нѣкоторую стройность и послѣдовательность фабулы для своей комедіи, сконцентрировавъ вниманіе на ея героѣ. Въ этихъ видахъ, ему пришлось пожертвовать очень интересными въ общественномъ отношеніи эпизодами романа. Волей неволей онъ долженъ опустить разсказъ Квитки о пустомъ, развивающемъ лишь дурныя стороны характера, воспитаніи русскихъ барчатъ въ русско-французскихъ пансіонахъ начала XIX вѣка, и оставить совершенно въ сторонѣ странствованія Столбикова по помѣщикамъ. Однако, эти странствованія, пожалуй, составляютъ одинъ изъ центральныхъ пунктовъ романа. Переводя своего героя изъ одной усадьбы въ другую, Квитка рисуетъ множество типовъ помѣщиковъ: тутъ изображены и помѣщица, разоряющая своихъ крестьянъ непосильными поборами на дѣла показной благотворительности, и скупецъ, сильно напоминающій гоголевскаго Плюшкина, и легкомысленный помѣщикъ Звонковъ, живущій исключительно въ кредитъ, но не останавливающійся передъ перестройкой дома, предпринимаемой только для того, чтобы уѣхавшая временно жена, возратясь, не знала, куда идти, и нѣкій „другъ людей“, читающій своимъ крестьянамъ ученые трактаты, которыхъ они совершенно не понимаютъ и „дѣлецъ“ Петигорошкинъ, живущій тяжбами съ сосѣдями,

и многіе другіе [1]). Эта часть романа Квитки мѣстами напоминаетъ „Мертвыя Души“ Гоголя [2]), гдѣ разъѣзды героя даютъ возможность автору вывести различные типы помѣщичьей Россіи. Наконецъ, Некрасову не пришлось драматизировать и послѣдную часть романа, живописующую весь хитрый механизмъ дворянскихъ выборовъ, построенныхъ на обманѣ, подкупахъ и всевозможныхъ мошенничествахъ.

Однако и въ использованныхъ Некрасовымъ частяхъ довольно матеріала для гражданскаго обличенія. Уже въ первой картинѣ комедіи, названной авторомъ „Примѣрные отчеты“, сильно звучатъ обличительныя ноты. Вотъ ,напримѣръ, какъ описываетъ нянька Столбикова судъ, пріѣхавшій въ имѣніе по смерти матери несовершеннолѣтняго наслѣдника.

Кузьминишна: помнишь ли, какъ они налетѣли сюда послѣ смерти барыни? Мы сперва думали, что это все родственники, а какъ разсмотрѣли, такъ это весь судъ нагрянулъ! Сирота испугался и прибѣжалъ ко мнѣ; я дала ему покушать, а сама начала плакать да приговаривать: бѣдный Петя! что съ тобой будетъ? Теперь-то начнутъ *опекать* тебя... и точно, такое тогда пошло бражничанье, что и конца не было! Пили, ѣли, пошли гурьбою въ кладовыя, погреба, конюшни и по всѣмъ барскимъ заведеніямъ. А на бѣднаго сироту не обращали вниманія; цѣлыхъ двѣ недѣли ходили, ѣздили и переписывали все по заводамъ. А какъ ужъ стали убираться по домамъ, такъ Макаръ Тимоѳеичъ (опекунъ) на прощаньи за каждымъ гостемъ отправлялъ цѣлыми возами, то съ хлѣбомъ, то

---

[1]) Между прочимъ, Столбиковъ попадаетъ однажды къ помѣщику Прямикову, который хочетъ выдать за него свою незаконную дочь Настеньку-крѣпостную. Столбиковъ соглашается, но смерть Пряминова разстраиваетъ его планы; несчастную Настеньку, образованную и интеллигентную, насильно отдаютъ за простого парня Сидорку. Эта глава написана Квиткой просто и трогательно. Весьма возможно, что разсказанный въ ней эпизодъ далъ матеріалъ для извѣстнаго стих. Некрасова „Въ дорогѣ“.

[2]) Въ особенности сильно это сходство сказывается при сравненіи скупого помѣщика Квитки (см. „Похож. Столб. ч. II стр. 160) съ Плюшкинымъ. Такъ какъ глава о скупцѣ была напечатана (см. „Новогодникъ“ Кукольника 1839) двумя годами раньше выхода въ свѣтъ всего романа и тремя годами ранѣе появленія „Мертвыхъ Душъ“, то рождается интересный вопросъ, не отразилъ ли Плюшкинъ нѣкоторыхъ чертъ скупца Квитки.

съ домашними птицами,—за инымъ повели барскихъ лошадей за другимъ—коровъ, за третьимъ погнали телятъ, барановъ, гусей.. И Господи! страшно вспомнить, чего тогда не было".

Послѣ отъѣзда суда, опекунъ получаетъ, разумѣется, полную власть и надъ имѣніемъ и надъ его владѣльцемъ. Однако, теткѣ Столбикова вскорѣ удается добиться назначенія разслѣдованія. Пріѣхавшій для производства его чиновникъ Пятигорошкинъ напускаетъ на себя видъ неподкупной справедливости, но послѣ того, какъ ему въ постель подсунули нѣсколько свертковъ съ деньгами, мѣняетъ тонъ и не читая подписываетъ всѣ отчеты опекуна.

Во второй картинѣ („Необыкновенный обѣдъ") Столбиковъ изображается въ роли чиновника, дежурящаго при губернаторѣ; здѣсь общественный мотивъ звучитъ еще сильнѣе. Губернаторъ, гроза чиновныхъ взяточниковъ, приглашаетъ всѣхъ служащихъ къ себѣ на обѣдъ. Передъ обѣдомъ у него происходитъ обмѣнъ колкостями съ его врагами—подчиненными, которые расчитываютъ на его скорую отставку. Вотъ одинъ изъ ядовитыхъ вопросовъ губернатора:

Губернаторъ (совѣтнику палаты) Благополучно ли возвратились изъ командировки... Не безпокойно ли вамъ было внутри и *не тяготило* ли васъ что при возвращеніи?!!

Среди бесѣды губернатору подаютъ бумагу; прочитавъ ее, онъ объявляетъ, къ торжеству своихъ недоброжелателей, что онъ уже больше не правитель губерніи. Лишь немногіе преданные губернатору чиновники остаются послѣ этого обѣдать, большинство же уходитъ. Однако радость взяточниковъ преждевременна, такъ какъ бывшій губернаторъ назначается намѣстникомъ. Порокъ наказанъ,—добродѣтель торжествуетъ. Благодаря покровительству намѣстника, Столбикову удается выиграть свое дѣло съ опекуномъ. Въ этомъ дѣйствіи некрасовскаго текста коснулась рука не то цензора, не то режисера. Такъ, слова „директоръ экономіи" пе-

реправлены въ „членъ экономіи“. При извѣстіи объ отставкѣ правителя, слова „немногіе стоятъ печальны“ замѣнены словами „многіе“ и т. д. Къ сожалѣнію, большинства изъ этихъ поправокъ нельзя возстановить, благодаря черезчуръ старательному зачеркиванью.

Въ третьей картинѣ „Ловушка опекуна“ гражданскихъ нотъ уже нѣтъ. Здѣсь представляется, какъ крайне ограниченный и простоватый Столбиковъ едва не женился на дочери проигравшаго ему процессъ опекуна.

Наконецъ, въ четвертой картинѣ „Не ищи жены,— сама найдется“ разсказывается о неудачной женитьбѣ Столбикова, который хочетъ жениться на племянницѣ, но благодаря настойчивости тетушки, ловящей богатаго жениха, дѣлается мужемъ послѣдней,

Въ „Похожденіяхъ Столбикова“ точно такъ же, какъ и въ другихъ водевиляхъ Некрасова довольно много куплетовъ (см. приложеніе № 17), однако они несравненно хуже, напримѣръ, куплетовъ пьесы „Шила въ мѣшкѣ не утаишь“. Быть можетъ, это объясняется тѣмъ, что Некрасовъ былъ лишь однимъ изъ трехъ авторовъ комедіи „Похожденія Столбикова“ и не всѣ куплеты, быть можетъ, принадлежатъ ему.

Заканчивая обзоръ „Похожденій Столбикова“, нельзя не указать, что, если бы эта пьеса была вполнѣ оригинальной, то ссылка на нее было бы чрезвычайно важна для объясненія и доказательства искренности гражданскихъ мотивовъ „музы мести и печали“. Но даже и принимая въ расчетъ заимствованнность сюжета, нельзя не признать, что самый выборъ его доказываетъ извѣстное тяготѣніе молодого автора къ общественно обличительнымъ темамъ. Этотъ выводъ подтверждается и анализомъ содерженія водевиля „Шила въ мѣшкѣ не утаишь“, и такими стихотвореніями, какъ цитированныя выше за подписью Ѳеоклиста Боба.

ГЛАВА IV.

Послѣднюю группу драматическихъ опытовъ Некрасова составляютъ его пореводы съ французскаго. Въ нихъ нельзя, разумѣется, искать оригинальности и самобытнаго творчества. Послѣднее проявляется до нѣкоторой степени лишь въ куплетахъ, которыми Некрасовъ, продолжаетъ, согласно принятому тогда сценическому обыкновенію, оживлять содержаніе своихъ пьесъ. Что касается литературной и художественной цѣнности четырехъ переведенныхъ Некрасовымъ произведеній, то лишь въ двухъ („Вотъ что значитъ влюбиться въ актрису“ и „Бѣдность и честь“) можно признать нѣкоторыя достоинства. Другіе же два водевиля „Кольцо Маркизы“ или „Ночь въ хлопотахъ“ (1842 г.) и „Дѣдушкины попугаи“ (1841 г.), хотя и могли съ интересомъ слушаться невзыскательной театральной публикой начала 40-хъ годовъ, однако, въ литературномъ отношеніи никакой цѣнности не представляютъ. Водевиль „Дѣдушкины попугаи“ производитъ скорѣй отрицательное впечатлѣніе, благодаря нѣкоторой рискованности сюжета. Сынъ маркиза Дортевиля Анатоль воспитывается въ совершенномъ уединеніи, за стѣнами замка, подъ руководствомъ ученаго Стукату. Исполняя желаніе отца своего воспитанника, Стукату избѣгаетъ всякихъ упоминаній въ разговорахъ съ послѣднимъ о женской половинѣ человѣческаго рода, и юный Дортевиль не знаетъ даже о существованіи женщинъ. Но инстинктъ мало-по-малу даетъ себя чувствовать. Анатоль и его сверстникъ Жеромъ, воспитанный такимъ же образомъ, стараются разгадать,

отчего птички держатся попарно, прижимаясь одна къ другой. Мальчики, по ихъ примѣру, и сами пробуютъ обниматься, но имъ не становится отъ этого веселѣе.

Благодаря небрежности Стукату, забывшаго затворить калитку, въ садъ, гдѣ гуляютъ юноши вбѣгаетъ цѣлая толпа молоденькихъ и хорошенькихъ пансіонерокъ, вырвавшихся отъ своей воспитательницы на волю.

Удивленіе Анатоля и Жерома при видѣ этихъ никогда не виданныхъ ими существъ безгранично. Вскорѣ завязывается знакомство. Дѣвочки берутся отвѣтить на вопросы своихъ неопытныхъ кавалеровъ, что такое папенька и маменька, что такое дѣвицы и женщины. Въ это самое время въ замокъ пріѣзжаетъ маркизъ, отецъ Анатоля. Юноши въ ужасѣ прячутъ своихъ дамъ въ большую клѣтку, гдѣ, обыкновенно, живутъ попугаи дѣдушки Стукату. Маркизъ, между тѣмъ, благодаритъ Стукату за хорошее воспитаніе: онъ потому де не желалъ, чтобы сынъ его зналъ о женщинахъ, что самъ много претерпѣлъ отъ нихъ; теперь, однако, онъ собирается женить Анатоля на одной заранѣе предназначенной невѣстѣ. Здѣсь случайно открываютъ клѣтку, и маркизъ, увидѣвъ пансіонерокъ, съ гнѣвомъ накидывается на ошеломленнаго Стукату. Послѣдующій разговоръ выясняетъ, что наиболѣе понравившаяся Анатолю пансіонерка Агнеса и есть избранница маркиза. Исторія кончается, такимъ образомъ, ко всеобщему благополучію. Содержаніе этого водевиля не только легкомысленное, но мѣстами довольно таки пикантное. Особенно рѣзко проявляется эта пикантность въ вопросахъ, задаваемыхъ мальчиками дѣвочкамъ. Водевиль переведенъ вполнѣ литературно, куплетовъ же въ немъ немного и они ничѣмъ не замѣчательны.

Пустоватъ также и другой переводной водевиль „Кольцо маркизы“. За Гортензіей, маркизой де-Люси, пользуясь отсутствіемъ ея мужа, ухаживаетъ виконтъ Альфредъ,

кавалерійскій офицеръ. Гортензія неприступна и только послѣ того, когда Альфредъ сообщаетъ ей объ успѣхахъ ея мужа у нѣкоей баронессы, она соглашается поѣхать съ нимъ, одѣтая въ домино и маску, на придворный балъ. Это намѣреніе маркизы дѣлается извѣстнымъ садовнику Руже, жениху горничной Марріеты, который радуется предстоящему позору маркиза, неоднократно издѣвавшагося надъ нимъ. Однако Гортензія, получивъ письмо отъ мужа съ нѣжными увѣреніями въ любви, отказывается отъ мысли ѣхать на балъ. Марріета по уходѣ госпожи примѣряетъ ея домино и маску. Является Альфредъ и, принимая перепуганную Марріету за маркизу, начинаетъ объясняться ей въ любви и беретъ у нея кольцо, подарокъ Руже. Въ это время возвращается маркизъ. Марріета прячетъ Альфреда въ одну изъ сосѣднихъ комнатъ. Руже, явившійся встрѣтить своего господина, внушаетъ ему подозрѣніе въ вѣрности маркизы. Марріета беретъ вину на себя, говоря, что Альфредъ приходилъ къ ней. Но Руже отрицаетъ это, обвиняя во всемъ маркизу. Маркизъ въ бѣшенствѣ. Гортензія, желая его успокоить, берется поговорить съ Альфредомъ. Послѣдній однако, будучи увѣренъ въ томъ, что маркиза подарила ему свое кольцо, ведетъ себя такъ, что только усиливаетъ подозрѣнія де-Люси. Готова уже вспыхнуть кровавая ссора, но все разъясняется благодаря кольцу, въ которомъ Руже узнаетъ свой подарокъ Марріетѣ. Такимъ образомъ честь маркизы возстановлена.

И въ этомъ водевилѣ мы встрѣчаемся съ тѣмъ же легкомысленнымъ содержаніемъ. Вся интрига, какъ и въ многихъ пьесахъ того времени основана на переодѣваніи. Куплетовъ мало и они безцвѣтны.

Много интереснѣе водевиль „Вотъ что значитъ влюбиться въ актрису“ (см. „Репертуаръ Русскаго театра 1841 г. т. 2). Въ этомъ произведеніи, написанномъ въ одномъ году съ оригинальною пьесою „Актеръ“, Не-

красовъ снова касается, повидимому очень занимавшаго его, вопроса объ искусствѣ. Взглядъ на искусство и его жрецовъ, проводимый во французскомъ водевилѣ, такъ же возвышенъ, какъ и тотъ, который былъ высказанъ Некрасовымъ въ его „Актерѣ“.

Пьеса начинается монологомъ Луизы, крестницы знаменитой актрисы г-жи Дюмениль. Луиза въ восторгѣ отъ сценическихъ успѣховъ Дюмениль и только и думаетъ о томъ, чтобы и самой сдѣлаться актрисой. Однако, она не понимаетъ глубины и святости артистическаго призванія; ее влечетъ только тщеславное желаніе внѣшняго успѣха. Вотъ какой куплетъ вкладываетъ Некрасовъ въ уста Луизы:

Ахъ, какъ мило! ахъ, какъ чудно—
Быть актрисой, всѣхъ плѣнять,
Надъ толпою многолюдной
Каждый день торжествовать!..
Чуть на сцену—всѣ лорнеты
На тебя устремлены,
Генералы и корнеты—
Всѣ тобой поражены!
Тотъ стишки тебѣ скропаетъ,
Тотъ срисуетъ твой портретъ,
Тотъ съ любовью предлагаетъ
На придачу фунтъ конфетъ.
Не играешь-балагуришь,
Будь дурна хоть выше мѣръ,
Глазки сдѣлаешь, прищуришь,
И захлопаетъ партеръ!

Дюмениль, узнавъ о желаніи своей крестницы, говоритъ ей, что сдѣлаться актрисой не такъ-то легко; для этого нужны время, любовь, изученіе, талантъ и вдохновеніе. Интересна ея тирада на тему о вдохновеніи

Дюм. Ахъ! Это чувство дано не всякому; само небо его ниспосылаетъ намъ; я цѣню его высоко, Луиза; я благоговѣю передъ нимъ, хотя сама не могу дать себя въ немъ отчета. Когда я на сценѣ, я забываюсь... волшебная мечта создаетъ вокругъ меня новый міръ, другую природу; я обитаю въ мраморныхъ чертогахъ,

небесный сводъ раскрывается надо мною; я дышу воздухомъ Рима и Греціи; я живу новою жизнію, болѣе сильной и пламенною".

Разговоръ Дюмениль съ Луизой прерванъ нежданнымъ появленіемъ провинціала Дюрваля, явившагося въ Парижъ спасать своего сына, который вмѣсто того, чтобы заниматься адвокатурой, все время отдаетъ театру. Повѣствуя въ длинномъ куплетѣ о своихъ злоключеніяхъ (см. прилож. № 18), Дюрваль умоляетъ Дюмениль помочь ему образумить сына, такъ какъ послѣдній увлеченъ именно ею. Получивъ согласіе, онъ восклицаетъ: „я васъ видѣлъ, и нахожу, что комедіянтка тоже можетъ быть порядочнымъ человѣкомъ". Въ этихъ словахъ выражается взглядъ на артистическую дѣятельность, совершенно сходный съ тѣмъ, котораго придерживался Кочергинъ (см. „Актеръ"), не отличавшій артиста отъ „штукаря".

Во время свиданія съ сыномъ Дюрваля—Адріаномъ, Дюмениль, вѣрная своему обѣщанію, старается казаться, какъ можно вульгарнѣе. Она убѣждаетъ Адріана въ томъ, что на сценѣ все поддѣльно и фальшиво, даже рыданія расчитаны по нотамъ, всякая актриса, по ея словамъ, имѣетъ толпу обожателей („и на мою долю приходится десятка два"). Далѣе Дюмениль спрашиваетъ Адріана, не знаетъ ли онъ „анекдотцевъ", нюхаетъ-ли онъ табакъ, не возьмется ли онъ, какъ будущій адвокатъ, вести ея тяжку съ торговкой, которая вопреки условію продала ея румяна другой актрисѣ. Въ заключеніе Дюмениль бранитъ трагедію „Тиридатъ", написанную Адріаномъ и присланную ей для просмотра. Адріанъ, идеально настроенный, витавшій въ эмпиреяхъ, увидѣвъ съ ужасомъ, какъ не соотвѣтствуютъ его мечты дѣйствительности, восклицаетъ: Ахъ, это послѣдній ударъ!

Повязка спала съ глазъ моихъ,
Что я увидѣлъ, что я услышалъ.
Ужель предметъ всѣхъ думъ святыхъ

Ко мнѣ въ чепцѣ и въ кофтѣ вышелъ.
Онъ о процессахъ говоритъ,
Онъ закупаетъ одобренье!..
Я уничтоженъ, я убитъ,
А къ ней—я чувствую презрѣнье!"

По уходѣ Адріана Дюмениль, сознательно разочаровывавшая его въ себѣ, сожалѣетъ о томъ, что черезчуръ сильно огорчила восторженнаго юношу, который къ тому же очень ей понравился. Сожалѣніе ея еще болѣе усиливается, когда она узнаетъ, что недавно Адріанъ съ опасностью жизни удержалъ лошадей какой то маркизы, мчавшихся прямо на ея экипажъ. Здѣсь снова является Дюрваль и опять умоляетъ Дюмениль о помощи, говоря, что его сынъ впалъ послѣ разговора съ ней въ отчаяніе и хочетъ стрѣляться. Дюмениль посылаетъ за Адріаномъ и, играя сцену изъ его трагедіи, разрушаетъ впечатлѣніе перваго свиданія. Адріанъ въ восторгѣ, онъ открываетъ свою любовь. Дюмениль отвѣчаетъ ему, что она, быть можетъ, скоро сложитъ корону театральной царицы и перемѣнитъ имя. „Чтобы принять мое"—восклицаетъ восхищенный Адріанъ.

Нѣкоторыя достоинства этой пьесы несомнѣнны. Недурные куплеты, живость дѣйствія и наличность идейнаго содержанія выгодно отличаютъ ее отъ разобранныхъ ранѣе водевилей.

Не безынтересна также и послѣдняя изъ переведенныхъ Накрасовымъ пьесъ: „Материнское благословеніе", или „Бѣдность и честь". Драма эта, написанная осенью 1842 года, шла въ бенифисъ артиста Шемаева и пользовалась шумнымъ успѣхомъ, которому, надо думать, не мало способствовалъ ея мелодрамитическій характеръ и сценическая эффектность нѣкоторыхъ мѣстъ. Истинной художественности мы напрасно стали бы искать въ этой пьесѣ, но театральнымъ массамъ она несомнѣнно должна была нравиться. Сочувственнымъ отношеніе публики и объясняется тотъ фактъ, что

„Материнское Благословеніе“ продержалось на сценѣ довольно долго и еще не такъ давно давалось въ провинціальныхъ театрахъ. Самостоятельнаго въ „Материнскомъ Благословеніи“ Некрасовъ, за исключеніемъ куплетовъ, ничего не далъ.

Содержаніе этой пьесы въ общихъ чертахъ таково. Въ первомъ дѣйствіи („Старый волокита“) авторъ знакомитъ насъ съ семьей бѣднаго савояра Антона Бернарда, за молоденькой дочкой котораго Маріей ухаживаетъ старый командоръ, братъ маркизы де Сиври, владѣлицы всего имѣнія, а также и участка, арендуемаго Бернардомъ. Маріи командоръ противенъ, тѣмъ болѣе, что она въ горахъ познакомилась съ красивымъ молодымъ человѣкомъ Андре, очень ей приглянувшимся. Ухаживанья стараго волокиты представляютъ, однако, такую опасность, что родители рѣшаются отправить Марію на заработки въ Парижъ вмѣстѣ съ прочей савоярскою молодежью. Марія очень трогательно прощается со своей матерью Магдалиной, которая безгранично ее любитъ. Сцена прощанія, написанная очень живо, заканчивается слѣдующимъ куплетомъ Магдалины:

„Ты начинаешъ новый путь...
Твоя судьба отъ насъ сокрыта,
Что будетъ?.. Страшно заглянуть...
Одинъ лишь Богъ твоя защита!..
Работай больше и честнѣй...
Молись... съ молитвой грусть забудешь...
Не забывай семьи твоей,
За это... счастлива ты будешь“.

Кромѣ этого куплета, въ которомъ чувствуется много искренности, въ началѣ дѣйствія Марія поетъ другой, очень граціозный и по формѣ и по содержанію:

Какъ соловей
Поетъ на волѣ,
Въ тѣни вѣтвей
И въ чистомъ полѣ...

Едва встаю
Чуть день начнется—
Такъ я пою,
Пока поется.
Бѣгу гулять
Такъ шибко, шибко...
Глаза глядятъ
На все съ улыбкой,
А грудь моя
Такъ сладко бьется!..
И рада я,
Что мнѣ поется.

Второе дѣйствіе („Молодой Любовникъ") начинается свиданіемъ Маріи съ простоватымъ Пьерро, ея землякомъ, только что пришедшемъ въ Парижъ и до нельзя изумленнымъ жизнью большого города (см. прилож. № 19). По уходѣ Пьерро къ Маріи является Андре, который учитъ ее грамотѣ и подъ видомъ урока заставляетъ прочесть собственное признаніе въ любви. Объясненіе ихъ прервано появленіемъ маркизы де Сиври, которая, подозрѣвая, что ея сынъ влюбленъ въ Марію (Андре никто иной, какъ молодой маркизъ де Сиври), хочетъ сама провѣрить свои догадки. Марія, однако, не зная, кто ея возлюбленный, скрывшійся тѣмъ временемъ въ сосѣдней комнатѣ, своимъ простодушіемъ разсѣиваетъ ея подозрѣнія. Маркиза приглашаетъ Марію пѣть на балу въ ея домѣ. Дѣйствіе заканчивается страстной сценой. Марія готова отдаться Андре, но ее во время удерживаетъ пѣсня родной Савойи, которую поетъ за окномъ Пьерро.

Въ третьемъ дѣйствіи („Савойскія пѣсни") передъ нами аристократическій отель маркизы. Командоръ въ шутливой пѣсенкѣ исчисляетъ свои побѣды надъ женщинами. Балъ заканчивается скандаломъ, такъ какъ Марія, пріѣхавшая своими пѣснями потѣшить гостей, узнаетъ Андре въ лицѣ сына хозяйки и бросается къ нему.

Четвертое дѣйствіе („Безумная") происходитъ въ за-

городной виллѣ, куда скрылъ Марію Андре. Въ его отсутствіе Марія, тоскуя о родинѣ и родныхъ поетъ грустную подкупающую своей безыскуственностью пѣсенку:

„Въ хижину бѣдную, Богомъ хранимую,
Скоро-ль опять возвращусь,
Скоро-ли мать расцѣлую любимую,
Съ добрымъ отцомъ обнимусь!
Блѣдная, страшная въ грезахъ являлася
Мать моя часто ко мнѣ,
И горячо я съ мечтой обнималася,
Будто съ родимой во снѣ!
Сколько, я думаю, къ горю привычная
Мать моя слезъ пролила...
Если бъ отсюда она горемычная
Рѣчь мою слышить могла,
Я бъ закричала ей: пусть не пугается,
Жизнь для меня не страшна;
Матушка! дочь твоя съ горемъ не знается,
Замужъ выходитъ она!“

Однако, мечты Марія о замужествѣ оказались нѣсколько преждевременными. Къ ней является командоръ и начинаетъ ее увѣрять, что Андре обманываетъ ее и собирается сегодня же жениться на знатной дѣвушкѣ Лаурѣ. По уходѣ командора къ Маріи приходитъ нищій, въ которомъ она узнаетъ отца, пришедшаго разыскивать ее въ Парижѣ. Между ними происходитъ тяжелая сцена. Отецъ не хочетъ вѣритъ Маріи, что она не обезчещена и въ негодованіи, отрекшись отъ нея, уходитъ. Въ довершеніе всего Марія видитъ въ окно свадебный поѣздъ Андре и съ горя сходитъ съ ума. Вѣрный Пьерро уводитъ измученную и больную дѣвушку на родину.

Въ пятомъ дѣйствіи („Развязка“) авторъ изображаетъ возвращеніе савояровъ домой. Приходитъ на родину и безумная жалкая Марія. Однако свиданіе съ матерью возвращаетъ ей разсудокъ. Въ это время является Андре, бракъ котораго на Лаурѣ не состоялся благодаря внезапной смерти его матери, и предлагаетъ Маріи свою руку.

Такимъ образомъ все кончается къ общему благополучію.

Тѣмъ не менѣе въ драмѣ, несмотря на счастливую развязку, есть очень тяжелыя сцены. Таковы: въ первомъ дѣйствіи—сцена прощанія съ матерью, въ четвертомъ—объясненіе съ отцомъ и въ пятомъ—встрѣча безумной Маріи съ больной и слабой матерью. Эти сцены, быть можетъ, показавшіяся бы современной публикѣ нѣсколько мелодраматичными, въ свое время должны были производить сильное впечатлѣніе. Впечатлѣніе это нельзя не признать благотворнымъ, такъ какъ общественная тенденція пьесы заслуживаетъ полнаго сочувствія. Простые савойскіе крестьяне рисуются въ ней въ очень привлекательномъ видѣ. Магдалина—безгранично добра, Антони-Бернардъ—честенъ до ригоризма, Пьерро—вѣренъ и преданъ до безконечности, Марія—кристально-чистое, нѣжное созданіе. Да и односельчане ихъ таковы: удивительна та трогательная деликатность, которую они проявляютъ въ пятомъ дѣйствіи при видѣ горя Магдалины. Совершенно иначе обрисованы представители общественныхъ верховъ: командоръ—развращенъ и испорченъ до мозга костей, его девизъ наслажденіе жизнью, цѣной чужого позора и несчастья; маркиза закаменѣла въ своемъ неприступномъ аристократизмѣ: ее ужасаетъ самая мысль о томъ, что сынъ можетъ жениться на мѣщанкѣ. Даже самъ Андре, въ сущности, довольно таки безличное существо. Горячо и искренне любя Марію, онъ не смѣетъ противорѣчить матери, и если бы не случайная смерть послѣдней, онъ навѣрное женился бы на Лаурѣ, которую вовсе не любитъ. Не лучше изображенъ въ пьессѣ и барскій прихвостень, въ лицѣ управляющаго Ларока, который готовъ безжалостно выгнать Антони Бернарда изъ его насиженнаго гнѣзда за несвоевременный взносъ арендной платы.

Несмотря на обстановку чужой общественной жизни,

эта пьеса, дававшаяся на сценѣ въ темныя времена крѣпостнаго права, должна была наводить зрителей на размышленія о томъ, что едва ли правильно проводить какую-либо грань между „черной“ и „бѣлой“ костью. Черная кость не только способна страдать тѣмъ же горемъ и радоваться тѣми-же радостями, какъ и бѣлая, но и внушаетъ къ себѣ своими нравственными достоинствами большее сочувствіе. Поэтому выборъ для перевода именно этой пьесы нельзя не поставить въ заслугу Некрасову, который, надо думать, произвелъ его вполнѣ сознаетльно. Тѣмъ не менѣе, вообще говоря о переводныхъ пьесахъ Некрасова, приходится придти къ заключенію, что онѣ даютъ не слишкомъ много матеріала для характеристики его литературныхъ дебютовъ. Первые два изъ разсмотрѣнныхъ водевилей: „Кольцо Маркизы“ и „Дѣдушкины Попугаи“ надо причислить къ тому литературному хламу, которымъ была загромождена русская сцена тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ... Что же касается водевиля „Вотъ что значитъ влюбиться въ актрису“ и драмы „Материнское благословеніе“, то первый интересенъ дня насъ своимъ идейнымъ содержаніемъ, а вторая, какъ это только что указывалось, гуманною тенденціею... Переводя такія пьесы, какъ двѣ послѣднія, Некрасовъ все-таки развивалъ свой литературный талантъ въ духѣ того „идеала добра и красоты“, борьбою за который онъ впослѣдствіи наполнилъ всю свою жизнь.

Знакомство съ содержаніемъ драматическихъ опытовъ Некрасова, даетъ возможность сдѣлать нѣкоторые общіе выводы, имѣющіе извѣстное значеніе для выясненія эволюціи его творчества. Прежде всего нельзя не придти къ заключенію, что въ своихъ оригинальныхъ драматическихъ произведеніяхъ, за исключеніемъ „Ѳеоклиста Онуфріевича Боба“, Некрасовъ проявляетъ вполнѣ

идеалистическое міросозерцаніе. Наука, по его мнѣнію, какъ самодовлѣющая цѣль, заслуживаетъ всевозможныхъ жертвъ и лишеній; искусство имѣетъ основу въ идеальныхъ порывахъ человѣческой души, и потому жрецы его должны пользоваться въ обществѣ почетомъ и уваженіемъ, наконецъ, литература должна быть идейной, т. е. служить истинѣ и искусству, а не заниматься торгашествомъ и спекуляціей.

Въ пьесахъ, написанныхъ на заимствованные сюжеты, Некрасовъ обнаруживаетъ уже тяготѣніе къ обличительному жанру. Самый выборъ матеріала для заимствованій и наличность нѣсколькихъ оригинальныхъ вставокъ въ этихъ пьесахъ показываетъ, что Некрасовъ уже двадцатилѣтнимъ юношей горячо возмущался ввяточничествомъ и продажностью чиновничества, чванствомъ и надменностью дворянства.

Наконецъ, въ переводахъ съ французскаго обнаруживается обще-гуманная тенденція молодого автора, котораго, повидимому, начинаютъ волновать слѣдствія соціальнаго неравенства.

Эти выводы даютъ возможность заключить, что позднѣйшее содержаніе творчества „музы мести и печали“ является до нѣкоторой степени связаннымъ съ литературными дебютами Некрасова. Если въ сборникѣ его юношескихъ стихотвореній сказалась идеалистически-альтруистическое настроеніе автора, то въ драматическихъ произведеніяхъ, составляющихъ послѣдующую стадію его творчества, можно усмотрѣть уже нѣкоторую конкретизацію этого настроенія. Драматическіе опыты Некрасова уже позволяютъ догадываться о томъ направленіи, въ которомъ будетъ развиваться его талантъ: въ нихъ уже есть многое такое, что получило широкое развитіе въ позднѣйшемъ творчествѣ поэта. А если это такъ, то распространенныя обвиненія Некрасова въ намѣренномъ либеральничаньѣ, въ угоду теченіямъ времени, совершенно отпадаютъ. О какомъ же намѣренномъ либераль-

ничаньѣ можетъ быть рѣчь, когда двадцати лѣтъ отроду, на зарѣ своей литературной дѣятельности, Некрасовъ, быть можетъ робко, быть можетъ неувѣренно, но уже съ извѣстной послѣдовательностю и опредѣленностью, начиналъ идти путемъ писателя гражданина. Пусть не художественны его литературные дебюты, пусть они должны быть признаны въ настоящее время только литературнымъ балластомъ, но въ нихъ все же теплится искра того огня, который, разгорѣвшись впослѣдствіи, далъ Россіи одного изъ крупнѣйшихъ ея поэтовъ.

— — — — —

ПРИЛОЖЕНІЯ.

№ 1. НЕЗАБВЕННАЯ.

... Для сердца нужно вѣрить,

Пушкинъ

О, память, память! образъ нѣжный
Надолго въ сердцѣ заключи,
Запри его рукой прилежной
И брось ненужные ключи!...
Не дай забыть того мгновенья:
Когда въ полуночной тиши,
Затворникъ думъ и вдохновенья,
Звучалъ я, полный восхищенья,
На струнахъ огненной души,—
И вдругъ, чудесной невидимкой,
Какъ геній кроткій и благой,
Явилась дѣва предо мной,
Одѣта радужною дымкой
Туманной утренней зари,
Въ устахъ съ улыбкою безпечной.
О, память, память! сердцу вѣчно
Объ ней мнѣ въ жизни говори!..
Я въ ней искалъ единовѣрца
Въ мою любовь, въ мои мечты,
Пойду вездѣ. О, сердце, сердце!
Зачѣмъ такъ страстно любишь ты?..
Я не простыну до могилы...
Чуждаясь свѣта и пировъ,
Въ чертогъ завѣтный къ дѣвѣ милой
Искать лишь буду я слѣдовъ.
И близъ нея, въ ея чертогѣ
Жить будетъ сердце вѣкъ мое;
Или умру я на порогѣ
Жилища райскаго ея...
Но если это сонъ волшебный,
Одна мечта—и на пути

Тревожной жизни рокъ враждебный
Мнѣ не судилъ ее найти?!..
Я и мечту лелѣять буду,
Любови къ ней не погашу,
Свиданья сладкую минуту
На память сердца запишу.
Солью мечтательное счастье
Съ моей существенной бѣдой
И жизни мрачное ненастье
Пройду безтрепетной стопой.
И вѣрю—тамъ, въ странѣ лазурной,
Гдѣ радость и любовь вѣчна—
Въ награду бѣдствій жизни бурной
Осуществится мнѣ она.

№ 2. ВСТРѢЧА ДУШЪ.

I.

Все туманится и тмится,
Мракъ густѣетъ впереди.
Струйкой свѣта что-то мчится
По воздушному пути,
Въ полуогненную ризу
Изъ лучей облечено.
Только часъ оттуда съ низу,
А ужъ съ небомъ сближено;
Безъ порывовъ, безъ усилья,
Словно волны вѣтерка,
Златомъ облитыя крылья,
Вольно рѣжутъ облака.
Нѣтъ ни горести, ни страха
На блистательномъ челѣ.
То душа, со смертью праха
Отчужденная землѣ.
То, отъ бѣдствій жизни бурной,
Безпорочная душа
Юной дѣвы въ край лазурный
Мчится, волею дыша.
Вѣкъ страдалицей высокой
На землѣ она была,
Лишь любовію глубокой,
Да молитвою жила.
Но любви блаженствомъ яснымъ
Міръ ее не подарилъ:

Тамъ съ избранникомъ прекраснымъ
Жребій дѣву разлучилъ.
Року преданная слѣпо,
Страсть она перемогла,
И не тронутый на небо
Огнь невинности несла.
И блистателенъ и пышенъ.
Былъ вѣнецъ ея двойной,
Летъ торжественный, чуть слышенъ
Сыпалъ искры за собой.
На недвижный и безмолвный
Неба Божьяго предѣлъ,
Взоръ увѣренности полный,
Какъ на родину смотрѣлъ.
Только темное сомнѣнье,
Мнилось, было на челѣ;
Суждено ль соединенье,
Тамъ ли онъ, иль на землѣ?

II.

Слышно тихое жужжанье
Отъ размаха легкихъ крылъ,
Пламень новаго сіянья
Тучи грудь пробороздилъ.
Видитъ свѣтлая другую,
Восходящую съ земли,
Душу, въ ризу золотую
Облеченную, вдали...
Ближе, ближе... вотъ сравнялись,
Вотъ сошлись на взмахъ крыла,
Быстро взоромъ помѣнялись
И привѣтно начала
Говорить одна: „Изъ міра
Многогрѣшнаго парю
Въ область свѣтлаго эѳира,
Въ слуги горнему Царю.
Грѣя грудь питомца горя,
Я тамъ счастья не нашла;
Тамъ, съ людьми и рокомъ споря,
Бѣдъ игрушкой я была.
Только разъ лишь—помню живо
День и часъ—блаженства лучъ
Такъ роскошно, такъ игриво

Проблеснулъ мнѣ изъ-за тучь.
Дѣву съ черными очами
Въ мірѣ дольнемъ я нашла,
И, плѣнясь ея красами,
Все ей въ жертву принесла.
Но подъ солнцемъ несчастлива
Безкорыстная любовь!
Ввергъ, разлукой, прихотливый
Рокъ меня въ страданье вновь.
На свиданье съ ней надеждой
Съ той поры живу одной,
И теперь, когда одеждой
Я не связана земной.
Радость всю меня обильно
Наполняетъ и живитъ:
Вѣрю, мнѣ Творецъ всесильный
Амариллу возвратитъ...“
„Амариллу? голосъ друга
Я узнала... я твоя!
Сладкимъ именемъ супруга
Назову любимца я...
Нѣтъ здѣсь бѣдственной разлуки
Вѣченъ бракъ нашъ... Нѣтъ преградъ!
Наградилъ насъ Богъ за муки,
Какъ онъ щедръ, великъ и святъ!..“

III.

И въ блаженствѣ беззавѣтномъ
Души родственно слились,
И въ сіяньи огнецвѣтномъ
Выше, выше понеслись.
Понеслись подъ Божье знамя
Такъ торжественно, легко,
Отъ одеждъ ихъ свѣтъ и пламя
Разстилались далеко;
Счастья чистаго лучами
Пышно рдѣло ихъ лицо;
А вѣнцы надъ ихъ главами
Вдругъ сплелись въ одно кольцо—
Словно въ знаменье обѣта
Всемогущаго Творца,
Что для нихъ свиданье это
Не найдетъ себѣ конца.

№ 3. ИЗГНАННИКЪ.

Еще младенцу въ колыбели
Мечты мнѣ тихо пѣсни пѣли,
И съ ними свыклася душа.
Онѣ, чудесной жизни полны,
Ко мнѣ нахлынули, какъ волны,
Напѣвомъ слухъ обворожа.
Вскипѣло сердце дивнымъ жаромъ,
Преградъ не вѣдалъ на пути.
Отозвались желанья волѣ,
Однажды ею подыша,
Въ міръ, мнѣ невѣдомый дотолѣ,
Рванулась пылкая душа.
Отважно я взглянулъ, сынъ праха,
Въ широкій радужный эѳиръ;
Сроднилось сердце съ нимъ безъ страха,
И разлюбилъ я дольній міръ.
И долго тамъ въ странѣ лазурной,
Его чуждаясь, пробылъ я,
И счастье пилъ изъ полной урны
Полуземного бытія.
Мое сродство съ подлуннымъ міромъ,
Казалось, рушилось навѣкъ;
Я, горнимъ дышущій эѳиромъ,
Былъ больше духъ, чѣмъ человѣкъ...
Но пробилъ часъ—мечты, какъ тѣни,
Исчезли вдругъ въ туманной мглѣ,
И послѣ сладкихъ сновидѣній
Я очутился на землѣ.
Тогда судьбы рука жестоко
Меня къ земному пригнѣла,
Оковы врѣзались глубоко,
А жизнь за муками пришла.
Печально было пробужденье,
Я молча слезы проливалъ,
И вотъ, посланникъ Провидѣнья,
Незримый голосъ мнѣ сказалъ:
„Ты осужденъ печать изгнанья
Носить до гроба на челѣ,
Ты осужденъ цѣной страданья
Купить въ странѣ очарованья

Рай, недоступный на землѣ.
Въ тюрьмѣ, за крѣпкими замками
Бѣднѣетъ мысль, хладѣетъ умъ,
Но ты желѣзными цѣпями
Окуй волненье мрачныхъ думъ;
Не довѣряй души сомнѣнью,
За горе жизни не кляни,
Молись святому Провидѣнью
И вѣру въ Господа храни.
Надъ ложемъ слезъ, какъ вѣстникъ славы,
Взойдетъ предсмертная заря,
И воспаришь ты величаво
Въ обитель горняго Царя,
Въ свою небесную отчизну...“
Умолкъ. И ожилъ я душой,
И заглушили укоризну
Слова надежды золотой...
И съ той поры, изгнанникъ бѣдный,
Одной надеждой я живу,
Прошедшей жизни очеркъ блѣдный
Со мной во снѣ и на яву.
Порой знакомый голосъ слыша,
Я отъ восторга трепещу,
Хочу летѣть, подняться выше,
Но цѣпь звенитъ мнѣ: „не пущу“!
И я припомню, что въ оковы
Меня отъ неба низвели,
Но проклинать въ тоскѣ суровой
Не смѣю жизни и земли.
И жизнь ли цѣпь скорбей, страданій,
Въ которой каждое звено
Полно язвительныхъ мечтаній
И ядомъ слезъ отравлено?
Нашъ міръ—онъ мѣсто дикой брани,
Гдѣ каждый бьется самъ съ собой,
Кто, вѣры сынъ, съ крестомъ во длани,
Кто въ сердцѣ съ адскою мечтой.
Земля—широкая могила,
Гдѣ споръ за мѣсто каждый часъ,
Пока всевластной смерти сила
Усопшимъ поровну не дастъ.
Я похороненъ въ сей могилѣ,
Изгнанникъ родины моей,

Перегорѣлъ мой духъ въ горнилѣ
Земныхъ желаній и страстей,
Но я къ страданьямъ пріучился,
Всегда готовый встрѣтить смерть,
Не жить я въ мірѣ здѣсь родился,
Нѣтъ, я родился умереть...
Счастливцу прежде безъ границы
Теперь отрадно мнѣ страдать,
Полами жесткой власяницы
Несчастій потъ съ лица стирать.
Я утѣшительнаго слова
Въ изгнаньи жизни не забылъ,
Я видѣлъ небо безъ покрова,
Награды горнія вкусилъ;
И что страданья передъ ними!
На вѣкъ себя имъ отдаю,
Когда я благами земными
Куплю на небѣ жизнь мою;
И не смутясь житейской битвой
Окончу доблестно свой вѣкъ.
Съ надеждой, вѣрой и молитвой
Чего не можетъ человѣкъ??...

№ 4. ТОТЪ НЕ ПОЭТЪ.

Кто духомъ слабъ и немощенъ душою,
Ударовъ жребія могучею рукою
Безстрашно отразить въ чьемъ сердцѣ силы нѣтъ,
Кто у него пощады вымоляетъ,
Кто передъ нимъ колѣни преклоняетъ,
Тотъ не поэтъ!

Кто юныхъ дней губительныя страсти
Не подчинилъ разсудка твердой власти,
Но волю давъ и чувствамъ и страстямъ,
Пошелъ какъ рабъ во слѣдъ за ними самъ,
Кто слезы лилъ въ годину испытанья
И трепеталъ подъ игомъ тяжкихъ бѣдъ
И не сносилъ безропотно страданья,
Тотъ не поэтъ!

На Божій міръ кто смотритъ безъ восторга,
Кого сей міръ въ душѣ не вдохновлялъ,
Кто предъ грозой разгнѣваннаго Бога
Съ мольбой въ устахъ во прахъ не упадалъ,

Кто у одра страдающаго брата
Не пролилъ слезъ, въ комъ состраданья нѣтъ,
Кто продаетъ себя толпѣ за злато,
Тотъ не поэтъ!

Любви святой, высокой, благородной
Кто не носилъ въ груди своей огня,
Кто на порокъ презрительный, холодный
Смѣнилъ любовь, святыни не храня;
Кто не горѣлъ въ горнилѣ вдохновенья,
Кто ихъ искалъ въ кругу мірскихъ суетъ,
Съ кѣмъ не бесѣдовалъ въ часы ночные геній,
Тотъ не поэтъ!

№ 5. ЧАСЪ МОЛИТВЫ.

Когда взойдетъ денница золотая
На небосводъ
И, красотой торжественно сіяя,
Мракъ разнесетъ,
Когда звонятъ, къ молитвѣ созывая,
И въ храмъ идутъ,
И въ немъ стоятъ, моленье совершая
И гимнъ поютъ;
Тогда и я, съ душою умиленной,
Межъ всѣхъ стою,
И Богу гимнъ, колѣнопрекроненный,
Тогда пою.
Когда царь дня, въ волнахъ купаясь чистыхъ,
Течетъ къ концу,
И запоетъ хоръ птичекъ золотистыхъ
Хвалу Творцу;
И я пою, и я ему молюся
И въ часъ мольбы
Спокоенъ я душой и не боюся
Угрозъ судьбы.
Мольба всегда усладу мнѣ приноситъ,
Мой духъ свѣжа,
Но никогда молитвы такъ не проситъ
Моя душа,
Какъ въ грозный часъ кипучей непогоды;
Слова мои
Тогда солью я съ голосомъ природы,
И, чуждъ земли,

Пошлю къ Творцу усердную молитву
И—внемля ей,
Онъ усмиритъ враждующую битву
Моихъ страстей...

№ 6. СМЕРТИ.

Не приходи въ часы волненій,
Сердечныхъ бурь и мятежей,
Когда душа огнемъ мученій,
Сгораетъ въ пламени страстей.
Не приходи въ часы раздумья,
Когда наводитъ демонъ зла,
Вливая въ сердце ядъ безумья,
На нечестивыя дѣла.
Когда внушеньямъ духа злого
Какъ низкій рабъ послушенъ умъ,
И ничего въ немъ нѣтъ святого,
И много, много грѣшныхъ думъ.
Законъ озлобленнаго рока,
Смерть надо мной останови,
И въ черномъ рубищѣ порока
Меня на небо не зови!
Не приходи тогда накинуть
Оковъ тяжелыхъ на меня;
Мнѣ будетъ жалко міръ покинуть
И робко небо встрѣчу я...
Приди ко мнѣ въ часы забвенья
И о страстяхъ и о землѣ,
Когда святое вдохновенье
Горитъ въ груди и на челѣ.
Когда я думъ высокихъ полный
Безгрѣшенъ сердцемъ и душой,
И бурной суетности волны
Меня отъ жизни не земной
Увлечь не въ силахъ за собой.
Когда я мыслью улетаю
Въ обитель къ горнему Царю,
Когда пою, когда мечтаю,
Когда молитву говорю.
Я близокъ къ небу—смерти время!
Не труденъ будетъ переходъ,
Душа, покинувъ жизни бремя,
Безъ страха въ небо перейдетъ...

№ 7. СОМНѢНІЕ.

Ты началъ жить. Роскошенъ жизни пиръ,
На этотъ пиръ ты позванъ для блаженства.
Великъ, хорошъ, изященъ Божій міръ,
Обиленъ всѣмъ и полонъ совершенства.
Лазурь небесъ, безбрежный океанъ,
Дремучій боръ, такъ пышно разодѣтый,
Сѣдой зимы сердитый ураганъ,
И тишина торжественная лѣта,
И говоръ водъ, и пѣнье соловья,
И надъ землей витающая птица,
И по волнамъ скользящая ладья,
И въ небесахъ горящая денница,
И темнота безмѣсячныхъ ночей,
Пріютъ тоски, мечтаній и любови—
Картины чудныя для сердца и очей.
Ты всѣмъ плѣненъ, и пламя юной крови
Въ тебѣ зажгло высокія мечты,
Ты вспыхнулъ весь огнемъ полунебеснымъ
И, вдохновленъ картиной красоты,
Постигъ Творца въ твореніи чудесномъ.
Какъ праха сынъ, восторженнымъ челомъ
Ты передъ Нимъ во прахъ повергся долу
И, до души проникнутъ божествомъ
Послалъ мольбы къ Всевышнему престолу.
Онъ, внемля имъ, благословилъ тебя.
Сопутствуемъ надеждою веселой,
Иди, иди, надежду полюбя,
Ты съ ней свершишь безъ горя путь тяжелый.
Но берегись! пріюта не давай
Въ душѣ своей мятежному сомнѣнью,
Бѣги его и сердца не ввѣряй
Его всегда недоброму внушенью...
Съ нимъ страшно жить, бесѣдовать грѣшно
И если разъ его къ груди пригрѣешь—
Съ тобой на вѣкъ останется оно,
Ты въ немъ на вѣкъ врага себѣ имѣешь...
Порывъ души въ избыткѣ бурныхъ силъ,
Святой восторгъ при взглядѣ на творенье
Размахъ мечты въ полетѣ вольныхъ крылъ.
И юныхъ думъ кипучее паренье,
И юныхъ чувствъ не омраченный пылъ

Все осквернитъ нечистое сомнѣнье
И окуетъ грудь холодомъ могилъ.
Вездѣ увидишь ты разставленныя сѣти,
Тебя смутятъ тревожныя мечты,
И, даже тамъ, гдѣ смѣло ходятъ дѣти,
Остановясь, задумаешься ты.
Ни красоты природы, ни искусства—
Ничто души убитой не займетъ,
Тлетворный ядъ губительнаго чувства
Другія всѣ изъ сердца изженетъ.
Полюбишь ты сомнѣнья призракъ блѣдный,
Какъ адскій духъ предстанетъ предъ тобой,
Внушитъ совѣтъ и пагубный и вредный,
И грудь зальетъ ревнивою тоской.
Въ ней закипитъ и бѣшено и страстно,
Какъ ураганъ, бунтующая кровь,
Но, мучимый сомнѣніемъ всечастно,
Ты проклянешь безумную любовь,
Ревнивыхъ чувствъ изгладишь впечатлѣнье—
На сердцѣ вновь и хладъ и пустота,
Вотще искать ты будешь утѣшенья,
Нѣтъ, для него грудь будетъ заперта.
Участье дружества, послѣдняя отрада—
И отъ нее сомнѣнье отвлечетъ;
Оно тебѣ врагомъ покажетъ брата
И друга добраго злодѣемъ назоветъ.
Міръ для тебя въ пустыню обратится
Его бѣжать, чуждаться станешь ты;
Въ груди навѣкъ сомнѣнье пріютится
И поселитъ въ ней мрачныя мечты.
Ты не отвергнешь ихъ, привыкшій сомнѣваться
И скоро грѣшныя мышленія тайкомъ
Къ тебѣ начнутъ глубоко прививаться
И созрѣвать на сердцѣ молодомъ.
И вотъ плоды несчастныхъ размышленій,
Съ сомнѣніемъ томительныхъ бесѣдъ:
Ты рабъ его не праведныхъ внушеній,
Имъ омрачишь отрадный Вѣры свѣтъ,
Тогда, тогда,—печатью отверженья
Зажжетъ чело отступника позоръ
И торжество коварнаго сомнѣнья
Тебѣ прочтетъ послѣдній приговоръ.

№ 8. ЗЕМЛЯКУ.

Бывали дни,—въ странѣ родной
Мы жили вмѣстѣ, пылки, юны,
Но чисты сердцемъ и душой.
Судебъ карающихъ перуны,
И Зевсовъ громъ, и громъ тревогъ,
И стрѣлы зависти коварной,
И стрѣлы молньи лучезарной—
Щадили насъ и нашъ порогъ.
Все было тихо; безъ волненій
Текла цвѣтущая весна,
Душа щитомъ безпечной лѣни
Была отъ бурь заграждена.
И намъ казалось,—тяжкій молотъ
Не раздробитъ его во вѣкъ;
И намъ казалось,—пламень, холодъ
И все, чѣмъ дышитъ человѣкъ—
Тотъ щитъ лишь закалятъ надежнѣй,
И навсегда онъ будетъ намъ
Порукой жизни безмятежной,
Отвѣтомъ бурямъ и страстямъ.
Но затаенный долго пламень
Сильнѣе вспыхиваетъ вдругъ,
Но страшный порохъ рветъ и камень;—
Такъ и тотъ щитъ, печальный другъ,
Которымъ грудь мы прикрывали,
Мгновенно страсти разорвали,
Намъ стали скучны ручейки,
Долины, холмики, лѣсочки—
И все, чѣмъ въ долѣ беззаботной
Въ деревнѣ счастливъ земледѣлъ.
(Чему бъ теперь опять охотно
Душой предаться я хотѣлъ).
Мы на чужбинѣ. Рокъ забросилъ
Далеко утлый нашъ челнокъ;
Ты скоро сердце обморозилъ,
Тревоги жизни пренебрегъ.
Я былъ несчастнѣй, я пилъ дольше
Очарованье бытія,
За то потомъ и плакалъ больше.

И громче жаловался я.
Такъ и всегда,—чѣмъ лучезарнѣй
Сначала дольней жизни путь,
Тѣмъ будущность темнѣй, коварнѣй,
Тѣмъ глубже западаетъ въ грудь
Тоски крушительное сѣмя
Въ минуты бѣдствій и утратъ;
И развѣ опытъ, рокъ и время
Его изъ груди истребятъ...
Сбылись ли наши ожиданья,
Узнали ль мы то, чѣмъ желанья
Палили кровь, томили умъ?
Узнали ль мы тоску, страданья,
Мятежъ страстей, волненья думъ,
Узнали дружбу—безъ участья,
Привѣтъ и ласку—безъ любви,
Узнали то, что въ мірѣ счастья
Не уловить, какъ ни лови.
Что на пиру воображенья
Нарядомъ пышнымъ и цвѣтнымъ
Рядили мы, въ пылу забвенья,
То было призракъ, было дымъ.

. . . . . .

. . . . . .

Что хладно мучитъ и терзаетъ,
Ни каплей блага не живя,
То все младое сердце знаетъ,
То все мы встрѣтили живя,
А радость, а надежда славы,
Любви и счастія даровъ?
Какъ осенью листы съ дубравы,
Исчезло все среди снѣговъ,
Къ намъ нанесенныхъ вьюгой буйной
Измѣнъ крушительныхъ и бѣдъ.
Что жъ намъ осталось въ жизни бурной?
Что пронеслось, чего ужъ нѣтъ?
Нѣтъ вѣры въ сбыточность мечтаній,
Которымъ предавались мы.
Есть опытъ. Хладные умы,
Онъ отучилъ отъ ожиданій,
Отъ обольстительныхъ надеждъ,
Отъ дружбы женщинъ и невѣждъ,
И вѣчно ложныхъ упованій.

Мы все забыли, погребли,
Что обольщаетъ чадъ земли,
И холодъ ранняго безстрастья
Намъ скудной сталъ замѣной счастья...

№ 9. МЫСЛЬ.

Спитъ дряхлый міръ, спитъ старецъ обветшалый,
Подъ грустной тѣнію ночного покрывала,
Едва согрѣтъ остатками огня
Уже давно погаснувшаго дня.
Спи, старецъ, спи!.. отраднаго покоя
Минуты усладятъ заботы сѣдины
Воспоминаніемъ минувшей старины...
И, можетъ быть, въ тебѣ зажжется ретивое
Огнемъ страстей, погаснувшихъ давно,
И вспыхнетъ для тебя прекрасное былое!..
И, можетъ быть, распустится зерно
Въ тебѣ давно угасшей жизни силы,
И новой жизнію заглохшія могилы,
Печальный міръ, повѣютъ надъ тобой!
И снова ты проснешься отъ дремоты,
И снова юноша съ пылающей душой,
Забудешь старые утраченные годы
И будешь жить ты жизнью молодой,
Какъ въ первый день созданія природы!
. . . . . .
. . . . . .
Нѣтъ! тотъ же все проснулся ты,
Такой же дряхлый, обветшалый,
Еще дряхлѣй безъ покрывала...
Скрой безобразіе наготы
Опять подъ темной ризой ночи!
Поддѣльнымъ блескомъ красоты
Ты не мои обманешь очи!..

№ 10. БЕЗНАДЕЖНОСТЬ.

Жизнь безъ надеждъ -тропа безъ цѣли,
Страсть безъ огня, безъ искръ кремень,
Пиръ буйный Вакха безъ веселій,
Безъ слезъ тоска, безъ свѣта день.
Жизнь безъ надеждъ—безъ силы воля,
безъ пробужденья тяжкій сонъ;

О, какъ того ужасна доля,
Кто этой жизни обреченъ!
Онъ не живетъ, онъ безъ сознанья
Влачитъ томительные дни,
И цѣпью горькаго страданья
Влекутся медленно они.
Какъ отчужденный, съ мрачной думой,
Съ нѣмой печалью на челѣ
Всегда унылый и угрюмый
Онъ будто лишній на землѣ,
И въ цѣломъ мірѣ нѣтъ предмета
Его способнаго плѣнить,
И вновь отступника отъ свѣта
Къ нему въ объятья заключить.
Глубоко въ сердце уязвленный,
На все онъ холодно глядитъ
И ужъ ничто во всей вселенной
Его очей не веселитъ.
Всему онъ чуждъ—и нѣтъ тяжелѣй
Его догробнаго креста,
И носитъ онъ на грѣшномъ тѣлѣ
Печать поборника Христа...

№ 11. ТУРЧАНКѢ.

Гюльнара, гурія младая!
Какъ много пламени, лучей,
Любови, музыки, рѣчей,
Привѣтовъ, ласкъ и пѣсенъ рая
Въ живомъ огнѣ твоихъ очей!
Кто, кто, безумецъ, эти очи
Отдастъ за звѣзды ясной ночи?
Кто не забудетъ горя, мукъ,
Когда, какъ съ арфы чудной звуки,
Въ порывахъ радости, иль муки,
Слетаетъ съ устъ волшебный звукъ?
А эти перси, моря волны,
Кто не почтетъ, восторга полный,
Тая любовь въ душѣ своей,
За чашу благъ, въ которой слито
Все, что небесное забыто
Въ юдоли плачи и скорбей?
Вотъ кудри—вороновы перья;
Черны, какъ геній суевѣрья,

Какъ скрытой будущности даль,
Роскошны длинны и лоснисты,—
За поцѣлуй въ ихъ шелкъ душистый
Разстаться съ жизнію не жаль.
Вотъ станъ, но кто не приметъ стана
Лишь за воздушный кругъ тумана?
Вотъ ножка, дивная краса!
Подъ солнцемъ нѣтъ цвѣтка, дорожки
Достойныхъ быстролетной ножки,

. . . . . .

Пери, Пери! диво свѣта,
Ненаглядная краса!
Ослѣпляешь, какъ комета,
Ты и чувства и глаза.
Будто солнца лучь полдневный,
Вокругъ тебя блистаетъ свѣтъ.
Смертоносенъ взоръ твой гнѣвный,
Жизнедаренъ твой привѣтъ
Пери, Пери! диво свѣта!
Ты плѣнила мысль мою,
Я тебя, дочь Магомета,
Фантазируя пою.
Какъ твои роскошны грезы,
Какъ восторженны мечты,
Какъ дрожатъ восточной розы,
Нѣги полные листы,
Какъ дыханье безпокойно!
Ты какъ солнце горяча,
И огонь желанья знойный
Вѣетъ съ груди и плеча,
Какъ растопленное злато,
Эта грудь нѣжна, чиста,
Но за то, какъ сталь булата,
Непорочностью тверда...
Пери, много дивной жизни
Затаила ты въ себѣ;
Отъ чего-жъ въ твоей отчизнѣ
Нѣтъ поклонниковъ тебѣ?
Скрыла ты подъ покрываломъ
Прелесть юнаго чела,
И отъ всѣхъ имъ, какъ забраломъ,
Къ сердцу двери заперла!

№ 12. ВОРОНЪ.

Баллада.

Не шумъ домовыхъ на полночномъ пиру,
Не рати воинственный топотъ
— То слышенъ глухой въ непробудномъ бору
Голоднаго ворона ропотъ.
Пять дней какъ у матери вырвавъ дитя
Его огладалъ онъ, терзая,
И съ тѣхъ поръ, то взоромъ въ дубравѣ слѣдя,
То въ дальнія страны летая,
Напрасно онъ лакомой пищи искалъ,
И въ злобѣ безсильной судьбу проклиналъ.
Носился туда онъ, гдѣ люди безъ слезъ
Лежатъ послѣ хладной кончины:
Тамъ жертву оспорилъ вампиръ кровососъ
И не далъ ему мертвечины.
Былъ тамъ, гдѣ недавно пожаръ свирипѣлъ
Вражды, честолюбья и злости:
Тамъ раньше другой подобрать все успѣлъ,
Ему не досталось ни кости!
И вновь безъ добычи вернувшися въ боръ,
Кричитъ онъ и стонетъ, кругомъ водя взоръ,
Едва отъ усталости можетъ сидѣть,
Къ землѣ опустилися крылья.
Чу, шелестъ, чу, топотъ!.. рванулся летѣть,
Но слабыя тщетны усилья.
Вотъ ратникъ лихой. Засверкали глаза
И демонамъ шлетъ онъ молитвы:
„Убей его яростныхъ громовъ гроза,
Иль врагъ наскачи и безъ битвы
Тайкомъ умертви, чтобъ, лишившійся силъ
И голодъ и жажду я имъ утолилъ“.
Но тщетна нечистая просьба, промчалъ
Спокойно ѣздокъ мимо врана,
Съ коня соскочилъ онъ, его привязалъ,
И къ хижинѣ, мракомъ тумана
Отъ взоровъ сокрытой, направилъ свой путь
Исполненъ надежды отрадной,
А воронъ все каркалъ и до крови грудь
Себѣ проклевалъ безпощадно.
Но вотъ встрепенулся онъ радостно вдругъ,

Спорхнулъ, надъ конемъ обогнулъ полукругъ.
Какъ будто бы замыселъ злобный тая,
Ему онъ закаркалъ привѣтно:
„Смотри, какъ летаю торжественно я,
Мнѣ въ мірѣ ничто не завѣтно.
Меня не тягчитъ безпокойный сѣдокъ,
Узда и удила мнѣ чужды,
Быть также счастливымъ и ты бы, конь, могъ,
Не зная неволи и нужды.
Ты также-бъ свободно весь міръ облеталъ
И бурнымъ стремленьямъ преградъ не видалъ"
Тряхнулъ головой благородною конь,
Понравились льстивыя рѣчи!
Рванулся, но столбъ устоялъ, лишь огонь
Копыта взметали далече,
Вновь воронъ закаркалъ: „тебѣ ли нести
Побои, позоръ и неволю,
И ты ли не въ силахъ во прахъ разнести
Вождя хоть какого по полю.
Какъ сядетъ твой ратникъ, взбѣсися, помчи;
Сгони его въ бездну и самъ ускачи!"
На волю порывомъ, какъ злой ураганъ
Могучимъ, отвѣтилъ конь бурный,
И радуясь вынулъ безжалостный вранъ
Несчастнаго жребій изъ урны.
А въ хижинѣ радость. Тамъ онъ и она,
Играетъ онъ локономъ дѣвы,
Она ему шепчетъ, прекрасна, нѣжна,
Любви безконечной напѣвы
Она ему въ очи привѣтно глядитъ.
Но жребій не даромъ блаженство даритъ!
Они разстаются; ужъ близокъ разсвѣтъ.
И горько она зарыдала,
Онъ завтра пріѣхать даетъ ей обѣтъ,
Но дѣва какъ будто узнала
Таинственный жребій, предчувствій полна,
Она его креститъ лобзая.
Онъ сѣлъ и поѣхалъ; уныло она
Очами его провожая
Стоитъ у порога. Вдругъ конь на дыбы!
Заржалъ... и свершилася воля судьбы...
Летитъ безъ наѣздника конь молодой,
„О другъ! Что съ тобою случилось?"

И быстро бѣжитъ она тайной тропой,
И мертвой на трупъ повалилась,
На немъ уже воронъ голодный сидѣлъ
И рвалъ его, въ радости дикой,
Сбылось, совершилось... ужасный удѣлъ
Тебальда постигъ съ Вероникой!..
. . . . . .

№ 13. „АКТЕРЪ“.

Явленіе VII (Кочергинъ, Сухожилова).

Сухожилова: Эко неопрятство какое, Господи Боже мой; въ прихожей ни одного холопа нѣтъ... Чай всѣ по заведеніямъ разбѣжались...

Кочергинъ: А? Откуда вы! Вамъ кого угодно?

Сух. Вѣстимо не даромъ пришла... ахъ... дай Богъ память, фамилія, эдакъ... на помело либо на ухватъ похожа...

Коч. Что такое?

Сух. Да, да вспомнила... кочерга... Гдѣ мнѣ найти г. Кочергина?

Коч. Ха, ха! Да чего спрашиваете, вѣдь я то есть Кочергинъ; а вы то ужъ не Аксинья ли Дмитревна Сухожилова?

Сух. Статочное дѣло, сударикъ...

Коч. Ахъ, такъ вы то и есть... ха, ха! Здравствуйте, матушка Аксинья Дмитревна... ужъ какъ мы васъ ждали то... позвольте поздороваться. (цѣлуетъ ея руку).

Сух. Ждали... что же мнѣ, сломя голову скакать прикажете... растрясти стариковскія кости... Я же, отецъ мой, люблю экономію, не по вашему... велѣла въ домашнюю колымагу запречь въ корень пѣганку, а сивку на пристяжку,—да и въ Питеръ; вотъ отъ того и долго... Что это у тебя за палка въ рукѣ? Дворню, что ли, муштруешь?.. не ловко, не ловко, вотъ у меня плетка сдѣлана... такъ ужъ больно сподручно.

Коч. Нѣтъ, это кій, матушка, для игранія на билліардѣ...

Сух. Въ первый разъ слышу... однако, нѣкогда толковать о белендрясахъ, ты мнѣ лучше скажи, какъ вы тутъ сынишку-то моего просватали?

Коч. Все послѣ узнаете, матушка Аксинья Дмитревна; а теперь не угодно ли сперва закусить, да отдохнуть съ дороги.

Сух. Что? Отдохнуть... вишь, выдумщикъ какой. Ужъ не умыслы ли какіе? нѣтъ, не дамся въ обманъ... проучили меня, батюшка, ужъ довольно!.. Чтобъ я стала закусывать, когда мое дѣтище обманываютъ; нѣтъ закуской меня не купишь... Кусокъ въ горло не пойдетъ.

Коч. (въ сторону). Ну, съ ней кажется придется языкъ закусить. (ей) Помилуйте, чего вы сердитесь...

Сух. Нечего, батюшка, подражиться-то... Нечего бобы разводить говори, что ты дашь за своей дочкой то?.. коли хорошо—ладно; а нѣтъ такъ вѣдь у меня не долго... и простимся какъ разъ...

Коч. (въ сторону) Эге! какая задорная!

Сух. Давай же росписаніе-то.

Коч. Еще не готово, а что поважнѣе, то я такъ скажу, если вамъ хочется.

Сух. Ну, говори: да не криви душой: узнаю всю подноготную... отъ вѣнца оторву, если надуешь.

Коч. Помилуйте... во первыхъ я даю за дочерью двадцать пять душъ не заложенныхъ мужескаго пола, въ Саратовской губерніи.

Сух. Что? 25 душъ! Только! Ахъ ты, голь Саратовская... Чтобъ я позволила моему сыну... Нѣтъ, голубчикъ! Онъ у меня одинъ, какъ порохъ въ глазъ... лишь вы его сколдовали тутъ! опоздай я—вы бы погубили... 25 душъ моему сыну... да есть ли въ тебѣ душа-то!

Коч. Позвольте, позвольте, сударыня: вы прежде выслушайте все...

Сух. Да что слушать... ужъ видно обмануть хотѣли... ну, говори, что еще?

Коч. Сорокъ три души въ Олонецкой губерніи.

Сух. А! Ну, нешто!

Коч. По силѣ духовной, немедленно послѣ переселенія моего въ жизнь вѣчную...

Сух. Что? Послѣ переселенія... прошу прислушать. Эдакъ онъ морочитъ меня, вдову безпомощную. Да Господь знаетъ, когда ты съ душенькой своей растанешься... Можетъ и ни вѣсть сколько проживешь... Хитеръ, больно хитеръ!.. Вишь ты какой боченокъ, развѣ, что паралличемъ хватитъ, а то... Ну, нашелъ мой сынишко сокровище!.. Да нѣтъ; не видать тебѣ моего сына: сейчасъ же выкинь дурь изъ головы и скажи своей дочкѣ... не бывать ей за моимъ сыномъ.

Явленіе VIII.

Лидія (заглядывая въ дверь). Что здѣсь за шумъ?

Коч. Что вы кричите... Уймитесь! сорокъ пять и никого.

Сух. Не уймусь... буду кричать... А это что за нѣженка... не она то ли и невѣста... хороша, больно хороша... больно красива... тонконожка, бѣлоручка, поджарая... Слышишь, голубушка! Выкинь

вздоръ-то изъ головы, не бывать тебѣ за Виктошинькой... ищи другого.

Лид. Что такое?

Коч. Чѣмъ же вамъ моя дочь не нравится.

Она скромна, заботлива,
Послушна, хороша,
Любезна и расчетлива,
Въ ней добрая душа.
Съ такой красоткой ангельской
Женитьба—просто честь!

Сух. У насъ, сударь, въ Архангельской
Почище этой есть.

Вишь расхвастался своимъ добромъ, разбойникъ, съ ума спятилъ да еще тараторитъ. Знайте же, что моему сыну не бывать мужемъ вашей дочки, не быть, не быть и не быть! не будь я—не быть! Не видать вамъ его, какъ ушей своихъ, обманщики! (уходитъ).

№ 14. Водевильныя сцены изъ журнальной жизни.

I.

Утро въ редакціи.

(Кабинетъ опрятно и довольно роскошно убранный; по стѣнамъ развѣшено множество портретовъ писателей и артистовъ; на книжныхъ шкафахъ бюсты Вольтера, Руссо, Пушкина, Крылова, Шиллера и Гете. У стѣны письменный столъ, уставленный разными красивыми бездѣлками, въ систематическомъ порядкѣ, и покрытый бумагами и книгами. Сѣмячко, журналистъ сидитъ у стола).

Сѣмячко. Пропасть дѣла, мало того, что пиши, да еще наскоро, на заказъ, пиши подъ мѣрку наборщика: именно столько, сколько надо въ нумеръ. А тутъ глядишь,—придется что-нибудь выбросить и опять добавляй; и все въ мѣру, и въ строку. Чуть свѣтъ, безчеловѣчные наборщики пришлютъ тебѣ нѣсколько формъ корректуры... Сиди, читай, да думай о томъ, что написать къ завтрешнему нумеру. А тутъ принесутъ газеты; смотришь,—какой-нибудь благодѣтель ужъ и позаботился поздравить тебя съ добрымъ утромъ. Сердиться на него не стоитъ, а все досадно. Чуть успокоишься, сядешь за перо—звонятъ въ колокольчикъ... И ворвется какой-нибудь посѣтитель другъ онъ, не другъ, а такъ, посѣтитель. Потомъ другой, третій... толкуй съ ними... Очень пріятно.

Чуть проснешься, нѣтъ отбоя
Отъ задорливыхъ писакъ,
Не даютъ тебѣ покоя,
Жгутъ сигары и табакъ.
Предлагаютъ вамъ услуги,
Повѣстцу вамъ принесутъ,
И, какъ будто на досугѣ,
Съ жаромъ вамъ ее прочтутъ
Тотъ пучокъ стихотвореній
Вамъ изволитъ предлагать;
Самъ не знаетъ удареній,
А ударился писать.
Тотъ свою дрянную сказку
Подаетъ въ десятый разъ;
„Я поправилъ тутъ завязку,
Сталъ короче мой разсказъ“.
Тотъ съ безграмотной статьею
Силой ломится къ намъ въ дверь:
„Извините—безпокою;
Но послѣдній разъ теперь“.
Тотъ придетъ съ піесой дикой:
„Прочитать я васъ прошу,
Человѣкъ-де вы великой,
Вашимъ мнѣньемъ дорожу“.
И начнется искушенье...
И пойдетъ тутъ кутерьма,
Просто сущее мученье,
Ходишь точно безъ ума.
Тутъ клянешь литературу,
Проклинаешь самъ себя;
Въ лапахъ держишь корректуру,
А *держать* ее нельзя.
А тутъ смотришь,—вдругъ газеты
Новый нумеръ принесутъ,
Въ немъ тебя сживаютъ съ свѣта,
По карману больно бьютъ..,
А тутъ смотришь,—гнѣвный факторъ
Впопыхахъ къ тебѣ бѣжитъ:
„Господинъ, дескать, Редакторъ!
Типографія стоитъ!“
Какъ-нибудь гостей проводишь,
Надъ статьей начнешь корпѣть,
Что попало производишь,

Только-бъ къ сроку подоспѣть!
Вдругъ... о страхъ! толпою гости,
Какъ враги нахлынутъ вновь,
Отъ досады ноютъ кости,
Приливаетъ къ сердцу кровь.
День проходитъ, день потерянъ...
Заглянуть бѣда впередъ,
На другой день,—будь увѣренъ,—
То же самое пойдетъ!

Что дѣлать? Отказать совѣстно... назовутъ гордецомъ. Имъ очень хорошо извѣстно, что журналистъ всегда дома... Притомъ думаешь, что и за дѣломъ; а на повѣрку выходитъ, что просто имъ дома соскучилось... Да и говорить съ ними не о чемъ.

Какъ скучны эти господа!
Жить не даютъ совсѣмъ въ покоѣ.
Придутъ и сядутъ безъ стыда,
Болтаютъ битый часъ пустое,
А ты тутъ думай: вотъ бѣда!—
Я не одинъ и насъ не двое.

Хоть бы сегодня меня не потревожили... У меня такъ много дѣла. Надо прочитать вотъ эту корректуру, да написать статью въ фельетонъ, а то завтра нумеръ не выйдетъ;—а это бѣда—рѣшительная бѣда. На исправный выходъ газетъ и книжекъ у насъ очень, очень много смотрятъ. Давай хоть вздоръ, перепечатанный изъ старыхъ книгъ—все хорошо; дай превосходнѣйшія вещи—днемъ позже—скажутъ—*дрянь*. (*Садится и читаетъ корректуру. Входитъ человѣкъ и подаетъ газету. Съмячко беретъ и читаетъ*). Такъ и есть... Опять ругательство. Задаринъ каждый день меня угощаетъ, видно я ему солоно пришелся. (*Читаетъ и вскакиваетъ*).

Нѣтъ, это ужъ ни на что не похоже. Онъ просто лично меня оскорбляетъ... (*успокоивается*).

Впрочемъ, за что сердиться? Отъ лжи, клеветы и низкихъ намековъ мое доброе имя не пострадаетъ. Пойду впередъ добросовѣстно—публика разсудитъ, какое мнѣніе выше: *продажное* или *неподкупное* (слышенъ звонокъ).

№ 15. „Ѳеоктистъ Онуфріевичъ Бобъ“.

Явленіе I.

Сыромолотный (поетъ куплетъ № 1).

Табакъ противенъ моднымъ франтамъ,
Но человѣкъ съ прямымъ умомъ,

Писатель съ истиннымъ талантомъ
Живутъ какъ съ другомъ съ табакомъ.
Носъ образованный и дикій
Его издревле уважалъ,
И даже Фридрихъ, мужъ великій,
Табакъ въ карманъ жилетный клалъ.
Наполеонъ предъ жаркимъ боемъ
Имъ разгонялъ свою тоску,
И врядъ ли бъ онъ прослылъ героемъ,
Когда бъ не нюхалъ табаку.
Табакъ смягчаетъ нравъ суровый,
Доводитъ къ почестямъ людей:
Я самъ, винюсь, черезъ бобковый
Достигъ извѣстныхъ степеней.
Табакъ, нашъ разумъ просвѣтляя,
Насъ къ добродѣтели ведетъ,
И если трубки презирая,
Весь свѣтъ понюхивать начнетъ:
Добро, какъ будто въ мірѣ горнемъ,
Здѣсь процвѣтетъ съ того числа,
И на землѣ табачнымъ корнемъ
Искоренится корень зла!

Явленіе VII.

Бобъ, разговаривая съ *Сыромолотнымъ*, поетъ: (куплетъ № 3):

Здорово мой толстѣющій!
Вотъ Богъ меня принесъ.
Ну что, каковъ вашъ рдѣющій,
Великолѣпный носъ?
Какъ красная смородина,
По прежнему хорошъ!
А я такъ чай, уродина,
На черта не похожъ?
Уфъ! Какъ меня измучило,
Вспотѣлъ съ дороги лобъ...
Теперь я просто чучело,
А не солидный Бобъ!
А что-то душка-женочка,
Чай рѣки слезъ лила?
Все милаго теленочка
Въ объятія ждала.

Гадать, чай, принималася
На картахъ, на бобахъ
И страшно, чай, боялася
Остаться на бобахъ?
Теперь отъ счастья сбѣсится,
Почти увѣренъ я:
На шею, чай, повѣсится
Мнѣ Аннушка моя!

Явленіе IX.

Бобъ, разгнѣванный самозванствомъ *Кротова*, поетъ: (куплетъ № 7)

Погибель разрушителю
Блаженства моего!
Пойду къ градоправителю,
Съ прошеньемъ на него!
Со мной сыгралъ ты шуточку
И честь мою задѣлъ,
Теперь подъ нашу дудочку
Напляшешься, пострѣлъ!
Мужьямъ въ нашъ вѣкъ рѣшительно
Стеречь должно жену:
Вотъ какъ неутѣшительно
Бросать ее одну.
Съ родимыми пенатами
Чуть, чуть ты разлученъ,
И хватами усатыми
Весь домъ твой окруженъ.

Явленіе X.

(*Родственники обращаются къ женѣ Боба за разъясненіемъ. кто ея настоящій мужъ*).

1-й родственникъ:
Одѣтый точно иностранецъ,
Онъ встрѣтилъ насъ и сталъ кричать,
2-й родств.:
Онъ намъ сказалъ, что самозванецъ
У васъ изволитъ пребывать.
3-й родств.:
Скажите жъ, кто хвастунъ негодный?
4-й родств.:
И кто вашъ мужъ изъ двухъ особъ?
Бобъ (вбѣгаетъ):

Я истый Бобъ, я Бобъ природный!
Какихъ же надо вамъ Бобовъ.
(Споръ, однако, продолжается).
Бобъ поетъ (№ 9).
Не властью судьбы
Попался въ Бобы
Такой человѣкъ дерзновенный!
Онъ долженъ быть плутъ,
Гороховый шутъ,
Не Бобъ онъ солидный, почтенный.
О, радость моя,
Скажи имъ, кто я,
Вѣдь ты такъ добра отъ природы.
Дай знать намъ теперь,
Что это за звѣрь,
Какой иностранной породы?

№ 16. „Шила въ мѣшкѣ не утаишь."

Явленіе II.

Розина поетъ о *Фортункинѣ* (№ 1):

„Онъ и ловокъ, и прекрасенъ,
И уменъ онъ, и ученъ,
Взглядъ его такъ нѣженъ, ясенъ,
И меня такъ любитъ онъ.
Лучше въ свѣтѣ нѣтъ мужчины,
Будетъ мнѣ съ нимъ вѣчный пиръ...
Не видать тебѣ Розины,
Мой дражайшій ювелиръ!
Я читала у Бальзака:
„Какъ-то все идетъ не такъ,
Тамъ, гдѣ мужъ еще до брака,
Поступилъ давно ужъ въ бракъ!"
А у дяди ужъ морщины,
Онъ по шею заплылъ въ жиръ.
Не видать тебѣ Розины,
Мой дражайшій ювелиръ"!

Явленіе IV.

Фортункинъ поетъ (№ 2):

Скученъ былъ я и суровъ
На скамейкѣ школьной,
И своихъ профессоровъ

Проклиналъ невольно.
Я науки вздоромъ звалъ,
Самъ же занимался,
Я начальство осуждалъ,
А повиновался!
Такъ я жилъ, терпя борьбу,
Вдругъ я курсъ кончаю,—
И теперь свою судьбу
Я благословляю!
Мнѣ вездѣ открытый путь,
Статскимъ иль солдатомъ,—
Я вѣдь значу что-нибудь
Съ этимъ аттестатомъ".

Явленіе V.

Розина (о смерти отца и наслѣдствѣ):

„Я помню день: въ предсмертной тяжкой
Родитель мой, страдая, изнывалъ,
Ко мнѣ свои хладѣющія руки
Съ любовью онъ и грустью простиралъ,—
И мнѣ сказалъ: „всю жизнь моей заботой
Была лишь мысль объ участи твоей,
Что нажилъ здѣсь я честною работой.
Все для тебя, для дочери моей!"
И умеръ онъ. Безъ чувствъ и безъ разсудка
Рыдала я, лишенная всѣхъ силъ...
Но я была тогда ужъ не малютка,
Я помню все, что онъ мнѣ говорилъ...
И я горжусь дочерними правами,
Не откажусь легко я отъ того,
Что мой отецъ кровавыми трудами
Пріобрѣталъ для счастья моего!

Рупертъ (объ отцѣ *Розины*):

Припомни, какъ, бывало, съ чашкой кофе,
Сидитъ себѣ онъ съ трубкою въ зубахъ...
Онъ содержалъ харчевню въ Петергофѣ,
Теперь душа его на облакахъ!
Оттоль на насъ торжественно взираетъ,
Какъ геній онъ съ улыбкой на челѣ
И въ знакъ того, что насъ благославляетъ
Надъ нами онъ простеръ свои крыле..."

Явленіе VI.

Фортункинъ, отвѣчая на вопросъ ювелира, читалъ ли онъ его объявленія, поетъ (№ 6):

„На объявленья ловятъ насъ,
Кто нынче ихъ не разсылаетъ...
О новой книгѣ въ день пять разъ
Книгопродавецъ объявляетъ...
Всѣ деньги шлютъ за новизну,
Спѣша прочесть ее во здравье;
А получаютъ старину,
Гдѣ ново лишь одно заглавье;
. . . . . .
Вотъ объявленья! Вотъ они!
Сказать не будетъ неприлично!
Что объявленья въ наши дни
Легчайшій способъ врать прилично.

№ 17. „Похожденія Петра Степановича Столбикова".

Картина 2-я. Явленіе II.

Столбиковъ разсказываетъ о своей службѣ въ полку:

Дворянскую амбицію
Считая ни почемъ,
Съ солдата аммуницію
Надѣли съ тесакомъ!
Всего переиначили,
Я думалъ все снести,
Потомъ какъ школить начали,
Такъ Господи прости!..
„Ногами не разваливай,
Ни съ кѣмъ не говори,
Всю грудь впередъ, выпяливай
И брюхо подбери!
Смотри смиренной дѣвою,
Команду всю, слушай!
И непремѣнно лѣвою
Ногою выступай!"
Начальникъ мой печалился,
Я всѣхъ смѣшилъ собой,
Да наконецъ онъ сжалился,
Махнулъ себѣ рукой,

Сказавъ мнѣ, сожалительно
Взглянувши на меня:
„Не быть пути рѣшительно
Отъ этакого пня!“

Картина 3-я, явленіе VI.

Столбиковъ жалуется на судьбу:

Не ужли, о судьба! не поможешь мнѣ ты?
Не ужли, мнѣ нельзя избѣжать нищеты?
Для того ль я на свѣтъ родился богачомъ,
Чтобы слезы всегда утирать кулакомъ?
И зачѣмъ я теперь здѣсь узрѣлъ красоту?
Не полюбитъ она безъ гроша сироту!
Онъ ограбленъ людьми,—что же есть у него?..
Яко—нагъ, яко—благъ, яко нѣтъ ничего!

Картина 4-я. Явленіе I.

Пятигорошкинъ:

Хоть плохое мнѣ веселье,
Я какъ рыба объ ледъ бьюсь!
Но, отъ дѣлъ и отъ бездѣлья
То и дѣло суечусь;
Жаль, что старость одолѣла,
Радъ бы всѣ дѣла схватить!
Было бъ тяжебное дѣло,
Какъ бы прибыли не быть?
Всѣ дѣла любя душевно
На бумагахъ, на словахъ,
Я присутствую вседневно
Во присутственныхъ мѣстахъ.

* * *

Я за все умѣю взяться,
Я дѣлецъ, сударь, вполнѣ:
Радъ—хоть съ чертомъ потягаться,
Хоть настряпать сатанѣ!
Такъ чего же мнѣ страшиться?
Страшно то лишь можетъ быть:
Если міръ угомонится,
И начнутъ всѣ мирно жить...

* * *

О, тогда конецъ ужасный!
Иски, тяжба, все прощай!
А ужъ я-то, я несчастный
Въ гробъ ложись и умирай!.. (*подумавъ*)
Впрочемъ... нѣтъ, не оробѣю!
Чтобы вспомнили добромъ,
Я и при смерти затѣю
Злой процессъ—съ гробовщикомъ!

№ 18. „Вотъ что значитъ влюбиться въ актрису".

Явленіе III.

Дюрваль разсказываетъ о своемъ сынѣ:

На жизнь не безразсудную
Онъ посланъ былъ отцомъ
Въ столицу многолюдную.
Онъ долженъ былъ съ трудомъ
Во Франціи введенные
Законы изучать,
А началъ беззаконныя
Здѣсь пули отливать!
Шатается въ комедію,
Влюбляется, какъ хамъ,
Того гляди, трагедію
Напишетъ съ дуру самъ!
Теперь на мѣсто прибыли,
Онъ тратится какъ мотъ:
Ужъ близокъ онъ къ погибели,
Онъ будетъ нищимъ въ годъ!
А могъ бы и четверкою
Кататься, какъ баронъ,
Когда бы не актеркою
Былъ въ сѣти завлеченъ...
Съ чѣмъ онъ теперь воротится
Въ родной нашъ городъ Манъ?
Ужъ за него поплотится
Навѣрно мой карманъ!
Кутитъ онъ безъ зазрѣнія
Льетъ пули, можетъ быть,
А мнѣ отъ огорченія
Придется слезы лить!

Письмо *Андріана къ Дюменилъ*:

„Сливаюсь я душою съ каждымъ звукомъ,
Который произносишь ты,—
Когда являешься ты, преданная мукамъ,
Мрачна, блѣдна, какъ геній красоты.
О! Какъ тогда душа моя мятется!
Я весь горю, волненіемъ томимъ,
И одинаково съ твоимъ
Тогда мое младое сердце бьется!

№ 19. „Материнское благословеніе“.

Дѣйствіе 2-е.

Пьерро разсказываетъ Маріи о впечатлѣніи, произведенномъ на него Парижемъ.

„Засовался словно кошка,
Перетрусилъ словно мышь,
Какъ являться понемножку
Сталъ мнѣ издали Парижъ...
А пришелъ, развѣсилъ уши
Среди улицы, какъ шутъ!..
Вотъ ужъ здѣсь такъ бьютъ баклуши
Не по нашему живутъ!
Есть чему тутъ удивляться,
Все тутъ очень мудрено.
Но всего хитрѣй, признаться,
Показалось мнѣ одно:
На бульварахъ очень сходно:
Фракъ иль брюки [1]) продаютъ
Жаль одно лишь непригодно,
Что примѣрить не даютъ.

Дѣйствіе 3-е.

Командоръ хвастается своими успѣхами у женщинъ:

„Позабыть я не могу,
Вы не думайте, что лгу—
Въ продолженіи трехъ лѣтъ
Одержалъ шестьсотъ побѣдъ!

---

[1]) „Много платья“—поправка режиссера.

Да за то ужъ всѣ шестьсотъ (*показывая на голову*)
Здѣсь поставлены на счетъ...
Впрочемъ дамамъ и теперь
Я весьма опасный звѣрь...
И хорошенькій народъ
Не клади мнѣ палецъ въ ротъ!
А забудешься—положишь,
Такъ ничѣмъ ужь не поможешь.
Сколько было баронессъ,
И графинь, и виконтессъ,
И служаночекъ простыхъ,
И гризетокъ молодыхъ—
Поживился, чѣмъ хотѣлъ,
Да къ другимъ и улетѣлъ,
Ужъ издавна я таковъ,
Разомъ кончу все безъ словъ!
И хорошенькій народъ
Не клади мнѣ пальца въ ротъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе III

Къ вопросу о томъ, отжилъ ли Некрасовъ 1

Юношескія стихотворенія Некрасова 24

Драматическіе опыты Некрасова 125

Приложенія 182

I Выдержки изъ сборника „Мечты и Звуки“.

II Отрывки изъ драматическихъ произведеній Некрасова.

Замѣченная опечатка.

---

38 стр. 21 строка сверху напечатано:	*Слѣдуетъ:*
„непосредственно передъ рецензіей“	„непосредственно передъ и послѣ рецензіи“

$\frac{7459}{5}$

BINDING SECT JUN 5 1973

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

PG
3337
N4Z6665
vyp.1

Maksimov, Vladislav Evgen'evich
Literaturnye debiuty N.A. Nekrasova

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 11 22 07 11 019 6